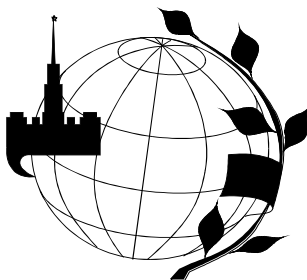

«ЛОМОНОСОВ»

«LOMONOSOV»

M. V. Lomonosov Moscow State University
INSTITUTE OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES
Student Union of Moscow State University
Student Scientific Society
of the Institute of Asian and African Studies

Proceedings
of the 16th International Scientific Conference
for Undergraduated and Graduated Students
and Young Scientists
«LOMONOSOV – 2009»
(13 – 18 April 2009)

ORIENTAL AND AFRICAN STUDIES

Moscow
PUBLISHING HOUSE “KLUCH-S”
2010

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Студенческий союз МГУ

Научное студенческое общество
Института стран Азии и Африки МГУ

Материалы докладов
XVI Международной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Ломоносов-2009»
(13 – 18 апреля 2009 г.)
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Москва
Издательский дом «Ключ-С»
2010

УДК 94(6)(063)
ББК 63.3(0)31я431(0)
МЗ4

Редакционный совет сборника:

Л. В. Гевелинг (председатель), А. Л. Сафронова, В. Б. Иванов, В. А. Мельянцев, А. А. Вигасин, М. Ю. Ульянов, А. Е. Кириченко, П. В. Шлыков

Редактор-составитель:
П. В. Шлыков

Материалы докладов XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009». (13-18 апреля 2009 г.) [Секция] Востоковедение и африканистика. // Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Студен. союз МГУ, Научн. студен. общ-во Ин-та стран Азии и Африки МГУ; [ред. совет сб.: Л. В. Гевелинг (пред.) и др.; отв. ред.-сост. П. В. Шлыков]. – М. : Ключ-С, 2010. – 244 с.

В настоящий сборник вошли тезисы докладов, представленных на заседаниях секции «Востоковедение и африканистика» XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009» (13 – 18 апреля 2009 года).

ISBN

© Научное студенческое общество Института
стран Азии и Африки МГУ, 2010
© Оформление. ИД «Ключ-С», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА ...12

БОНДАРЕНКО РОМАН ЮРЬЕВИЧ

Сфера наибольшей заинтересованности европейца в Азии в Средние Века на примере Марко Поло12

ЖИРОВ ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ

Правление первого императора царства Вэй Вэнь-ди (220 – 227) периода Троецарствия (220-280): становление средневекового китайского государства13

КОМАРОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ

К вопросу о корреляции между типом сосуда и содержанием надписи на сосуде15

ЛИСИЦЫНА АННА АНДРЕЕВНА

Практические аспекты функционирования религиозных запретов катаими и моноими по материалам дневника Фудзивара-но Митинага (966 – 1027) Мидо: кампаку ки17

РЕБРОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

Социально-политическая структура городов Средней Азии в средние века (на основе «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи)19

СЛЕПЦОВА АННА АРНОЛЬДОВНА

Характеристика некоторых социальных групп средневекового Китая на материале анализа художественной прозы эпохи Тан20

СМИРНОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

Политическая история Китая эпохи ранней Тан. Правление Гао-цзу (618 – 627 гг.) и Тай-цзуна (627 – 650 гг.)21

ФИЛИППОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ

Идеологическая легитимизация власти ранних мамлюков в Египте23

ХУДЯКОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ

Роль языка и письменности в формировании государственной идентичности на примере монгольской империи Юань25

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ, ЭТНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ..... 27

БЕЛАЯ ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА

К вопросу об историзме даосского самосознания: по материалам «Книги-основы, разъясняющей внутреннее устройство Трех небес» (Сань тянь нэй цзе цзин)27

БАЛДАНОВА ДИАНА ВАЛЕРЬЕВНА	
<i>К постановке проблемы этногенеза корейского народа (сравнительный анализ с монголоязычными народами: бурятским).</i>	29
КУЛУШПАЕВА ДИНАРА РАДМИРОВНА	
<i>Эволюция традиционного мировоззрения казахской диаспоры Алтайского края.</i>	32
ЗАПРОМЕТОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА	
<i>Темпоральность Торы в раввинистической литературе</i>	34
ИВАНОВА ВЕРОНИКА ВИТАЛЬЕВНА	
<i>Апотропеическое значение печати в охранительной магии турок</i>	36
КОНДРИН РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ	
<i>Отражение социальных проблем современной Японии сквозь призму анимационного искусства</i>	39
ЛЕЩЕНКО КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА	
<i>Развитие семантического образа моста в культурном пространстве города – от Эдо к Токио (на основе анализа городского пейзажа Эдо и Токио в путеводителях и гравюрах)</i>	41
МАЗУРИКА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА	
<i>Христианство в Корее: особенности проникновения и распространения</i>	43
НУРИМАНОВ ИЛЬДАР	
<i>Хадж мусульман России: из прошлого к настоящему</i>	46
ОКОРОКОВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ	
<i>Рунические надписи как памятник древней культуры народа саха</i>	53

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА 57

ИЛЬИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА	
<i>Эмиграционное движение евреев из России в Палестину в конце XIX в.: международные и политические аспекты</i>	57
КАСИМОВА АЛЬФИЯ РАФИСОВНА	
<i>Российско-китайские отношения в области науки и образования в 90-е гг. XX в.</i>	60
НАГИМЗЯНОВ РОБЕРТ АЙВАРОВИЧ	
<i>Эволюция позиций РФ и США по отношению к палестинской проблеме (1991-2008 гг.)</i>	61
ПАЛИШЕВА НАТАЛЬЯ ВИТАЛЬЕВНА	
<i>Созидательная роль европейского колониализма (на примере Индии)</i>	64
САГИТОВ РИНАТ ТАЛГАТОВИЧ	
<i>Дарфурский конфликт в Судане</i>	67
СЕМЕНИСТ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ	
<i>Американо-японский союз безопасности на распутье (1989-1994 гг.): позиция японской стороны</i>	72

СОКОЛОВА ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА	
<i>Эволюция политических взглядов вьетнамской элиты в первой половине XX в.</i>	75
СОЛОДУХИНА ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА	
<i>Контакты и взаимодействие между иудейскими общинами Сиро-Палестинского региона и великими державами в конце XVIII – середине XIX вв. (анализ исторических источников)</i>	78
ТАВШУНСКИЙ ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ	
<i>О создании частной колонии в пол-ЕС (колониальная политика Бельгии во второй половине XIX в.)</i>	80
ТИХОНОВ АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ	
<i>Военнопленные турки в Калужской губернии: от Крымской до Первой мировой войны (по материалам ГАКО)</i>	82
ФИЛИППОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ	
<i>Концепция арабского национализма в идеологии Мишеля Афлака</i>	85
ЦЕРЕРИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ	
<i>Камбоджийский кризис и политика Индонезии в рамках АСЕАН</i>	88
ЧЕРНИЧЕНКИНА НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА	
<i>Проблема османского долга на Лозаннской мирной конференции (1922-1923 гг.)</i>	89
ШЕСТАКОВ НИКОЛАЙ РОБЕРТОВИЧ	
<i>Мустафа Кемаль Ататюрк – военный атташе Турции в Болгарии (1913-1915 гг.)</i>	91

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА..... 93

БАКУСТИН АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ	
<i>Новые тенденции во внешней политике современной Турции в 2000-е гг.</i> ..	93
ВЕРЕЩАГИНА ОКСАНА ОЛЕГОВНА	
<i>Конфликты в Африке как дестабилизирующий фактор мирового развития</i>	95
МАРТЫНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ	
<i>Понятие «гражданское общество» и китайский общественный идеал (XX в.)</i>	98
ДОМАШНЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА	
<i>Политика реформы и открытости как фактор формирования новых социальных групп в КНР (1992-2008 гг.)</i>	101
КОЛОМОЙЦЕВА АННА ЮРЬЕВНА	
<i>Позиция Казахстана в вопросе транзита каспийских энергоресурсов</i>	103

МИСЮРА АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ	
<i>Самоубийство в японском обществе как социологический феномен (комплексный подход).....</i>	<i>104</i>
ОЗОРНИНА АННА СЕРГЕЕВНА	
<i>Внутренняя регионализация Китая в условиях построения «гармоничного социалистического общества» как фактор устойчивого развития.....</i>	<i>107</i>
ОЛЮНИН СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ	
<i>Методология междисциплинарного исследования современной турецкой истории.....</i>	<i>110</i>
РОДИВИЛОВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА	
<i>Кастеизм на местном уровне как одна из проблем современной Индии (на примере штата Тамилнад).....</i>	<i>112</i>
САДИКОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ	
<i>Некоторые аспекты демократизации послевоенной Японии.....</i>	<i>115</i>
СТУРЕЙКО СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ	
<i>Афганские беженцы в высокоразвитых странах (2001-2007 гг.).....</i>	<i>118</i>
ТЕН НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА	
<i>Образы президентов России в современной китайской публицистической литературе.....</i>	<i>121</i>
ФИЛИМОНОВА АЛИНА ЛЕВОНОВНА	
<i>Правовое оформление и политическое воплощение идеи пакистанской идентичности.....</i>	<i>124</i>
ШАПОВАЛОВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ	
<i>Современные тенденции в урегулировании ближневосточной проблемы ...</i>	<i>127</i>
ШЛЫКОВ ПАВЕЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ	
<i>Гражданское общество как лозунг и реальность турецкой политики периода Третьей республики.....</i>	<i>130</i>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ..... 135

БОДОЕВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА	
<i>Сказочный мир в творчестве китайского поэта Гу Чэна (1956-1993) ...</i>	<i>135</i>
БОРИСОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА	
<i>Параллелизм как художественный приём в переводах псалмов Давидовых на японский язык (на основе перевода Международного Библейского Общества).....</i>	<i>137</i>
ГУРИЯ АНАСТАСИЯ ГЕОРГИЕВНА	
<i>Плач в литературной эпической поэме на санскрите: общая характеристика.....</i>	<i>140</i>
КУНИЦКАЯ ЯНА ИГОРЕВНА	
<i>Стихотворные вставки в «Книге о чалме» («Дастар-наме») Хуихал-хана Хаттака (1613-1689).....</i>	<i>143</i>

МУХАМЕТЗЯНОВА ЛЕНИЗА РАСИХОВНА	
<i>Рассказ в турецкой литературе первой половины XX в. как отражение действительности</i>	146
НАВРОЦКАЯ ЛЮБОВЬ БОРИСОВНА	
<i>Образ рая в касыде Ибн Каййима ал-Джаузийи</i>	149
РЕМИЗНИКОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА	
<i>Особенности развития японской поэзии танка в эпоху Муромати</i>	152
СЛЕПЦОВ РУСЛАН НИКОЛАЕВИЧ	
<i>Музыка и музыканты в персидской касыде XI в.</i>	154
ФРОЛОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА	
<i>Оценки влияния конфуцианской этики на поэзию традиционного Китая в современной отечественной синологии</i>	155
ЦЫБИКОВА ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА	
<i>Основные тематические направления в творчестве китайского поэта Хай-цзы (1964-1989)</i>	158
ШИРЕНКОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА	
<i>Путевые заметки как вид литературы на языке хауса</i>	161

ЛИНГВИСТИКА 164

АБИЛОВ ДЖЕЙХУН ВАФАИЛ ОГЛЫ	
<i>О языке Азари и древнем населении Азербайджана</i>	164
АКОПЯН АРМЕНУИ АШОТОВНА	
<i>Аспекты оптимальной языковой глобализации (на примере армянского языка)</i>	166
ВЕРЕЗЕМСКАЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА	
<i>Некоторые аспекты стандартизации письменной и устной речи в современном хауса. Роль английских и французских заимствований</i>	168
ГОРОХОВА Т.Н.	
<i>Вопросы терминологии при изучении японских «айдзуты»</i>	169
ДОРОХИНА МАРИЯ ОЛЕГОВНА	
<i>Сленг в Кении. Особенности номинаций лиц в шенге</i>	172
ИВАНОВА МАРИЯ ЮРЬЕВНА	
<i>Древнетюркские элементы в падежной системе якутского языка</i>	173
КОЗЛОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА	
<i>Лексика боли в языке хинди</i>	175
МАЛЫШЕВА НИНЕЛЬ ВАСИЛЬЕВНА	
<i>Тувинские и монгольские элементы в древнетюркско-якутских параллелях (на материале основ, обозначающих наименования частей тела и организма)</i>	178
МИНЕЕВА КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА	
<i>Глаголы ci и sha в составе фразеологизмов хауса</i>	180

НОЕВ СТЕПАН ОЛЕГОВИЧ	
<i>Географические термины якутского и древнетюркского языков</i>	<i>183</i>
ПИНЧУК ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА	
<i>Политические метафоры в языке суахили</i>	<i>184</i>
ПЛЮШКИНА КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА	
<i>Система личных имен в традиционном обществе хауса</i>	<i>186</i>
САДЫКОВА ЮЛТАН ЗАГИРОВНА	
<i>Арабо-персидские заимствования в татарском языке</i>	<i>187</i>
СТАРОСТИНА ЯНА ЕГОРОВНА	
<i>Древнетюркские морфологические репрезентации в современном якутском языке (категория имени существительного)</i>	<i>189</i>
СЫРОВАТСКАЯ ДИАНА АЛЕКСАНДРОВНА	
<i>Концепт «Родина» в языковом сознании корейцев и якутов</i>	<i>191</i>
ШАХАЕВА АЛЕКСАНДРА АЛЬБЕРТОВНА	
<i>К проблеме изучения аспектуальности в китайском и бурятском языках</i>	<i>192</i>

ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 194

АФАНАСЬЕВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА	
<i>Стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай»: экономические аспекты</i>	<i>194</i>
ГУЛЕВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА	
<i>Экономика просвещения КНР в условиях кризиса</i>	<i>197</i>
КУЗНЕЦОВ ЕГОР АЛЕКСЕЕВИЧ	
<i>Современное состояние и перспективы развития сферы энергоносителей в странах Юго-Восточной Азии</i>	<i>199</i>
ОВЧИННИКОВ ФЕДОР ВАДИМОВИЧ	
<i>Некоторые структурные особенности ВВП КНР в контексте возможных угроз макроэкономической стабильности.....</i>	<i>201</i>
ПОРТНОВА ПОЛИНА ПАВЛОВНА	
<i>Меры по поддержке частного предпринимательства в Китае в условиях экономического кризиса.....</i>	<i>203</i>
РОДИОНОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ, ВИЛЬНЕР РОМАН МИХАЙЛОВИЧ	
<i>Автомобильная промышленность РФ и КНР в период мирового экономического кризиса</i>	<i>205</i>
РЫБАЛКИН РОМАН СЕРГЕЕВИЧ	
<i>Проблемы развития фондов национального благосостояния арабских стран Персидского залива</i>	<i>207</i>
УДАЛОВА ЯНА ЕВГЕНЬЕВНА	
<i>Роль прямых иностранных инвестиций в экономическом развитии Индии ..</i>	<i>209</i>

УСПЕНСКИЙ ЕВГЕНИЙ ЭДУАРДОВИЧ

*Сравнительная характеристика инвестиционного климата в арабских странах*212

ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ215

АЛИЕВ ТИМУР МАМЕДОВИЧ

*Роль денежных трансфертов мигрантов в обеспечении экономического роста стран Центральной Азии и Закавказья.....*215

АЛИЕВ ТИМУР МАМЕДОВИЧ

*Основные этапы экономического развития Республики Казахстан (1991-2007 гг.)*218

ВИЛЬНЕР РОМАН МИХАЙЛОВИЧ, СМИРНОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

*Разумность активного внедрения биогаза в качестве дополнительного источника энергии в условиях экономического кризиса в России.....*221

ВЕСНОВСКАЯ НАТАЛИЯ АЛЬБЕРТОВНА

*Социально-политические аспекты внутренней миграции в КНР.....*223

КОРЦЕНШТЕЙН МАРГАРИТА НАУМОВНА

*Трансграничные экологические проблемы Израиля, Палестины, Иордании..*225

КУЗНЕЦОВА АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА

*Программы ЕС для Турции в области регионального развития*227

ОВЧИННИКОВ ФЕДОР ВАДИМОВИЧ

*Социальные диспропорции как мера хрупкости экономики КНР*230

РЕМЫГА ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

*Обменный курс юаня в условиях современного финансового кризиса*232

ТВЕРСКАЯ ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

*Банковская система Китая в условиях мирового экономического кризиса*235

ФРОЛОВА ИРИНА СЕРГЕЕВНА

*Влияние мирового финансового кризиса на рынок недвижимости Китая*238

Ли Юйцзяо

*Инновации в области использования альтернативных источников энергии в свете возможного сокращения запасов нефти в Китае*240

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Сфера наибольшей заинтересованности европейца в Азии в Средние Века на примере Марко Поло

Бондаренко Роман Юрьевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В средневековом европейском мировоззрении существовало несколько стереотипизированных образов Азии, которые можно условно подразделить на категории в зависимости от географического расположения. Считалось, что Ближний Восток следует рассматривать исключительно как объект завоевания ради возвращения христианских святынь, а о дальневосточных странах существовали весьма смешанные представления, сводимые к информации об их чрезвычайном богатстве и правлении далеко на Востоке христианского царя, пресвитера Иоанна. На фоне столь скудных знаний особенное значение приобретают малочисленные сквозные путешествия через всю Азию, в том числе путешествие Марко Поло в конце XIII в.

Марко Поло был не только и не столько путешественником, сколько высокопоставленным администратором на службе монгольского хана Хубилая, правившего тогда в Китае. Это в достаточной степени определяет зоны его интереса в жизни Азии, а также границу между подлежащей разглашению информацией и тем, что он решил оставить для европейцев неизвестным (существует бесчисленное множество подтверждений существования такого решения). Тем большее значение получают редкие эмоциональные всплески, касающиеся жизни городов, где он побывал или о которых он слышал. На основе именно таких эмоциональных высказываний обычно весьма сухого и молчаливого мессера Марко, как и на основе категоризации отраслей жизнедеятельности, которым он уделяет особое внимание, можно получить представление о наиболее важных для образованного европейца деталях жизни народов Азии и о возможных изменениях в европейском менталитете на основе новых данных.

Проведённое исследование показало, что Марко Поло действительно выделял, в том числе эмоционально, несколько наиболее значимых отраслей в жизнедеятельности. Среди них – вероисповедание народов, политическое устройство государств, торгово-промышленная специализация областей, безопасность торговли, отношения между мужчинами и женщинами, продукты питания и другие. Становится очевидным,

что, хотя для европейцев того времени была жизненно важна антимусульманская позиция, Восток перестает быть в европейском сознании объектом исключительно военных действий или мифотворчества; приходит понимание возможности и торговой выгоды на постоянной основе, что стало впоследствии одной из основных черт Нового Времени.

Литература

1. Книга Марко Поло. М, 1955.
2. *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб, 2007.

Правление первого императора царства Вэй Вэнь-ди (220 – 227) периода Троецарствия (220-280): становление средневекового китайского государства

Жиров Федор Сергеевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Исследование посвящено изучению исторического процесса в течение трех лет истории Китая, в ключевой период перехода от древности к раннему средневековью, точнее, в последний год существования государства Восточная Хань, 219 г. – год перехода власти к династии Цао, в 220 г. – год создания государства Вэй, и в 221 г. – второй год периода Троецарствия, когда наряду с государством Вэй возникло еще два государства Шу в Сычуани и У – в землях южнее реки Янцзы.

Исторический процесс рассматривается с точки зрения двух важнейших аспектов изучения событийной истории: кульминация в борьбе за власть новой династии (219 г.), установление власти монарха нового государства (220 г.), в условиях преждевременной смерти победителя в этой борьбе Цао Цао и её удержание (221 г.) его сыном Цао Пи.

Источником является памятник средневекового китайского историописания *Цзычжи туныцзянь* («Всепроницающее зеркало, управлению помогающее») написанный в XI в. Он был составлен авторским коллективом под руководством Сыма Гуана (1019–1086 гг.) с 1067 по 1084 гг. н.э., и впервые напечатан в г. Ханчжоу в 1086 г. Историческая хроника включает в себя 294 главы (*цзюаня*) и освещает события с 403 г. до н. э. по 959 г. н.э. События в источнике описаны по годам, которые в свою очередь включают сезоны, месяцы и дни.

Задача работы – выявить основных участников этих событий (219, 220 и 221 гг.), очертить круг сторонников Цао Цао и проследить, участвовали ли они в событиях, связанных с процессом утверждения власти Цао Пи после смерти Цао Цао.

219 г. – это кульминация борьбы и установление власти новой правящей династии Цао. В начале 219 г. Цао Цао, приходит к власти и становится правителем в царстве Вэй, опираясь на крупных военачальников и придворных чиновников, таких как Го Хуай (военный чиновник), Чжан Хэ (командующий армией) и Фа Чжэнь (военный чиновник). Они помогают Цао Цао в осуществлении планов по уничтожению армий его основных конкурентов и противников Гуань Юя и Лю Бэя. Цао Цао постепенно подчиняет себе основных своих противников (Гуань Юя и Лю Бэя) и становится гегемоном.

Тогда, в 219 г. выдвижение Цао Пи только начиналось. Он участвовал в придворных интригах, которые начались в девятом месяце 219 г. при дворе Цао Цао, и были направлены на удаление Цао Пи от власти. Так, некий чиновник Вэй Фэн в тайне собирал своих сторонников и строил планы вместе с Чэн И [против Цао Пи]. При дворе Цао Цао были так же чиновники, которые поддерживали Цао Пи: У Чжи и Чэн И. В том же 219 г. шла борьба за власть между будущим правителем царства Вэй Цао Пи и его сподвижниками с одной стороны, и теми чиновниками, которые поддерживали его брата Цао Чжи: Ян Сю, Чжун Яо и Вэй Фэна с другой. Но сам Цао Чжи не очень стремился к власти, чего нельзя сказать о Цао Пи.

Сыма Гуан пишет, что Цао Чжи постепенно отделялся от отца (Цао Цао) и все больше полагался на Ян Сю. Это была его ошибка. А тем временем Цао Пи моментально включается в борьбу за власть. Он казнил придворного чиновника Вэй Фэна и уволил со службы государственного Канцлера царства Вэй Чжун Яо.

В 220 г. после неожиданной смерти Цао Цао, в момент захвата ханьской столицы г. Лояна, власть перешла к его старшему сыну Цао Пи. Следует отметить, что основные соратники Цао Цао, активно принимавшие участия в боевых операциях 219 г., а именно Чжоу Ю (успешный военачальник), Лу Су (придворный советник) и Ли Мэн (ученый, полководец, с его помощью Цао Цао пленил Гуань Юя), в тексте 220 и 221 гг. не упоминаются.

Только Чжан Ци, который в 219 г. был военачальником, встречается так же и в 221 г. При Цао Пи он стал генералом и правителем в городе Ланьчжоу в современной пров. Ганьсу. Интересно заметить и то, что сподвижники самого Цао Пи в 219 г., У Чжи и Чэн И не упоминаются в текстах 220 и 221 гг. После смерти Цао Цао его сын и преемник Цао Пи опирался на род Сыма и новых чиновников (Цзя Сюй, Хуа Синь, Чэнь Цюань).

Из всего вышесказанного следует, что уже в 219 г. Цао Пи резко включается в борьбу за власть, он был готов занять место правителя и его действия накануне и после смерти отца не позволили его врагам

сместить его. В 220 г. он сам формирует команду сторонников из числа людей, которые не являлись ни соратниками его отца, ни его собственными соратниками, после этого удачно удерживает власть, опираясь на нее. Основными сторонниками Цао Цао в 220 г. были: придворные советники Цзя Куй и Сыма Фу, придворный секретарь Чэнь Цзяо, военачальники Су Цзэ, Хао Шао и Вэй Пин, а также военачальник царства Шу Мэн Да. Даная ситуация характеризует Цао Пи как самостоятельного зрелого правителя, способного принимать самостоятельные решения в самые сложные и ключевые моменты. Однако, следует отметить, что в конце 220 г. Цао Пи проявил себя не таким решительным правителем, каким он себя показывал в 219 г. Он уступил, правда на половину, в споре со своим придворным советником Синь Пи. Вполне возможно, что это замечание было введено в текст лично Сыма Гуаном, который хотел представить Цао Пи слабохарактерным. Хотя, как уже отмечалось выше, Цао Пи обладал сильным характером, чем казалось, и чем хотел показать Сыма Гуан.

Библиография

1. The Chronicle of Three Kingdoms (220-265). Chapters 69-78. Tr-d. and annotated by A. Fang. Cambridge, Massachusetts, 1965.
2. *Сыма Гуан* и др. Цзычжи тунцзянь. Т.1, Шанхай 1935.

К вопросу о корреляции между типом сосуда и содержанием надписи на сосуде

Комаров Дмитрий Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Для изучения истории периода Западное Чжоу (1027-771) используются археологические, нарративные и эпиграфические источники. Важнейшим из них является эпиграфика – надписи на бронзовых сосудах и предметах. Нас будет интересовать вторая половина Западного Чжоу с (907-771).

2. Бронзовые сосуды использовались для жертвоприношений предкам в рамках культа предков. Различные типы сосудов выполняли различные функции. Были сосуды для вина, для мяса, для зерна и т.д.

3. В имеющейся в нашем распоряжении Базе данных «Надписи на сосудах периода Западная Чжоу» (составлена, Поповой Г.С. и Ульяновым М.Ю.) на данный момент учтено около 550 сосудов. В базе данных также указан тип сосуда. Переведено пока 45 %. Всего в базе данных около 20 типов сосудов. К изучаемому периоду относится 11.

4. Самым частотным видом сосудов оказались сосуды гуй (41.0%) и дин (24.0%). Это сосуды для зерна и мяса. Так же популярными являются сосуды – чжун (10.0%), пань (5.0%), суй (6.0%) и ху (5.0%).

5. Сосуды гуй и дин выполняли сходные функции, количество знаков на них примерно одинаково, (84 и 82 соответственно). Однако при подробном рассмотрении структуры надписей на этих сосудах видно коренное различие. Сосуд дин чаще всего непосредственно связан с ваном, и действия, которые фиксируются там – прямое волеизъявление вана. В свою очередь, действия, описанные на сосудах гуй, происходят согласно традиции.

6. В структуре сосудов дин и гуй есть существенные различия. На сосудах гуй видим данные о том, что должность или подарок дается за то, что этот человек наследственно занимал это положение при дворе. А на сосудах дин чаще всего описываются действия инициатором, которых непосредственно является ван (большая конкретность, чаще описывается прием у вана).

Складывается впечатление, что иногда сосуды дин использовались для того, чтобы воздействовать на вана, фактически заставить вана, посредством надписи на сосуде действовать. Например: «Сын Неба [пребудет на престоле] десять тысяч лет, сто поколений детей и внуков [Бо Цзян] получают опеку и первозданные щедроты, а Бо Цзян будет ежедневно получать щедрые милости Сына Неба».

Исследование показало, что чем больше дин, тем сильнее власть вана в данный период, чем больше гуй, тем больше влияния на вана оказывает традиция и родовая аристократия. Так как, если ван не может или не хочет участвовать в управлении государством, то действия происходят согласно традиции и запечатлеются на сосудах гуй. Если же Ван активно занимается политической деятельностью, то его действия отразятся на надписях сосудов Дин.

7. Еще одна пара – колокола чжун и сосуды пань. На колоколах (чжун) чаще всего информация сакрального толка, заклинания-пожелания. Сна сосуде пань, поскольку было удобно писать, то сравнительно подробно излагали события современности, такие как сражения, дарения, деяния вана. Анализируя количество этих сосудов, во время каждого из правлений мы можем понять, насколько была активная внешняя политика, или наоборот некоторое затишье.

8. Таким образом, сосуды позволяют нам определить не только политическую, но и социальную ситуацию разных периодов Западного Чжоу. Так же эти данные можно использовать для проверки достоверности нарративных источников.

Литература.

1. Крюков В.М. Текст и Ритуал. М., 2000.
2. Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.

Практические аспекты функционирования религиозных запретов *катаими* и *моноими* по материалам дневника Фудзивара-но Митинага (966 – 1027)

Мидо: *кампаку ки*

Лисицына Анна Андреевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Наше сообщение посвящено комплексу запретов *моноими* и *катаими*, повышенное внимание к которым было характерно для периода Хэйан (794 – 1185). На материалах дневниковой литературы (*кокироку*) на примере дневника Фудзивара-но Митинага *Мидо: кампаку ки* мы попытаемся классифицировать упоминания этих запретов с точки зрения их структуры и проблематики.

В эпоху Хэйан значительное влияние на разнообразные сферы жизни аристократии оказывал сложный комплекс астрологических запретов. Он сочетал в себе элементы традиционной китайской астрологии и гадательных практик, буддизма и некоторые представления традиционного японского комплекса верований *синто* (в первую очередь, идею ритуальной нечистоты *кэгарэ*). Причины повышенного внимания к религиозным практикам и запретам со стороны придворной аристократии до сих пор во многом не изучены и оставляют массу возможностей для дальнейших исследований. Многочисленные источники, сохранившиеся от периода Хэйан, свидетельствуют о том, что комплекс запретов не только влиял на религиозную жизнь двора и на такие стороны повседневной жизни, как перемещения в пространстве, активность общения с другими людьми, но и оказывал существенное влияние на политическую жизнь.

Выполнение запретов на направление *катаими* подразумевало то, что человек в определенные дни или часы избегал передвигаться или совершать определенные действия в «несчастливом» с астрологической точки зрения направлении относительно усадьбы, главного павильона этой усадьбы или более или менее постоянного места пребывания. Если перемещение или другие действия было всё же необходимо совершить, то прибегали к такому способу, как «изменение направления» (яп. *кататагаэ*). Судя по всему, это была довольно распространенная практика в изучаемый период. Запреты *катаими* упоминаются в *Мидо: кампаку ки* значительно реже, чем запреты *моноими*. При

этом исследователь в большом количестве случаев имеет дело с т.н. скрытыми упоминаниями: описывается, к примеру, перемещение в пространстве, и установить то, что причиной его послужило *катагаэ*, можно лишь по косвенным признакам или пользуясь дополнительными источниками.

Если запреты *катаими* касались деятельности человека относительно физического пространства, то комплекс запретов *моноими* регулировал более широкую сферу деятельности, связанную в большей степени с социальным пространством.

Выполнение запретов *моноими* (воздержания) было тесно связано с представлениями о знамениях, в качестве которых могли рассматриваться практически любые происшествия, выходящие за рамки обычного хода повседневной жизни, а также представления о ритуальной нечистоте *кэгарэ*, которое могло быть вызвано контактом с кровью, смертью, болезнью и т.п. Соблюдение же самого запрета было направлено на то, чтобы избежать или свести к минимуму негативный эффект этих необычных происшествий. Как только происходило такое «необычное явление», производилась консультация со специалистами в области *инь/ян* (яп. *оммёдзи*), устанавливалось (иногда путём гадания): каким являлось знамение – благоприятным или неблагоприятным. И если оно было неблагоприятным, устанавливались дни, в которые должны были соблюдаться *моноими*. При этом система была достаточно гибкой, поскольку существовало множество вариантов трактовки знамений.

Существуют различные версии относительно того, в чем же состояло соблюдение *моноими*. Общим в них является то, что человеку в этот день предписывалось не покидать пределы своей усадьбы (или другого места, где он проживает более или менее долгое время), и не следовало принимать посетителей. Кроме того, называются такие аспекты, как запрет на письменный обмен сообщениями, выполнение более или менее важных дел, развлечения.

Тем не менее, насколько можно судить по материалам нашего источника, «идеальному» варианту соблюдения запретов следовали не всегда. Во-первых, степень ограничения, которую *моноими* налагали на человека, сильно различалась в зависимости от его статуса. Наибольшей табуированности подвергался государь, что касается чиновников, то они могли соблюдать запреты менее строго, либо полностью игнорировать их. Во-вторых, существовали определённые способы обмениваться какой-либо информацией или принять посетителей, формально не нарушая при этом запрета. К примеру, в случае обмена письменными сообщениями документ передавался через порог, а посланец оставался за пределами усадьбы. В третьих, проведённое нами

статистическое исследование позволяет говорить о том, что примерно в третьей части случаев, когда было предписано соблюдать запрет *моноими*, этот запрет нарушался в той или иной степени.

Помимо религиозной, запреты *моноими* выполняли некоторые практические функции. Поскольку выполнение запретов предполагало в том числе и освобождение от служебных обязанностей, *моноими* обладали своеобразной функцией создания «личного» (в отличие от служебного) времени, которое придворный чиновник мог посвятить решению внутрисемейных, скажем, хозяйственных, вопросов или просто отдыху. В дневнике можно найти примеры того, что некоторые чиновники могли злоупотреблять такой особенностью бытования запретов. Наконец, существовала возможность спровоцировать соприкосновение человека с ритуальной нечистотой, в результате чего он был обязан соблюдать запреты и, следовательно, на некоторое время не мог участвовать в значимых событиях, т.е. его активность была ограничена. Таким образом, можно предположить, что отдельные представители придворной знати стали использовать *моноими* в качестве достаточного эффективного способа давления на своих политических противников, подтверждения чему можно найти в *Мидо: кампаку ки*.

Социально-политическая структура городов Средней Азии в средние века (на основе «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи)

Реброва Мария Николаевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В современной тенденции, сложившейся в изучении стран Востока, к сожалению, уделяется слишком незначительное внимание исследованию Средней Азии, в особенности средневековой истории городов данного региона. После выхода в 1973 г. коллективного труда О.Г. Большакова, А.М. Беленицкого и И.Б. Бентовича «Средневековый город Средней Азии» исследований подобного масштаба не проводилось, во всяком случае, автором настоящего доклада они не были обнаружены, в то время как внимание к экономике и политике современной Средней Азии, представленной странами, входящими в СНГ, растет.

На основе перевода дошедшего до нас списка «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи была сделана попытка показать социальную и политическую структуру города Средней Азии. В работе были выделены основные социальные категории и отдельные должности в системе городского управления, проанализирована их роль. Были также рас-

смотрены такие аспекты, как значение и статус городов Бухарской области, отражение социальной структуры в планировке города, выражение социальной дифференциации через отношения с землей, внешние признаки выражения социальной дифференциации, статус немусульман в политической и социальной жизни города, роль жителей города в принятии решений общегородского значения, социальные конфликты, встраивание существовавшей в регионе до арабского завоевания структуры управления в систему Арабского халифата и её отголоски в современности. При этом целью было поставлено максимально использовать информацию исторического источника.

В результате, исследование показало, что социально-политическая структура городов Средней Азии в средние века была очень сложна и достаточно разветвлена, отдельные социальные группы могли пересекаться между собой по статусу и функциям в системе управления, границы некоторых социальных групп были размытыми. Многие реалии, имевшие место до завоевания региона арабами, нашли себе применение в системе управления Арабского халифата, органично встроившись в нее.

Литература.

1. *Мухаммад Наршахи*. История Бухары. Ташкент, 1897.
2. *Большаков О.Г., Беленицкий А.М., Бентович И.Б.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
3. *Кочакова Н.Б.* Города-государства йорубов. М., 1968.
4. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Характеристика некоторых социальных групп средневекового Китая на материале анализа художественной прозы эпохи Тан

Слепцова Анна Арнольдовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Основным тезисом и постулатом нашего исследования является идея очевидной и неразрывной связи художественной литературы и истории. Наше исследование направлено на выявление отражений исторических процессов в художественной литературе. Выбранный нами исторический источник является одновременно сборником художественной прозы малой формы эпохи Тан, доказывая возможность и эффективность проведения исторических исследований на междисциплинарном уровне. В первой части нашего исследования мы воспользовались методом контент-анализа и провели числовую обработку частот-

ности упоминаний правления различных императоров изучаемой нами эпохи.

Систематизация такого рода позволила выявить очевидное преобладание упоминания периода правления императора Сюань-цзуна. Соотнеся полученные результаты с уже имеющимися знаниями об истории изучаемого периода истории, мы смогли подтвердить очевидное отражение исторических процессов в художественной литературе и сделать ряд собственных выводов и интерпретаций.

Изучив выявленный хронологический охват памятника и отмеченные в первой части исследования тенденции, мы смогли описать и систематизировать некоторые аспекты наиболее репрезентативно представленной в нашем источнике социальной группы средневекового Китая – чиновничества, охарактеризовав такие стороны его жизни, как быт и службу.

Таким образом, были достигнуты обе цели нашего исследования – нашла подтверждение идея о непрерывной связи и литературы и истории и отражении исторических процессов в художественной литературе, а также была вычленена и систематизирована информация об одной из наиболее интересующих нас с исторической точки зрения социальных групп средневекового Китая – чиновничестве.

Политическая история Китая эпохи ранней Тан. Правление Гао-цзу (618 – 627 гг.) и Тай-цзуна (627 – 650 гг.)

Смирнов Александр Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы с одной стороны выработать методику исследования источника, с другой выделить и интерпретировать историческую информацию при применении этих методик в анализе конкретного текста источника в ходе анализа процесса становления империи Тан (618-907 гг.) – второй и третьей глав *Цзю Тан шу* («Старой истории Тан»). Методики исследования исторического источника основываются на приемах количественного анализа, последующего сопоставления полученных результатов с данными других источников и выделении базовых элементов исторической информации, которые могли бы быть использованы в исторической интерпретации полученных результатов.

В ходе исследования, а также анализе имеющейся исторической информации по данному периоду, мы пришли к выводу, что одной из определяющих политических особенностей данного периода является «соправление». Мы предполагаем, что власть уже в правление импера-

тора Гао-цзу (618-627 гг.) была разделена между последним и его сыном – будущим императором Тай-цзуном (627-650 гг.). Данное «соправление» включает в себе уникальные черты, присущие только ему. Такой характер соправления отличает рассматриваемый период от традиционной в политической культуре стран Восточной Азии системы соправления, когда рядом с фигурой носителя высшей власти стоял представитель высшей родовой знати. В данном случае уникальность конструкции в том, что соправление формируется двумя ключевыми фигурами мужской линии родства – отцом и сыном при доминировании сына, который в конце концов, сместив отца сам пришел к власти.

Анализ источника проводился согласно следующим задачам:

- представить текст источника в виде, удобном для проведения количественного анализа, что будет включать в себя выделение датированных «событий», раскладываемый нами на отдельные «действия» (базовый уровень информации), а также их первичную классификацию по видам, с тем, чтобы в приоритеты сообщений источников за тот или иной год и тем, самым корректно описать ход исторического процесса.

- в связи с тем, что текст хроники, посвященной императору Тай-цзуну разделен на две главы, при рассмотрении массива текста и зная к какому времени относится то или иное описание события (в силу четкой датированности событий) мы можем сравнить две главы и сделать выводы об универсальности или напротив различности описания правления в зависимости от того, к какому периоду (стабильно-му/нестабильному) относится это описание.

- работа по проведению количественного анализа проходит параллельно с переводом источника.

Литература

1. *Цзю Тан шу* 旧唐书 (Старая история Тан)
2. *Синь Тан шу* 新唐书 (Новая история Тан)
3. *Деоник Д.В.* Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю». // Математические методы в историко-экономических в историко-культурных исследованиях. М., 1977.
4. *Деоник Д.В.* Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю». // Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Выпуск II. М., 1973, с. 219-221.
5. *Деоник Д.В., Таркина А.И., Ульянов М.Ю.* Метод выделения и краткой характеристики периодов в истории одного государственного образования Восточной Азии: на примере Цзинь (период Восточное Чжоу, VIII – III вв. до н.э.). // Научная конференции «Ломоносовские

- чтения», апрель 2004 г., Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2004. Книга 1, с. 37-43.
6. *Попова И.В.* "Политическая практика и идеология раннетанского Китая Вост.лит. РАН 1999
7. Очерки по истории Китая, ред. Шан Юэ, М., 1959
8. The Cambridge history of China, v.3 Sui and T'ang China, p.1

Идеологическая легитимизация власти ранних мамлюков в Египте

Филиппов Александр Анатольевич

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Основным источником для написания настоящей работы является произведение раннемамлюкского периода “Zubdat al-Fikra fī Tā’rīḥ al-Nijra”, написанное в начале XIV века одним из представителей мамлюкской элиты, заместителем султана в 1311-1312 гг., Бейбарсом ал-Мансури ан-Насири (ум. 1325). Также широко использовались труд известного мамлюкского историка Ахмада Ибн Али аль-Макризи (1364-1422) «Книга добродетельного поведения для познания государств маликов» (Kitāb al-Sulūk li-ma’rifat duwal al-mulūk) и произведение Ибн Тагриберди (1409-1470) «Сияющие звезды среди правителей Египта и Каира» (Al-Nujūm al-zāhira fī mulūk Miṣr wa al-Qāhira).

В настоящей работе автор рассматривает идеологическую концепцию, призванную легитимизировать господство тюркского меньшинства в долгосрочной исторической перспективе. Труд Бейбарса аль-Мансури представляет в этом отношении особую важность, так как был написан представителем мамлюкской элиты вскоре после установления власти мамлюков в Египте.

Предложенная Бейбарсом аль-Мансури идеологическая концепция состояла из двух основных элементов: а) идея Божественного воздания и страха перед Богом б) идея особой доблести и богоизбранности тюрок.

Первая идея достаточно хорошо разработана в исламской мысли и генетически восходит к Ветхому Завету, будучи одним из основных принципов иудаизма. Господняя кара постигает человека, если грех совершен тайным образом или в том случае, когда государство оставляет его безнаказанным. В последнем случае Божья кара постигает весь народ, погрузившийся в безнравственность (Левит, 20, 2-5; Второзаконие, 27, 24-25; 29, 28; Иезекиил, 33, 2-9). Иудаизм различает два вида воздания: 1) награждение или наказание отдельной личности, 2) награждение или наказание народа или человеческого рода [1]. В то

же время подчеркивается, что Господь никогда не уничтожит свой народ [1]. В исламе эта концепция получила название *rahba(t)* – страх перед Богом и *irhāb* – устрашение [2]. Последнее слово в Коране не употребляется, но встречается имперфект исходного глагола (8:60) [2]. Устрашение используется Богом как способ указать людям на нарушения ими религиозного закона и предупредить о неминуемых последствиях этого.

Эта идея была использована для интерпретации нашествия Чингисхана. Последнее, по мнению автора хроники, и было вызвано многочисленными нарушениями шариата со стороны мусульман. «Сливки мысли» изобилуют описаниями всевозможных грехов, совершаемыми правоверными, и проводят прямую связь между ними и военными успехами монголов [2, с.1, 8-9, 11, 20, 31, 32 и др.]. Многие из этих сюжетов упоминаются и у аль-Макризи [4].

Соответственно, мамлюки рассматриваются как те, кто восстановил господство закона и положил конец безбожии [2, с. 1-2]. Сделав это, мамлюки смогли нанести монголом сокрушительное поражение при Айн-Джалуте (1259) и остановить их дальнейшее продвижение [2, с. 50-52]. Поэтому дальнейшая безопасность *уммы* прямо зависит от сохранения власти мамлюков – единственных, кто смог восстановить шариат и отвести от мусульман гнев Божий.

Эти военные успехи мамлюков и их религиозность связаны с особыми качествами тюрок как богоизбранного народа. По мнению Бейбарса аль-Мансури, «тюрки наиболее великие и благоразумные. Так как в распространении среди них общая и частная польза, то захотело Его Могущество привести их религиозную общину от развалин и заблуждения к благу, чтобы возвести с ее помощью основы истинной веры и вывести их к свету религии из темного гнета безбожия» [2, с. 2]. Поэтому нашествие татар имело целью не только устрашить мусульман, но и вернуть *умму* на праведный путь, поставив во главе ее избранный народ. Автор «Сливков мысли» прямо называет это основной причиной нашествия монголов [2, с. 2].

В качестве обоснования этой идеи проводится параллель с раннеисламской историей. В начале своей деятельности Пророк Мухаммад имел немного сторонников, но их благочестие и преданность исламу помогли им превозмочь своих врагов, несмотря на трудности и преследования, с которыми они столкнулись.

В позднейшей исторической традиции идеологический акцент в легитимизации смещается с группы на личность конкретного правителя. Это привело, в частности, к изменению структурирования материала: от годовых записей, в которых прослеживается история распространения безбожия, Божественной кары и восстановления закона, к описа-

нию правления отдельных султанов, каждый из которых наряду с достоинствами имел и серьезные недостатки [5]. Их лишен только тот султан или та династия, чья власть и легитимизируется в том или ином историческом сочинении.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Идеологическая легитимизация власти мамлюков носила исламский характер, в то время как политический механизм легитимизации власти имел тюркское происхождение.
2. Основными компонентами идеологической легитимизации выступали идеи Божественного воздаяния и богоизбранности тюрок, призванных защищать ислам и мусульман.
3. Предложенная мамалюками идеологическая концепция легитимизации их власти была отвергнута известным теологом Ибн Таймийей (1263-1328), предложившим кардинально новую интерпретацию ислама, возрожденную в современную эпоху.
4. В современную эпоху идеи Божественного воздаяния и богоизбранности меньшинства активно используется целым рядом политических движений (*баасизм*, современный *ваххабизм*, арабский фундаментализм и т.д.). Описание экспансии Западного мира и ее оценка во многом похожи на характеристику монгольского нашествия.

Литература

1. *Бернфельд С.* (1906-1913) Воздаяние // Еврейская энциклопедия / Под ред. Л. Каценельсона и Д.Г. Гинцбурга. СПб: Брокгауз-Ефронь.
2. *Baybars al-Mansūrī* (1998) *Zubdat al-Fikra fī Ta'rīḥ al-Hijra*. Berlin-Beirut: Das Arabische Buch.
3. *Jāmi' ma'ājim al-lughā(t) al-'arabiyya(t)* – Baghdād: al-'Arīsh al-Kambyūtīr – 1 CD-ROM.
4. <http://www.al-eman.com/islamlib> (*Ahmad ibn 'Alī al-Maqrīzī*, *Kitāb al-Sulūk li-ma'rīfat duwal al-mulūk*).
5. <http://www.al-eman.com/islamlib> (*Ibn Taghrībirdī*. *Al-Nujūm al-zāhira fī mulūk Miṣr wa al-Qāhira*).

Роль языка и письменности в формировании государственной идентичности на примере монгольской империи Юань

Худяков Дмитрий Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Если язык является необходимым атрибутом любой группы или общности людей на любой стадии развития, то письменность в той или иной форме является необходимым атрибутом именно государствен-

ности. Письменность, будучи, с одной стороны, средством для решения чисто практических задач (таких, как хранение и передача са-кральных текстов, хозяйственной информации, дипломатическая пере-писка), с другой стороны, обладает и определённой идеологической нагрузкой. Иначе можно сказать, что письменность должна обладать культурной привлекательностью для того или иного народа и, соответ-ственно, государства.

В условиях многонациональной империи письменность призвана, во-первых, служить удобной формой для передачи языка титульной национальности (и, соответственно, администрации); во-вторых, под-держивать связь с доминирующей культурной традицией; в-третьих, поддерживать единство государства. В конечном счете, от успешного внедрения имперской письменности не в последнюю очередь зависит стабильность и существование самой имперской государственности.

Сложные культурно-лингвистические процессы на территории Ки-тая в условиях взаимодействия и взаимовлияния разных языковых се-мей (сино-тибетская макросемья в центре, алтайская макросемья на севере, аустрическая макросемья на юге) происходили на протяжении всей истории страны. Однако именно образование в XIII в. огромной Монгольской империи, частью которой стал и Китай, дало толчок к развитию небывалых до того по масштабам культурных и экономиче-ских связей между разными регионами Евразии.

Сложные социально-экономические процессы, происходившие в империи Юань (наследнице государства Чингисхана), не могли не от-разиться на лингвистической картине. В это время Пекин впервые стал столицей государства, включавшего в себя одновременно традицион-ный Китай, Монголию, Тибет, Корею, Дали (современная провинция Юньнань) и другие регионы. Появилась проблема письменной комму-никации между носителями языков с принципиально различными фо-нетическими системами.

Решение этой проблемы в империи Юань представляет интерес не только с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, но и в свете происходящих ныне в условиях глобализации лингвистических процессов.

Литература

1. *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965.
2. *Лоукотка Ч.* Развитие письма. М., 1952.
3. *Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. М., 1941.
4. *Софронов М.В.* К изучению квадратной письменности. // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть, Улаанбаатар, 1977.
5. *Фридрих И.* История письма. М., 2004.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ, ЭТНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

К вопросу об историзме даосского самосознания: по материалам «Книги-основы, разъясняющей внутреннее устройство Трех небес» (*Сань тянь нэй цзе цзин*)

Белая Ирина Витальевна
МРИВСЭО (Курск, Россия)

В данном сообщении даосизмом мы называем даосскую религиозную традицию в ее организованных формах, появление которой относится ко II в.н.э. и связано с формированием школы Небесных наставников (*Тяньши*), а институциональное оформление – на III-VI вв., что обусловлено деятельностью южных даосских школ Шанцин и Линбао.

В даосизме долгое время отсутствовала вера в основателя, характерная для многих религий мира. Представление о Лао-цзы как первоучителе или патриархе даосского учения появляется сравнительно поздно и, как отмечал еще Е.А. Торчинов, характерно для старой западной синологии, нежели для ранней даосской традиции. В даосизме, по крайней мере, в период его институционализации, Лао-цзы воспринимался не столько основателем, сколько «мессией», посланцем другого – наивысшего божества, либо как одна из его «исторически» поздних манифестаций. Причем, такого рода представления, зародившиеся в религиозных движениях, с одной стороны – в чем-то близких государственным культам, а с другой – лежащих явно на периферии официальной религиозной традиции, до эпохи Тан были характерны далеко не для всех школ организованного даосизма.

Тем не менее, было бы неправомерно говорить, что самосознание ранней религиозной даосской культуры полностью игнорировало исторический подход. Например, в авторитетном даосском сочинении пятого века «Книга-основа, разъясняющая внутреннее устройство Трех небес» (*Сань тянь нэй цзе цзин*) [ЯГ 1196, СТ 1205, ДЦ 876] находим подробное изложение даосского взгляда на проблемы космогонии и на историю даосизма. Текст сочинения сообщает, что первоначально даосского учения (*дао цзяо*) не было. Дао появилось спонтанно и самоестественно из Пустого отсутствия (*сюй у*), а затем, сотворив превращения, породило (*хуа шэн*) Великого мужа Дао и Дэ (*Дао Дэ чжан-жэнь*), который, в свою очередь, в ходе метаморфоз превратился в Высочайшего Старого владыку (*Тай-шан Лао-цзюнь*).

Затем в центре мрака появилась Пустотная пещера (*кун дун*), в которой родилось Великое отсутствие. Великое отсутствие в результате

метаморфоз породило три вида животворящего эфира или дыхания (*ци*) – глубочайший (*сюань*), изначальный (*юань*) и первоначальный (*ши*). Три вида единого дыхания Дао хаотично смешались и породили Сокровенно-глубочайшую нефритовую деву (*Сюань-мяо юй-нюй*), а затем, сгустившись уже в ее теле, создали Лао-цзы. Лао-цзы, сообщая текст, – это одна из явленных форм Старого владыки. Сконцентрировав свою пневму, Лао-цзы сотворил Небо, Землю и Человека. От него же ведут начало три истинных учения. Первое – «великий Дао-Путь беспредельно-высокого» (*у-шан да дао*), оно предназначено для жителей Поднебесной; второе – это «Дао-Путь Будды» (*фо дао*), оно годится для варваров; и, наконец, третье учение распространено на территории древних царств У и Юэ (т.е. в районах к югу от Янцзы) – это «великий Дао-Путь чистоты и союза» (*цин юэ да дао*) [ЯГ 1196, 1: 3а].

Затем в мире все перепуталось, злые силы распространились повсеместно и люди стали поклоняться ложным божествам. И тогда Высочайший вручил «Книгу Великого благоденствия» (*Тай пин цзин*) Гань Цзе и Ли Хуну (?). Однако они не смогли противостоять темному началу и три истинные учения были извращены. Лишь после этого в первый год эры *Хань-юань* ханьского Шунь-ди (142 г.) на землю приходит Высочайший Старый владыка, даровавший Чжан Дао-лину «Путь правильного единства и величия, скрепленного клятвой» (*чжэн и мэн вэй чжи дао*), научающий истинным принципам и законам Трех небес – высших и чистых областей мироздания, населенных небесными божествами. Это было отнюдь не первое появление Старого владыки в мире людей, а потому в сочинении оно названо «новым явлением» (*синь чу*), само же переданное им учение обозначено как «Дао-Путь правильного единства» (*чжэн и*; возможное прочтение – «исправленное единство»). [ЯГ 1196, 1:4b-6a]. Последователи этого учения, принимая «правильную» (*чжэн*; вариант прочтения – «исправленную») веру, стали вносить ритуальный взнос в размере пяти мер риса (*у-доу ми*), а потому его стали обозначать как «Дао-Путь Пяти мер риса» (*У-доу ми дао*). Поскольку учение Правильного единства было даровано Чжан Дао-лину, он становится законным наставником в учении Трех небес и, следуя полученным «откровениям», утверждает систему из 24 округов, должности виночерпиев, преемственность трех первых Небесных наставников и правильный даосский ритуал [Торчинов Е.А., 1993; Филонов С.В., 1999, 2003].

Даже этот краткий обзор некоторых идей, отраженных в сочинении «Сань тянь нэй цзе цзин» дает возможность заключить, что данный письменный памятник является интереснейшим и многообещающим источником по истории формирования даосских представлений о соб-

ственной истории. Кроме того, это сочинение впервые в истории даосизма системно отражает мифологизированную историю становления традиции Небесных наставников. Примечательно, что некоторые из отраженных в тексте сочинения идей и представлений продолжают использоваться в литургической практике и современных последователей этой школы. Наконец, рассматриваемое сочинение содержит интересный материал по проблеме методологического единства даосизма – о соотношении организованной даосской религии и народных религиозных верований.

Литература

1. Сань тянь нэй цзе цзин 三天內解經 (Книга-основа, разъясняющая внутреннее [устройство] Трех небес) // ЯГ 1196, СТ 1205, ДЦ 876.
2. Торчинов Е.А. (1993) Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
3. Филонов С.В. Миграционные процессы как фактор институционализации даосизма (на примере взаимодействия доктрины Небесных наставников и Шанцинь). // Религиозный мир Китая. Альманах. М., 2003, с. 47-63.
4. Филонов С.В. Ранний этап формирования религиозной традиции даосизма (на материале «Дао цзана»). Дисс... к.ф.н. СПб., 1999.
5. ДЦ - Дао цзан 道藏 (Даосский Канон). Папки 1-112. – Шанхай: Печатня «Ханьфэньлоу», 1923-1926.
6. ЯГ – Дао цзан цзы му иньдэ (Индекс авторов и сочинений «Дао цзана»). Сост. Вэн Ду-цзянь. Бэйпин, 1935.
7. СТ – Schipper K. Concordance du Tao-tsang. P., 1975.

К постановке проблемы этногенеза корейского народа (сравнительный анализ с монголоязычными народами: бурятским)

Балданова Диана Валерьевна

Бурятский государственный университет

Этногенез корейцев – одна из наиболее важных и сложных проблем современного корееведения. Несмотря на некоторые успехи в разработке проблемы в целом, многие ее стороны все еще остаются до конца неизученными. Постоянное накопление новой информации по рассматриваемой проблеме, переоценка отдельных методологических подходов вызывает необходимость пересмотра ряда устоявшихся положений.

Актуальность этногенетических изысканий обусловлена также тем, что с их результатами в немалой степени связано положительное ре-

шение ряда других вопросов в области материальной и духовной культуры корейского и бурятского этносов.

На протяжении десятков лет многие российские и зарубежные ученые пытались разрешить вопрос о происхождении корейского народа. Версий на этот счет появилось немало, но все они сводятся к одной, самой распространенной версии – версии о трех потоках протокорейских племен, слиянием которых на Корейском полуострове образовался единый корейский этнос, состоящий из протоалтайских или евразийских, протокитайских, протоавстралийских племен. Южнокорейские исследователи считают, что первоначально корейцев ведут свое происхождение из Сибири, откуда они пришли на Корейский полуостров. Их принято называть палеоазиатами. Российские ученые считают, что в период неолита имела место этническая миграция с севера на юг. Носителями культуры протокорейцев были либо палеоазиты, ассимилировавшиеся в дальнейшем пришлыми тунгусами, либо исключительно тунгусы, проживавшие в районе восточной Сибири еще с верхнего палеолита. Кроме двух указанных ветвей отечественные историки также выделяют третью – южную полинезийскую ветвь, основываясь на схожести мифов об основателях корейских государств с полинезийскими мифами: в обоих случаях первопрародители рождены от яйца. Северокорейская теория этногенеза протокорейцев в корне отличается от всех остальных теорий и отрицает тезис об отсутствии связи между палеолитическим и неолитическим населением жителей Корейского полуострова. Ученые КНДР утверждают следующее: на Корейском полуострове, а также прилегающих к нему районах северо-восточного Китая, Маньчжурии и российского Приморья, без какого-либо этнокультурного влияния извне происходило самостоятельное развитие людей палеолита, потомками которых стали люди неолита, населявшие Корейский полуостров. Р.Ш. Джарылгасиновой показано наличие двух этнокультурных комплексов в этногенезе корейцев – северного и южного, где северный компонент увязывается с «алтайскими» группами. В достаточно широком понимании «алтайского» компонента большая роль отводится монголам. Некоторую ясность в конкретизацию монгольских составляющих корейского этногенеза вносят исследования по этнонимам и топонимам древней Кореи.

Основываясь на материалах археологов, историков, этнографов, культурологов, как отечественных, так и зарубежных, следует отметить, что при изучении этногенеза корейцев были выявлены схожие моменты с этногенезом и культурогенезом монгольских народов, а именно бурятского. Прежде всего, по археологическим данным Б.Б. Дашибалова, где отмечается близость курумчинских петроглифов к фрескам Когуре, схожесть планиграфии и архитектуры горных укреп-

лений Байкала и корейских горных крепостей. По Г. Рамстеду и Е. Поливанову, бурятский язык, как один из монгольских языков, входит в алтайскую языковую группу, в которую на основании лексических и грамматических сходжений включен и корейский язык. Также, к протомонгольским этносам исследователи относят дунху, которые населяли земли Ляодуна и Южной Маньчжурии. Именно здесь осуществлялись этнокультурные контакты предков монголов и корейцев. Затем их исторические пути разошлись: часть дунху участвовала в генезисе корейцев, другая часть под именем хори пришла на берег Байкала. Отсюда в бурятском фольклоре существует упоминание о корейцах, как единокровных братьях, сходные сюжеты о свинье-первопредке. По одному из мифов о предке корейцев Тонмене, которого выбросили в свинной хлев, свиньи согрели его, и он не умер. В бурятском фольклоре также имеются воспоминания о свинье как о культовом животном, и даже первопредке.

Таким образом, проведя анализ существующих теорий, напрашивается вывод о том, что наиболее достоверной теорией происхождения корейцев является версия о трех потоках протокорейских племен. Опираясь на эту версию, теорию южнокорейских исследователей, теорию Р.Ш. Джарылгасиновой и данные археологических раскопок Б.Б. Дашибалова (Байкальской археологической экспедиции), следует указать, что этногенез корейцев, в большей степени связан с этногенезом монгольских народов, что подтверждается множеством сходных элементов как в этно-, так и в культуругенезе данных народов.

Литература

1. *Воробьев М.В.* Древняя Корея: Историко-археологический очерк. М., 1961.
2. *Дашибалов Б.Б.* На монголо-тюркском пограничье. У-У., 2005.
3. *Джарылгасинова Р.Ш.* Древние когуресцы. М., 1972.
4. *Джарылгасинова Р.Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М., 1979.
5. *Джарылгасинова Р.Ш.* Этнотим когуре. М., 1970.
6. *Корейские предания и легенды из средневековых книг.* М., 1980.
7. *Тихонов В.М.* История Кореи. М., 2003.

Эволюция традиционного мировоззрения казахской диаспоры Алтайского края

Кулушаева Динара Радмировна

Барнаульский государственный педагогический университет

Обычаи и обряды любого народа составляют уникальное и неповторимое отображение его нравственности, мировоззрения, которые представляют интерес, как для историков, так и этнологов. Данное исследование базируется на материалах интервьюирования казахов Угловского района (с. Павловка), казахской диаспоры города Барнаула при поддержке Центра казахской культуры «Ата-Мура».

Издревле вопрос о взаимоотношении двух поколений занимал особое место в жизни любых народов, в частности казахов. Почитание старших как часть традиции переходит из поколения в поколение. Раньше старшие устанавливали контроль над всеми сферами жизни младших, а они в свою очередь вынуждены были подчиняться их воле. По мере развития казахского общества и проникновение в него представителей других культур, происходит постепенное изменение традиций и обычаев. Так происходит и с казахами Алтайского края, которые в результате длительного совместного проживания со славянским населением приобрели черты других культур.

В то же время основные черты национальной культуры не потеряли своей силы и до сих пор присутствуют в жизни казахов Алтайского края. Сведения, относящиеся к началу XX в., и анализ собранных материалов в рубеже 1990-х – 2000-х гг. свидетельствуют о том, что свадебная обрядность подверглась существенным изменениям. В XIX в. исследователь А.И. Левшин отмечал, что казахи, следуя Аль-Корану, соблюдают многоженство. Число жен, однако же, редко соответствовало желаниям мужей, потому что они приобретали их покупкою, которая называлась калым и возрастала с количеством жен, так что вторая стоит дороже первой, третья - дороже второй и так далее. Согласно этому правилу, несколько жен мог иметь только богач, а простолюдины – только по одной. Молодые мужчины выбирали первых жен по назначению родителей, девушки же, всегда были подчинены их воле¹.

Несомненно, что в результате советского прошлого свадебный обряд казахов значительно изменился, модернизировался. В настоящие время изменения, произошедшие в свадебном обычае, показывают, что при выборе супруга главную роль теперь играет сама молодежь. Так же по материалам обычного права казахов, упоминается существова-

¹ *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 334.

ние левирата. По данному обычаю бездетная вдова должна была выйти замуж за старшего или младшего брата покойного мужа². В настоящее время этот обычай потерял свою силу. В тоже время внутреннее содержание свадебной обрядности сохраняет национальный колорит, выражающийся в обрядовой стороне, сватовстве, взаимном приглашении и одаривании подарками и т.д.

Произошли изменения и во взглядах на межэтнические браки. Созданию брачных союзов уже не могут помешать, как бывало прежде, ни этнические, ни религиозные предрассудки. Свидетельством этого является повсеместный рост межэтнических браков. Так в полиэтнических селениях казахи указывали, что этническая принадлежность не имеет значения, самое главное – личные качества, уважение национальных обычаев и традиций. Установка на заключение моноэтнических браков характерна для жителей моноэтнических селений, ориентированных на традиционную культуру, связанных, в частности, с определенными нормами взаимоотношений между поколениями, супругами, системой родственных связей и т.д. Определенный интерес представляют изменения в возрастной разнице между супругами и в самом возрасте вступления в брак. Молодежь вступает в брак после продолжительного знакомства в процессе трудовой деятельности, по месту жительства, а так же в ходе учебы в различных учебных заведениях, что, в свою очередь, намного расширило брачный круг, включая представителей других национальностей.

Неотъемлемой частью духовной жизни казахов является погребальный обряд, который в своей основе не претерпел существенных изменений. Сейчас, как и раньше, большая часть казахского населения Угловского района Алтайского края следует обычаю и не указывает имени погребённого.

Пройдя такой долгий путь в своем развитии казахская культура, конечно, же, претерпела большие изменения во всех сферах жизни. Так, например, уважение старших сегодня, скорее внешнее следование традициям без понимания главной духовной ценности. Этнодемографическое доминирование русскоязычного населения привело к тому, что выросло поколение молодежи, незнающее родной язык или владеющее им на примитивном, бытовом уровне. Произошла так же переориентация ценностей. Несмотря на это, казахи смогли сохранить главные неотъемлемые черты нации, доносящие до нас все своеобразие их культуры.

² *Аргынбаев Х.А.* О некоторых пережиточных формах брака у казахов. Т. 10. Павлодар, 2005, с. 8.

Литература:

1. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
2. *Аргымбаев Х.А.* Историко-культурные связи русского и казахского народов. Павлодар, 2005. 244 с.
3. Материалы по казахскому обычному праву: сборник. Алматы, 1998.
4. *Шалгинбаева С.Х.* Свадебные обряды казахского городского населения в конце 90-х гг. XX в. // Вестник МОН НАРК. 2000. №4. с.89-92
5. *Калышев А.Б.* Современная брачная обрядность казахов // Вестник Каз ГУ. Серия историческая. Алматы, 1995. с.64-65.

Темпоральность Торы в раввинистической литературе

Запрометова Ольга Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Появление в раввинистической литературе элементов «внеисторического» мировоззрения, пришедших на смену библейскому историзму, дало ряду исследователей основание для утверждения, что раввинистическая литература, по сути своей, совершенно вневременна и внеисторична. Атемпоральность раввинистического представления о Торе обычно противопоставляется христианской обостренной темпоральности, пониманию Закона как чего-то преходящего, ограниченного временем и привязанного к нему. На самом деле, как в раннехристианских источниках можно найти следы атемпорального подхода, так и в раввинистических источниках присутствуют элементы темпорального отношения к Торе.

Автор сообщения склонен объяснять причины со-существования обеих, казалось бы взаимоисключающих концепций тем, что они зародились и развивались в одной культурной среде, решали схожие (а иногда те же самые) проблемы бытия, пользовались общими понятиями и экзегетическими подходами. Попытаемся понять, насколько раввинистическая литература содержит в себе, в дополнение к, на первый взгляд представляющимися "естественными" для нее, представлениям о вечности и неизменности Торы, дополнительную концепцию историчности Торы; насколько она разделяет эту концепцию с ранним христианством и в какой степени эти две традиции могли повлиять друг на друга в выработке вариантов решения этой сложной проблемы бытия.

* * *

В раннем христианстве следует различать подходы к Торе в изречениях Иисуса, передаваемых первоначально изустно и записанных позже, и в посланиях Павла. Вопрос о том, следует ли иудаизму ожидать

появления новой мессианской Торы в приближающемся конце времен, или скорее ожидать полного упразднения существующей Торы, занимал далеко не последнее место в богословских спорах, начиная с конца периода Второго Храма. Иисус утверждает атемпоральность Торы: *Не думайте, что Я пришел отменить Закон или Пророков. Не отменит Я пришел, а исполнить. Говорю вам: пока не исчезли земля и небо, даже самая малая буква не исчезнет в Законе* [Мф 5:17,18; Лк 16:17]. Анализ деяний Иисуса, повествований о его делах милосердия и исцелениях, как и его изречений, свидетельствует о ранней стадии противостояния внутри фарисейской традиции между традиционным толкованием Торы и новым толкованием тех же вопросов Иисусом. В посланиях Павла разрыв с фарисейской концепцией Торы выражен гораздо сильнее. У Павла, при всех его утверждениях о святости и ценности Закона, последний абсолютно атемпорален. Временные рамки Закона связаны с появлением харизматической фигуры, знаменующей собой *конец дней, завершение срока, полноту времен* и т. п.

* * *

Если мы попытаемся сравнить раннехристианские представления о темпоральности Закона с отдельными фрагментами раввинистических источников, то обнаружим традицию, указывающую на то, что мудрецы думали об ограничении действия Торы во времени - *мир должен существовать шесть тысяч лет. В течение первых двух тысяч лет был хаос; затем две тысячи лет Торы; следующие же две тысячи лет - мессианская эра* (ВТ Санхедрин 97а-б, Авода Зара 9а; Элияху Раба 2). Мы найдем в раввинистической литературе следы спора о том, будет ли Закон Моисея актуален в мессианские времена или будет дана новая Тора - *Тора Мессии* (БР 95:3), причем *Тора, которую человек изучает в этом мире - пустое по сравнению с Торой Мессии* (Кохелет Раба 11,1). Мы приведем свидетельства раввинистических дискуссий, о том, что Тора сохранит свою актуальность в *мире грядущем*, который воспринимается мудрецами как мир после смерти (личный эсхатон) и мир после воскрешения из мертвых (всеобщий эсхатон) – Ваикра Раба 13,3; Тхилим 146:4; ВТ Брахот 17а и др. Таким образом, можно утверждать, что в раввинистической литературе присутствуют следы тех же представлений о темпоральности Торы, которые мы находим в Новом Завете.

На основании проведенного исследования можно предположить, что споры о темпоральности и атемпоральности Торы имели место в фарисейских школах еще при жизни Иисуса и Павла. Последний развил и довел до логического завершения одно из представлений, которое существовало в конце эпохи Второго Храма. При разделении путей иудаизма и христианства споры о темпоральности/атемпоральности

Торы оказались в центре противоречий. В иудаизме утвердилось одно из мнений, в христианстве – другое, но следы противоположных концепций сохранились в литературных источниках обеих религий.

Литература

1. Ковельман А.Б. Эллинизм и еврейская культура. М., 2007.
2. Канонические Евангелия. Пер. с греч. В.Н. Кузнецовой. Под ред. С.В. Лёзова и С.В. Тищенко, М., 1993.
3. Вавилонский Талмуд. Антология Агады. Под ред. А. Штейнзальца и С. Аверинцева. М., 2001.
4. Neusner J. History, Time and Paradigm in Classical Judaism. // Approaches to Ancient Judaism. v. 16 / University of Florida (1999).

Апотропеическое значение печати в охранительной магии турок

Иванова Вероника Витальевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
(Кунсткамера)

Печать как апотропей – явление широко известное во многих культурах. Магический принцип «запечатывания», который мы можем отнести к таким приемам охранительной магии как преграда и укрывание [Левкиевская, 2002], призван не позволить зловредным духам войти в человека, животное или предмет и завладеть ими. Более того, печать, подобно ключу, может закрывать самих демонов в какой-либо емкости, как то происходит в популярном сюжете о джинне, запертом в бутылку печатью Соломона, одним из самых значимых элементов турецкой охранительной магии.

Печать Соломона – пяти- или шестиконечная звезда, образованная тремя и двумя треугольниками соответственно - широко распространенный древний магический символ, появляющийся уже в бронзовом веке. В турецкую магию печать Соломона (*Hız. Süleyman'ın mührü или mühr-i Süleyman*) вошла под влиянием общемусульманской традиции, а также благодаря античному наследию, к которому турки приобщились в Анатолии. Несмотря на использование в турецкой государственной символике пятиконечной звезды, по популярности она значительно уступает шестиконечной. Изображение гексограммы можно встретить на анатолийских коврах, на стенах мечетей и дворцов (например, Зеленой мечети в Бурсе и Топкапы в Стамбуле), на шелковых знаменах эпохи Сулеймана Великолепного, на безымянных могильных камнях Восточной Анатолии, на клинках турецких ятаганов (в частности, на

экземплярах МАЭ РАН, Эрмитажа [Миллер, 1953], ГМБ [Кулланда, 2008] и ГИМ [Аствацатурян, 2002]), на ювелирных украшениях и амулетах. Конкуренцию ей составляет лишь звезда восьмиконечная, образованная наложением двух квадратов – наследие сельджукской эпохи. Однако на нее не распространился авторитет иудейского царя, одного из мусульманских пророков Сулеймана (в сознании турок сливавшегося с образом султана Сулеймана Великолепного).

Образ Сулеймана прочно связан с легендой о кольце, на котором были изображены звезда, религиозно-магическая формула «бисмилла» и сокровенное имя Аллаха. В этом кольце заключалась данная Сулейману Аллахом магическая власть над всеми живыми существами, что нашло отражение в Коране без упоминания, однако, самого кольца (27:15-17, 38-41; 38:35-40).

Охранительная функция печати Сулеймана заключается в ее магической власти над представителями иного мира: джиннами и шейтанами. Она должна наделить человека тем же безграничным могуществом, которым обладал Сулейман, и таким образом обезопасить его. Помимо этого, через уподобление Сулейману запрещенную самим пророком Мухаммедом магию печать переводит в разряд дозволенной, ведь по просьбе Сулеймана сам Аллах передал ему эту силу (38:35-40). Образ желанной магической власти отражен в турецкой поговорке: «У кого печать, тот и Соломон» (*Mühür kimde ise Süleyman odur*).

Стремление воспроизвести то самое волшебное кольцо Сулеймана привело к широкому распространению колец-печатей с изображением звезды и «прекрасных имен» Аллаха (*Güzel İsimler*). Традиция изготовления колец-амулетов с изображением звезды, чаще пятиконечной, существовала и у византийцев. Считалось, что эта «печать Бога» (*Sphragis Theou*) была послана Соломону через архангела Михаила, чтобы царь победил демонов и вернул здоровье больным [Köroğlu, 2004].

Печать Соломона украшает большую часть турецких золотых, серебряных и медных печатей-талисманов, нередко выполненных в форме руки (*pençe-i âl-i abâ*) или меча Зульфикара [Berk, 2004]. Эти печати многократно умножали свою силу через воспроизведение магических знаков и надписей на новых амулетах.

Также печатью Соломона называют ряд из 7 символов ближневосточного происхождения, лишь один из которых поддается расшифровке (собственно, звезда). Чаще всего эти символы располагаются в первой строчке семистрочного магического квадрата, в котором ниже следуют имена Аллаха, королей джиннов, ангелов, названия планет, различные числа, полученные через сложные подсчеты цифровых зна-

чений букв (*ebcet hesabı*) и астрологические изыскания [например, см: Budge, 1968, 40].

Однако магическая функция печати в турецкой традиции не всегда связана с именем Сулеймана. Не менее известна легенда о «семи спящих отроках эфесских», изложенная в Коране [18:9-14]. Имена людей пещеры (*ashab al-kahf*) (*Mekselin, Yemliha, Mislina, Mernuş, Sazenuş, Debrenuş, Kefeşeteyuş*) получили славу сильнейших магических средств, а именем их собаки (*Kitmir*) стали запечатывать письма и важные документы.

Еще одна важная печать – *тугра* – монограмма султана. Первоначально являвшаяся личной подписью, позже она превратилась в печать и символ данной Аллахом власти султана. Сама принадлежность ее к божественному источнику власти придавала ей особый магический статус, обусловив ее применение не только на документах, марках, орденах, флагах, печатях и зданиях, но и на амулетах. Сам процесс написания *тугры* нередко сопровождался молитвами, а изображение дополнялось строками из Корана. Стоит отметить, что амулеты-печати с *тугой* первоначально были доступны лишь малому кругу лиц, так как монополию на использование «герба дома Османов» имел султан и ряд визирей. Использование в качестве амулета печати с королевским именем было знакомо уже в Древнем Египте. Если подобная печать имела контакт с самим правителем, она наделялась особой сакральностью.

Тугра, по легенде произошедшая из отпечатка руки султана Орхана, и ее сходство с рукой означало фактическое прикосновение султана к любой вещи, на которой размещалось ее изображение. В результате, сакральностью стала обладать уже сама ее форма, а содержание могло сильно разниться от первоначального. Так, например вышитое бисером панно №6798-1 в фондах МАЭ РАН представляет собой выписанное в виде *тугры* выражение «*бисмилла*».

И напоследок, главным символом печати, знаковым для всей мусульманской культуры выступает сам пророк Мухаммед. Его пророческая миссия была подкреплена видимым свидетельством - «печатью пророчества» (*nübüvvet mührü*), родимым пятном между лопатками. Кроме того, он сам явился печатью, став последним в цепи посланных Аллахом на землю пророков. Его имя является - один из главных апо-тропеев в турецкой охранительной магии.

Литература

1. Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб, 2002.
2. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.

3. Кулланда М.В. Эволюция ремесленного производства как отражение перемен в жизни Османской империи XVI-XIX в. (по материалам музейных коллекций). Кандидатская диссертация. М., 2008.
4. Миллер Ю.А. Художественное производство холодного оружия в Турции в XVI – XVIII в. (по материалам Государственного Эрмитажа). Л., 1953.
5. Budge E.A.W. Amulets and Talismans. New York, 1968.
6. Berk S. Ottoman talismanic seals // Art and culture magazine. 2004, issue 12.
7. Çoruhlu Y. Türk mitolojisinin anahtarları. İstanbul, 2006.
8. Köroğlu G. Byzantine amulets illustrated by examples from the Haluk Perk collection // Art and culture magazine. 2004, issue 12.
9. Kaymaz R. Osmanlı Padişahlarının Tuğraları. Ankara, 1999.

Отражение социальных проблем современной Японии сквозь призму анимационного искусства

Кондрин Роман Евгеньевич

Магнитогорский Государственный Университет им. Г.И. Носова

Не является секретом тот факт, что именно искусство является «барометром» настроений в обществе. С древнейших времен художники и писатели, в роли которых часто выступали религиозные деятели и философы, отражали в своих работах насущные социальные проблемы. В XX в. к традиционным видам искусства присоединились кино и телевидение, которые стали основным источником информации для людских масс, что, в свою очередь, сделало их надежным индикатором для анализа возникающих социальных тенденций.

Одна из главных проблем Японии на современном этапе – продолжающееся старение нации. В то время как, в отсутствие полезных ископаемых, основным источником конкурентоспособности страны на мировой арене является квалифицированная рабочая сила, в Японии доля работоспособного населения постоянно снижается. В таких условиях на первый план выходят социальные проблемы молодежи, т.к. именно молодое поколение является главной ценностью нации, является той силой, что должна удерживать страну в числе наиболее развитых.

В отличие от западной культуры, где анимационное искусство традиционно воспринимается как рассчитанное исключительно для детей, в Японии оно представляет собой часть широкого культурного пласта предназначенного для всех возрастов, но основными его потребителями являются люди до 30 лет. Поэтому рассмотрение именно анимационных произведений позволит выделить те проблемы, которые прояв-

ляются на современном этапе и определяют будущее развитие японского общества.

Анализ вышедших в последние годы произведений позволил выделить следующие категории социальных проблем: поиск жизненного пути как обучающимися, так и молодыми специалистами; изменение отношения к традиционным общественным ценностям; высокий уровень самоубийств в стране; появление особой формы социофобии «хикikomори».

Проблема поиска жизненного пути проявляется во многих произведениях, но наиболее ярко в таких как: «Мед и клевер», «Nodame Cantabile», «Нана», «Генсикен».

«Мед и клевер» – история о студентах колледжа искусств, пытающихся понять, зачем вообще они изучают искусство, что ждет их в дальнейшей жизни, как приобретаемые знания и опыт могут быть полезны в «реальной, взрослой» жизни. Такие вопросы задают себе многие молодые японцы, и так же, как и герои аниме не находят на них правильных и точных ответов. В данном произведении четко прослеживается важная для общества проблема: отрицание молодежью стиля жизни своих родителей. Старшее поколение японцев находило цель жизни в служении идеалам общества, идеалам коллектива. Нужды страны, нужды компании ставились выше личных, что привело к формированию особой жизненной позиции: получить образование, поступить в крупную корпорацию или государственную структуру, проработать там всю жизнь, выйти на оплачиваемую пенсию. Герои данного произведения знают, что старшее поколение не может помочь им найти путь, позволяющий жить в современном мире, следовать своей собственной цели и одновременно оставаться частью общества.

Проблема изменения отношения к традиционным ценностям с одной стороны является обособленным процессом, возникшим как часть процесса секуляризации, с другой стороны это ответная реакция на предыдущую проблему. Молодые люди сначала отрицают все ценности, чтить которые их воспитывало общество. А после понимают, что отбросили слишком многое и пытаются вернуть себе некую часть культурного наследия своей нации. С религиозной точки зрения эти вопросы хорошо рассмотрены в таких произведениях как: «Хранительницы», «Волчица и специи», «Инари в нашем доме». На протяжении столетий японское общество было очень религиозным, в стране были широко распространены и буддийские, и синтоистские учения. Сейчас же люди не просто утрачивают веру, они теряют большее – теряют связь друг с другом. Еще несколько десятилетий назад важной формой социальной жизни было посещение храмов во время праздников (Новый год, «Золотая неделя», летние фестивали). Каждый район жилой

застройки формировался вокруг определенного храма, все местные жители регулярно встречались, посещая его, что способствовало формированию широких социальных сетей. Сейчас данная часть культуры и истории страны теряет свою значимость, что порождает определенное социальное беспокойство.

Развитие семантического образа моста в культурном пространстве города – от Эдо к Токио (на основе анализа городского пейзажа Эдо и Токио в путеводителях и гравюрах)

Лещенко Ксения Андреевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В начале XIX века на первый план в японской гравюре выходит жанр городского пейзажа. Его развитию способствовало появление в XVII веке путеводителей по знаменитым местам (*мэйсёки* и *мэйсёдзуэ*), что стало следствием ослабления ограничений в передвижении по стране. Количество пейзажных гравюр с изображением города Эдо – политического центра Японии – также многократно увеличилось.

Поскольку город вырос из рыбацкой деревушки, обращенной к океанскому заливу и расположенной в устье реки Сумидагава, можно говорить о том, что водная стихия в Эдо изначально была одной из главных субстанций, которая влияла на формирование и развитие города, чья история, соответственно, неразрывно связана с возведением мостов через реки и многочисленные каналы.

Количественный анализ содержания гравюр наиболее известных пейзажистов эпохи Эдо (всего рассмотрено двести гравюр таких художников, как Кацусика Хокусай, Андо Хиросигэ, Сётэй Хокудзю, Утагава Тоёкуни) с изображением городского пейзажа показывает многочисленность (более ста) гравюр с изображением моста, что дает право утверждать: мост в Эдо был одним из самых символически нагруженных объектов культурного пространства города. Именно поэтому мост был выбран нами как объект исследования, а гравюры стали основным источником, т.к. дают возможность наиболее наглядно выявить основные символические значения моста в городском пространстве.

(1) В период Эдо (1603-1867) расположение городских районов было пространственным выражением сословной структуры общества: замок сёгуна и окружавшие его усадьбы даймё (высшего слоя военно-феодалного дворянства) были отделены от городских кварталов, где жили торговцы и ремесленники (*тёнин*) целой системой рвов и каналов. Таким образом, мост символически соединял господствующее

сословие и остальные сословия, разделенные между собой самой пространственной структурой города.

(2) С ролью городских рек как посредника для общения, отдыха и раскрепощения связано символическое восприятие моста как места освобождения от сословных различий, поскольку это особое значение рек ярче всего проявлялось именно в тех местах, где их пересекали мосты. Здесь с начала XVIII в. часто создавались противопожарные пустыри, на которых формировались центры развлечения, заполненные лавками и балаганами. Складывающаяся в этих местах атмосфера удовольствия и веселья стирала социальные различия, давала людям всех сословий возможность условного «бегства» из-под гнета сословных ограничений. А сами мосты воспринимались как символический «вход» в эту атмосферу.

В период Мэйдзи (1868-1912) город получил новое имя Токио и официальный статус столицы государства – места проживания императора. Открытие страны для внешней торговли в конце 1850-ых гг. сделало Токио еще и «витриной страны», по которой иностранцы должны были судить о степени ее модернизации. В центре Токио был создан городской пейзаж в западном стиле, включавший здания европейского вида, железные дороги, новые каменные мосты.

Строить новые объекты и здания часто стали на берегах рек и возле мостов. Причину этого можно увидеть в том, что пространство перед мостами, где было оживленное движение и открывался широкий вид на реку, традиционно собирало людей и притягивало людские взоры. Поэтому оно стало самым подходящим местом для того, чтобы «прорекламировать» жителям новые здания, ставшие символами новой «просвещенной цивилизации».

(3) Мост в городских пейзажах этого периода становится символом инноваций, заметно стремление художников изобразить именно на фоне моста новые явления эпохи - европейские здания, каменные набережные, линии электропередач, рикшей, людей в европейской одежде. Теперь мост связывает две эпохи, прошлое и будущее, «ведет» зрителя в новый мир, становясь «воротами» проникновения новой цивилизации.

(4) В 1869 г. в Эдоский замок переехал император, жилище сёгуна превратилось в Императорский дворец, а мост Нидзюбаси между дворцом и остальным городом стал символически соединять сакральное (связанное с присутствием божества - императора) и не-сакральное пространство.

Главным выводом аналитического исследования можно сделать следующий: в период Эдо в городе Эдо мост являлся символом соединения господствующего сословия и остальных сословий (1) и симво-

лом освобождения людей от сословных различий (2), в период Мэйдзи в городе Токио, где сословные различия уже не играли особой роли, мост стал символом соединения различных эпох (3) и соединения пространства обитания императора с остальным городом (4). Таким образом, главным направлением развития символического образа моста в культурном пространстве Эдо и Токио было связывать то, что в каждый конкретный период необходимо было связать в городе, разделенном не только природными, но и сословными и историческими перегородками.

Христианство в Корее: особенности проникновения и распространения

Мазурика Юлия Владимировна

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Географическая отдаленность, недостаточный уровень развития суходождства, колониальное освоение европейскими государствами других регионов Востока и, не в последнюю очередь, политика строгой изоляции от внешнего мира, веками проводившаяся Китаем и Кореей были причиной отсутствия контактов между корейцами и христианами. Поэтому первые непосредственные связи между корейцами и христианами начались сравнительно поздно – в конце XVII в., тогда как в Китай в первый раз оно проникло в VII в. и начало распространяться в XIII-XIV вв., а в Японии – с XVI в. По сравнению с другими странами Восточной Азии история распространения христианства в Корее довольно нетипична. Проникло христианство в Корею гораздо позднее, чем в Японию и Китай, без непосредственного участия западных миссионеров, чисто литературным путем, а его распространение было достаточно быстрым, успешным и, опять-таки, не являлось результатом деятельности иностранных представителей. В силу того, что проповедниками христианского учения являлись сами корейцы, преследования христиан возникли позже, а само христианство прижилось крепче, нежели в Японии и Китае, где огромные усилия западных миссий в этот период не привели к значительным результатам.

Впервые с западной цивилизацией и христианством в частности корейцы познакомились в период японо-корейской войны (1592-1598 гг.). Ввиду того, что среди японских солдат было множество христиан, армию Тоётоми Хидэёси сопровождал португальский иезуитский священник Грегорио де Геспедес, который прожил около полутора лет в Пусане, где и пытался проповедовать христианство. Однако количество принявших христианство в этот период остается неизвестным.

Представляется вполне очевидным, что успеха его миссионерская деятельность не имела, поскольку в условиях войны воспринималась корейцами как захватническая и враждебная³. Более тщательно с христианством корейцы познакомились в Китае, где члены корейских миссий встречались с действовавшими там христианскими миссионерами. Через них в Корею, проводившую с середины XVII в. политику самоизоляции и ограничения контактов с внешним миром, попадала религиозная литература, переведенная с европейских языков на древнекитайский. Попадавшая в Корею западная литература, в том числе и христианские трактаты, вызвала большой интерес среди образованной части населения, став с середины XVII в. объектом пристального изучения. Так, например, в 30-е гг. XVII в. в руки корейских послов в Пекине попала работа итальянского иезуита М. Риччи «Истинное понимание Господа». Переведенная на китайский язык и изданная в Пекине в 1603 г., она должна была первым делом убедить представителей конфуцианской цивилизации в том, что главные положения христианской религии ничуть не противоречат заветам древних мудрецов Срединной империи. Такой подход в значительной степени оправдал себя – первыми христианами в Корее стали известные сирхакские ученые Ли Ик (1682-1783) и его ученик Ян Джонбок (1712-1791)⁴.

В 1770-х гг. в Сеуле возник кружок молодых конфуцианцев, которые занимались изучением христианства по книгам католических священников, проповедовавших в Китае. Новое учение настолько охватило умы этих корейцев, что они начали на практике осуществлять то, что им удавалось узнать из книг, однако многое в этом учении требовало для них разъяснений и дополнений. В этой связи в конце 1783 г. они решили поручить Ли Сын Хуну (1756-1801), одному из членов кружка, имевшему возможность сопровождать своего отца, назначенного посланником в Пекин, собрать более точные сведения о христианской религии. По прибытии в Пекин, Ли Сын Хун имел несколько встреч с католическими миссионерами, которые не только подробно ознакомили его с христианской религией, но и крестили его, назвав Петром, в надежде, что он будет «первым камнем» в основании корейской церкви. Его примеру последовали и другие члены посольства – Ли Бёк, Квон Ильсин⁵. По возвращении в Корею ими была создана первая католическая община (1784 г.).

Благодаря сочувствию оттесненных от власти янбанских группировок и популярности в страдавшей от феодального гнета крестьянской

³ Kim Duk-Whang, 1988, pp. 272-273.

⁴ Kim Young-Gwan, 2002, p. 71.

⁵ Grayson James H., 1985, p. 72.

среде, число приверженцев христианства стало быстро расти, что не могло не вызвать беспокойства корейского правительства. Существовая без священников и руководителей, и не имея возможности получить их из Китая через зорко охраняемую границу, корейцы-христиане сами создают свою иерархию, состоящую из епископов и священников, которые крестили, исповедовали и причащали народ. Однако с первых дней католическая община наталкивается на запреты и преследования со стороны государства. В христианстве правящие круги во главе с королем увидели опасность традиционным устоям корейского общества, поэтому на протяжении столетия власти ведут отчаянную борьбу с христианством, вплоть до его легализации в 1880-е гг., организовав в течение 1785-1876 гг. десять крупномасштабных кампаний по искоренению «западной ереси»⁶.

Иными словами, несмотря на особенности проникновения христианства в Корею, ответ традиционной культуры на инновацию был на этом этапе традиционен. Множество корейских христиан погибло на плахе и в тюрьмах. Их судьбу разделили и иностранные миссионеры, главным образом – французские и китайские католические священники, тайно проникавшие в Корею из Китая (въезд иностранцев в страну был тогда категорически запрещен) и редко возвращавшиеся назад живыми. Тем не менее, корейская католическая община продолжала существовать и расти. И к моменту фактической легализации христианства в 1880-е гг. численность корейской католической общины превышала 12 тыс. человек⁷. В целом католичество и христианская мораль сумели пустить глубокие корни в Корее и, несмотря на многочисленные гонения, завоевали немалую популярность среди практически всех слоев корейского общества. Его распространению на первых порах способствовала обстановка общего духовного кризиса, который подорвал позиции традиционных верований и идеологии, в результате чего христианство, придя в Корею и не встретившись с традиционными религиями, почти не столкнулось с тем воинственным неприятием, которое было свойственно многим странам Востока. К тому же знакомство с христианством происходило на два столетия позднее, чем в Китае и Японии, ввиду чего этап знакомства с западной религией прошел для Кореи быстрее и безболезненнее, создав предпосылки для более тесного общения в условиях уже полной легализации деятельности христианских миссионеров.

⁶ Kang Wi Jo, 1997

⁷ Choi Jai-Keun, 2006, p. 313

Литература

1. *Choi Jai-Keun*. The Origin of the Roman Catholic Church in Korea: An Examination of Popular and Governmental Responses to Catholic Missions in the Late Chosôn Dynasty, Norwalk, CA: The Hermit Kingdom Press, 2006.
2. *Grayson James H.* Early Buddhism and Christianity in Korea: A Study in the Emplantation of Religion. Leiden, 1985.
3. *Kang Wi Jo*. Christ and Caesar in Modern Korea: A History of Christianity and Politics, SUNY Press, 1997.
4. *Kim Duk-Whang*. A history of religions in Korea. Seoul, 1988.
5. *Kim Young-Gwan*. The Confucian-Christian Context in Korean Christianity // Asian Review, №13 (2002), pp. 70-91.

Хадж мусульман России: из прошлого к настоящему

Нуриманов Ильдар

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

*«И возвести людям о хадже: они придут
к тебе пешком и на всяких тощих, которые
приходят отовсюду».*

Хадж – это священный ритуал для каждого мусульманина, мечта, порой несбыточная. Его ждут и жаждут, к нему готовятся всю жизнь. В период хаджа пустеют города и поселки не только Саудовской Аравии, но и многих ближних и дальних мусульманских стран. Миллионы людей тянутся в одну точку земного шара. Именно в ту точку, куда каждый день буквально обращены лица и молитвы более одного миллиарда человек.

С тех пор как простые смертные стали перемещаться на самолетах, совершить хадж стало под силу многим – даже немощным старикам и старушкам, были бы только деньги. Еще в XIX в. отправиться в дальний путь к святым местам могли позволить себе немногие – лишь самые смелые и выносливые. Впрочем, согласно исламу, считается, что Аллах дарует прямую дорогу в рай тем, кто закончил свой жизненный путь во время совершения хаджа.

Исторический экскурс

Период паломнического движения мусульман, проживавших на территории современной России с IX по XV вв., малоизучен, так как в этот временной отрезок просуществовали столько государств и ханств, что одни исчезали, другие мигрировали, третьи сливались с другими культурами, теряя свою религию и прошлое. Только будучи централи-

зованным и постоянным государством стало возможным восстановить и сохранить свои традиции и историю.

Середина XVI в. в истории России имеет особое значение. В это время происходит присоединение и освоение новых земель. Россия стремилась обезопасить себя от набегов врагов с южных границ, с одной стороны, и выйти на восточный рынок, с другой. Для нашего исследования особенно важен тот факт, что территории с коренным населением, исповедующим ислам, были включены в состав Российского государства. В 1552 г. Иван Грозный осуществил поход на Казанское ханство, через четыре года, в 1556 г., было присоединено Астраханское ханство, в 1567 г. территория современной Чувашии и большая часть Башкирии добровольно вошли в состав России. Ногайская Орда тоже признала свою зависимость в ту же эпоху. В 1582 г. Ермак проник на территорию Сибирского ханства и разбил войска хана Кучума. Таким образом, весь Волжский торговый путь оказалась в руках Русского государства. Следствием этого стало расширение связей с народами Северного Кавказа и Средней Азии – т. е. с мусульманами.

Падение Казанского ханства в 1552 г. и последовавшее за этим завоевание Московской Русью обширной, раскинувшейся от Волги до Сибири мусульманской ойкумены – Астраханского, Сибирского, Касимского и, наконец, Крымского ханств – стали поворотным в истории народов этого огромного региона. Процесс централизации Руси вокруг Москвы, начатый еще «собирателем земли Русской» Иваном Калитой, во второй половине XV в. завершается образованием Московского государства. Его официальной идеологией стала опирающаяся на антично-византийское наследие православно-церковная доктрина. Вскоре после этого началась ликвидация всех форм мусульманской государственности (включая и религию), которая сопровождалась внедрением в христианскую среду идей борьбы с инаковерием. Например, в богословских трактатах писателя-публициста первой половины XVI в. Максима Грека содержалась изобилующая нападка и искажениями полемика с исламским вероучением.

С приходом к власти династии Романовых отношение православной Руси к Исламу официально закреплялось в царском указе от 16 мая 1681 г., в котором нетерпимость к магометанству приобретает характер государственной политической установки. В петровскую эпоху политика гонений в отношении Ислама, состоявшая в насильственной христианизации тюркоязычного населения, уничтожении мусульманского духовенства и мечетей, привела к тому, что Ислам практически был исключен из активной социальной и культурной жизни народов, некогда его исповедавших. Религиозные преследования заставляли мусульман искать спасения в бескрайних сибирских просторах, где они

на освоенных землях старались сохранить свою веру, либо переселяться поближе к единоверцам – в Среднюю Азию (Бухару, Самарканд и Хиву), на Северный Кавказ, в Крым и Малую Азию.

О паломничестве мусульман, вплоть почти до образования ОМДС в 1788 году, ввиду того, что они подвергались религиозным притеснениям и массированному экономическому гнету со стороны «православной правящей элиты», сохранилось мало сведений. Такая антимусульманская политика вынуждала татар-мусульман Поволжья и Центральной части мигрировать и в первой половине XVIII в. в более спокойные и менее освоенные районы Приуралья. В материалах заседаний Екатерининской комиссии за 1767-1769 гг. видно, что депутаты-татары, являвшиеся представителями разных сословий, локальных общин и субэтносов, выступали единым фронтом в отстаивании своих религиозных прав как мусульман. Одним из их требований был свободный проезд в Мекку и обратно с выдачей паспортов. Следовательно, российские мусульмане были лишены возможности справить один из главных обрядов Ислама – паломничество (хадж).

Восстание под руководством Батырши, которое имело признаки «борьбы за Магомета» и произошло, как выразился сам Батырша, из-за «...коварно и насильственно совращенным из веры Ислама... – вернуться обратно...», затем Пугачевское восстание 1773-1775 гг., в котором активное участие приняли татары и башкиры, вынудили Екатерину II изменить свое отношение к «инородцам»-магометанам.

Здесь следует отметить, что в промежутке между 1744 и 1788 гг. происходило юридическое оформление государственно-исламских отношений в целом и отношения правительства к мусульманскому богослужению. Этот процесс начинался с момента «воинствующей христианизации», игнорирования Ислама, запрета на богослужения в мечетях, постепенно переходя к признанию легитимности мечетей и сотрудничеству с мусульманами.

Первым, глубоко символичным шагом, свидетельствующим о наступлении новой эпохи для российского мусульманства, стало введение принципа веротерпимости в 1773 г. и строительство новой мечети в Казани. Императорским указом от 22 сентября 1788 г. было учреждено Магометанское духовное собрание в Оренбурге (далее ОМДС), аналогичное по своим функциям Синоду, как орган из избранных на определенный срок мусульманских духовных лиц во главе с муфтием и губернских, областных администраций. Временем окончания гонений на Ислам в литературе принято считать год открытия ОМДС. В Крыму в 1794 г. духовным главой мусульманской общины России был официально признан муфтий Бахчисарая. В 1784 г. восстановили в правах татарских вельмож – мурз и беков, затем всем татарским купцам, тор-

говавшим с Туркестаном, Персией и другими странами Востока, были представлены необходимые для ведения коммерческих дел полномочия. Фактически эти шаги, особенно, учреждение мусульманского религиозного управления, свидетельствовали о структурировании Ислама в общеимперское правовое пространство и означали признание религиозных прав уцелевшего мусульманского духовенства и рядовых мусульман Российской Империи.

Вторая половина XVIII в. – это время образования российской мусульманской общественности, консолидации мусульман. Все требования, направленные властвующей элите Российской империи, являлись единым для всех мусульман внутренней России.

Первый указ о хадже был подписан императором Александром I 23 марта 1803 г., разрешавший бухарцам, проживающим на территории России, получать паспорта и совершать хадж в Мекку.

С 70-х годов XIX в. проблемы хаджа мусульман – подданных России, становятся активно обсуждаемыми во внешнеполитических ведомствах – министерстве иностранных дел, посольстве в Константинополе, консульстве в Джидде, открытом в 1891 г. Более того, к этому вопросу были привлечены главы администрации тех регионов, где компактно проживали мусульмане – Новороссийский, Туркестанский, Бессарабский генерал-губернаторы и Кавказский наместник. Причиной тому, в основном, явилась Кавказская война 1818-1864 гг. и присоединение большей части Туркестана, территорий с мусульманским населением, резко отличавшихся не только от Центра, но и от тех регионов внутренней России, где компактно проживали мусульмане (Поволжье). В верхах требовали от местных чиновников докладывать обстановку, связанную с паломничеством мусульман, и принимали решения на основе этой информации.

Таким образом, XIX в. вошел в историю как важный этап завоевательных войн государства, окончательно завершивший становление евроазиатской Российской империи. В 1801 г. в состав России вошла Восточная Грузия, в 1809 году – Финляндия, в 1812 г. – Бессарабия. В результате двух войн с Ираном были присоединены азербайджанцы (1813 г.) и армяне (1823 г.). Кавказская война (1817-1864 гг.) завершилась захватом земель чеченцев, ингушей, черкесов и других местных народов. В пореформенный период царизм увеличил территорию государства за счет Кокандского, Бухарского (1864-1865 гг.) и Хивинского (1880-1881 гг.) ханств. Таким образом, население Средней Азии – узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки и другие народы, вошло в состав России. В XIX в. завершилось присоединение и земель казахов.

Российские власти выдавали мусульманам-паломникам паспорта с крайней неохотой, поскольку считали, что хадж приносит Турции гро-

материальную пользу пожертвованиями, употребляемыми и на военные нужды, а также полагали, что во время хаджа появляются и развиваются разные эпидемические болезни, главным образом холера и чума.

Статистика, которую вела российская администрация, тоже вызывала беспокойство. Так, ею было установлено, что в 1898 г. Мекку посетили 1795 российских подданных, причем около трех четвертей паломников из Средней Азии были выходцами из Ферганской долины, которая считалась неблагонадежным регионом, склонным к восстаниям. Однако паломники уходили в Мекку и без паспортов. Как отмечал один из тогдашних туркестанских журналов, «хаджи, снабженные по невозможности получения русских паспортов, бухарскими или даже китайскими билетами... подвергают себя со вступлением на афганскую территорию вплоть до Пешавера и Кветты всяким случайностям и целому ряду притеснений и невообразимых поборов». Те же, кто выбирался из Афганистана живым, становились объектом махинаций и злоупотреблений многочисленных проводников – «далилей» и местных чиновников. Часто бедуинские племена нападали на паломников, грабили и убивали, после чего Мекканским властям даже приходилось заключать особые соглашения, гарантировавшие безопасность паломников за определенную сумму.

На рубеже XIX-XX вв. в хадж выезжали примерно от 5 до 10 тыс. российских мусульман. В советское же время совершить хадж удавалось только малому количеству россиян. Репрессии, атеистическая система коммунизма сыграли свою роль. К примеру, в 1955 г. из СССР паломников было всего лишь 20 человек (и это из многомиллионной страны). Все изменилось после перестройки.

Современность

В Российской Федерации и других странах СНГ после распада Советского Союза, с 1990 г., наметилась тенденция к увеличению числа желающих совершить хадж. Причиной этому, во-первых, стала смена власти: с изменением государственной атеистической идеологии с формулой «религия – опиум для народа» и с изменением формы государственности представители различных конфессий получили возможность свободно совершать религиозные обряды – в т. ч. и мусульмане. Во-вторых, дипломатические отношения СССР и КСА в 1937 году были разорваны и лишь 1990 г. восстановлены, сразу после чего первые российские мусульмане, в количестве 1500 чел., получили бесплатные приглашения от короля Саудовской Аравии совершить хадж.

За последние восемь лет (2000-2008 гг.) количество паломников из России растет многократно, и измеряется сегодня уже не сотнями, а тысячами человек – и это несмотря на повышение стоимости хаджа.

Если в 2000 г. общее число отправившихся в хадж из России составляло более 3 тысяч паломников, то в январе 2007 г. их число составило 18 тысяч, а в декабре этого же года более 26 тысяч. В 2008 г., по данным Совета по хаджу при правительстве РФ, количество паломников составило 25 838 чел. Для стран, где есть мусульмане, Саудовская Аравия определяет квоту на паломников: совершить хадж могут не более 0,1% мусульман каждой страны. Квота для России, где проживает около 20 млн. мусульман, – 20 тыс. Однако после встречи президента РФ В.В. Путина с королем КСА Абдаллой бин Абд-ал-Азизем али Саудом, хранителем двух святынь Ислама Мекки и Медины, в феврале этого года была увеличена квота до 25 тыс.

Если даже квота увеличена до 25 тыс., уже в последующие годы российские мусульмане, желающие поехать на хадж, будут вынуждены записываться заранее. Такая практика распространена в Исламском мире: например, в Турции, Индонезии и Пакистане люди ждут своей очереди течения 10 и более лет, и нет гарантии, что человек доживет до счастливого часа и посетит Мекку и Медину.

Таблица № 1

Данные для сравнения количества православных и мусульманских паломников, подданных России. ¹					
Православные	Годы	Количество человек	Мусульмане	Годы	Количество человек
	1820	200			
	1840-е	около 400			
	1859	950			
	1866	1098			
	1869	2035			
	1870-е	около 1500			
	1880	2009		1894	3349
	1889	3817		1898	450 (4500) (1795)
	Начало XX в.	Около 20000		Начало XX в.	Более 11000

Литература

1. *Валиулла Якубов*. Хадж и умра. Путеводитель по Мекке и Медине. Казань, 2007.
2. *Давлетишин А.А.* Отчет штабс-капитана Давлетшина по командировке в Хиджаз. СПб, 1899.

¹ Данные по православным паломникам подготовлены по материалам *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Данные по мусульманам подготовлены на основании отчетов российского консула в Джидде А. Левитского за 1893–1894 гг. и материалов комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой. Однако не все паломники-мусульмане регистрировались в консульстве, и эти цифры можно считать приблизительными. До 1891 года данные отсутствуют и точно сказать, каково было количество паломников-мусульман из России, невозможно.

Количество паломников 1898 г. приведено по данным штабс-капитана Давлетшина по командировке в Хиджаз в конце XIX в., где он подчеркнул, что в тот год количество хаджи из России составило только 10% от обычного числа. (*Давлетишин А.А.* «Отчет штабс-капитана Давлетшина по командировке в Хиджаз», СПб, 1899 г. С. 85-87).

По данным российской администрации, следившей за количеством мусульманских паломников.

Данные по православным паломникам с сайта <http://www.patriarchia.ru>, по мусульманским паломникам данные по материалам сборника научных статей: Египет, Ближний Восток и глобальный мир. Е29 сб. науч. ст. Изд-во «Кранксэ», М. 2006 г. С. 119-122.

3. Ике хаджинын рихалэтнамэлэрэ. Казань, 1862. (Путевые заметки двух паломников).
4. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001.
5. *Хамидулла бин Фатхулла*. Хадж-наме. Книга о хадже. Н.-Новгород, 2006.
6. Рихлят Марджани. Казань, 1898.
7. Мекка – священный город мусульман. (Рассказ паломника). // Средне-Азиатский вестник. Ноябрь-декабрь 1896 г. Ташкент, 1896, № 11, 12.
8. *Массе А.* Ислам. Очерки истории. Изд. 3-е. М., 1982.
9. Египет, Ближний Восток и глобальный мир. М., 2006.
10. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2002.
11. Хадж российских мусульман: сборник путевых заметок о хадже. Н.-Новгород, 2008.
12. Арапова Д.Ю., Косача Г.Г. Ислам и мусульмане. По материалам восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М., 2007.
13. Повседневная жизнь паломников в Мекке. М., 2008.
14. Ризаэтдин Фахретдин. АСАР. Т. 1. Казань, 2006.
15. *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.
16. *Кириллина С.А., Ацамба Ф.М.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX вв.). М., 1996.

Рунические надписи как памятник древней культуры народа саха

Окроков Евгений Валерьевич

Якутский государственный университет

Общеизвестно, что история развития древнетюркского рунического письма в определенной мере отражает и исторический путь современных тюркских народов, в том числе народа саха. По подсчетам Д.Д. Васильева, в бассейне Прибайкалья и Средней Лены находится 17 надписей рунической письменности. К этим текстам следует добавить надпись, начертанную на наконечнике стрелы, определенной специалистами как элемент кулун-атахской культуры. По предположению Е.С. Сидорова, надпись можно читать как аҕа äĭ, где аҕа - “отец”, а äĭ - “племенной союз”. Основываясь на данной датировке надписи и констатировании текста на территории, где формировалась якутская народность, авторы расшифровки допускают якутскую версию прочтения

текста как аға il(ä) - “согласие, благорасположение отца”. Кроме названных рунических текстов еще зафиксированы отдельные руноподобные знаки-ребусы. П.А. Ойунский приводил 17 случаев совпадения древних якутских надписей с орхонскими текстами [1935]. А.П. Окладников, В.Д. Запорожская выделили из числа рисунков Средней и Верхней Лены 15 знаков, имеющих сходство с буквами древнетюркского алфавита. Якутский исследователь И. И. Барашков, сравнивая ленские знаки-ребусы с орхоно-енисейской руникой, констатировал 26 соответствий.

В 1995-2003 гг. на территории Якутии были найдены новые рунические надписи и руноподобные знаки. В частности, наскальные рунические надписи на местности Летний Артык (Средняя Лена), Суруктах Хая (р. Марха), Крестях (р. Олекма), надписи на печати в Элгэи (Сунтарский улус), на деревянном строении (Хотугу Челгерия), на священном дереве (Нучалах аласа); а также многочисленные руноподобные знаки на р. Марха, Синяя и Олекма.

На реке Марха (Олекминский улус) были обнаружены две рунические надписи, состоящие из 4 и 2 знаков. Тексты были написаны высоко на скале красной охрой. Первая надпись расшифрована нами как äsiğ til “священное слово”, вторая äliğ “рука” или “пятьдесят”. Кроме названных надписей на этой же скале имеются нерасшифрованные надписи-ребусы, состоящие из 7 и 3 руноподобных знаков.

В Элгейском краеведческом музее была обнаружена медная печать с руническими знаками. Диаметр печати составляет 2,4 см. На лицевой стороне печати были высечены твердым предметом три рунических знака :a(C)i:. (средний знак можно сопоставить с орхонским знаком :f “j”). Здесь, по-видимому, зафиксирован инициал владельца данной печати.

Очень интересная находка, породившая среди ученых много спорных моментов, была найдена в Чурапчинском улусе на местности Хотугу Челгерия. Здесь был обнаружен старинный деревянный амбар (XVII в.) на стене которого были вырезаны надписи, сделанные неизвестными знаками. Всего было зафиксировано два отдельных текста, состоящие из 52 и 30 знаков. После предварительного исследования выяснилось, что более 60 знаков имеют соответствия с буквами орхоно-енисейского письма, а 22 знака с тамгами и руноподобными знаками ленско-прибайкальских надписей. Только 4 знака не имеют соответствий с графемами древнетюркской письменности. Дальнейшее исследование показало, что в данных текстах зафиксировано 56 отдельных рунических знаков (некоторые знаки имели два-три вида), которые в общем количестве обозначают 24 фонемы.

Другая надпись была найдена на скале р. Олекма. Надпись написана красной охрой синеватого оттенка. Высота знаков составляет 17-20 см. Всего было зафиксировано 6 рунических знаков. Надпись предвительно была расшифрована как *äb ädgü altir* в буквальном смысле “дом хороший... получив...”.

Итак, рунические надписи Якутии и Прибайкалья можно разделить на три группы: 1. Древние надписи - надписи на скалах (ленско-прибайкальские надписи, наскальные надписи на территории Якутии – р. Синяя, Олекма, Марха); 2. Поздние надписи (XIV-XVIII вв.) – надписи на различных мелких предметах (на наконечнике стрелы, на печати, различные рунические знаки на специальных досках); 3. Комбинированные надписи (XVII-XVIII вв.) – надписи из Вилуйска, Хотугу Чөлгөрия и Нучалах аласа (Чурапчинский улус).

Нужно отметить, что на территории современной Якутии наблюдаются не только следы древней руники, но и прослеживается дальнейшее развитие рунической письменности. Например, здесь можно отнести тамги-руны, оставленные на различных печатях, календарях XVII-XVIII вв., руническую надпись на наконечнике стрелы XIV века, найденную в Усть-Алданском улусе при раскопке кулун-атахской культуры, а также комбинированные надписи XVII века, в которых, по нашему мнению, в немалом количестве имеются рунические знаки. По всей вероятности, некоторая часть якутов сохранила до позднего времени письменность предков и пользовалась ею. В частности, о существовании таинственной письменности у предков якутов упоминается не только в олонхо и преданиях, но и встречается в рассказах старожилов. Очень часто сказывается, что таинственными знаками пользовались шаманы и народные лекари, сказители народного эпоса олонхо.

Литература

1. *Бернштам А.Н.* Древнетюркское письмо на р. Лене // Эпиграфика Востока. 1951, Т. IV, № 6, с. 76-87.
2. *Васильев Д.Д.* Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Сов. тюркология. 1976, с. 71-72.
3. *Гоголев А.И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVII вв). Иркутск, 1990.
4. *Дьяконов А.М.* Кириэстээх рунической суруга // Киин куорат, 2003, 21 февраля.
5. *Зыков И.Е.* Письмена Эллэй-Боотура // Поляр. звезда. Якутск, 1969. № 6, с. 126-147.
6. *Копырин Г.Н.* Суруктар – ааспыт олох кэрэгиттэрэ // Сахаада. – 1995, 1 июня.

7. *Ксенофонов Г.В.* Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья М. Рязанским. // Язык и мышление. I, 1933, с. 170-173.
8. *Левин Г.Г.* Саха былгыры рунической суруга // Киин куорат. 2002, 5 апреля.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Эмиграционное движение евреев из России в Палестину в конце XIX в.: международные и политические аспекты

Ильина Ольга Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель данной работы – исследование международных аспектов эмиграционного движения евреев из России в Палестину в конце XIX в. Актуальность темы связана с насущной потребностью рассмотрения роли, которую сыграли представители международного сообщества, в упрочнении позиций евреев-эмигрантов в провинции Османской империи – Палестине. Эмигрантам предстояло решить целый круг проблем. Одним из главных препятствий для поселения евреев в Палестине стала политика османских властей, которые уже в 1882 г. ввели запрет на въезд в Палестину для евреев России, Румынии и Болгарии. Дипломатам из стран западной Европы предстояло найти решение данной проблемы с представителями властей Османской империи.

Конец XIX в. ознаменовал начало сложного многоаспектного явления – еврейской эмиграции из Российской империи в Палестину. Именно в этот период возникли условия, при которых духовные стремления евреев в Палестину начали приобретать конкретные формы воплощения. Палестина, входившая в состав Османской империи с 1517г., всегда была в центре внимания великих держав благодаря святым местам христианства, гегемония над которыми стала ключевым фактором обострения «восточного вопроса». С началом эмиграции евреев данный регион стал привлекать внимание отдельных представителей общественно-политической элиты европейских государств, увидевших в перспективе переселения евреев на Ближний Восток способ решения «еврейского вопроса».

Османская империя к концу XIX в. все больше подвергалась давлению со стороны ведущих европейских государств. Западные державы добивались от слабеющей Порты расширения «капитуляций», а также проводили активную деятельность по приобретению земельной собственности в Палестине и других арабских владениях¹. Султан Абдул-Хамид II пытался сохранить власть путем увеличения полицейско-бюрократического аппарата. Однако османские власти были вынуждены ввести охранительные меры, чтобы не давать повода для укрепле-

¹ Подробнее см.: *Reinkowski M.* Late Ottoman Rule over Palestine: Its Evaluation in Arab, Turkish and Israeli Histories, 1970-90// Middle Eastern Studies. – 1999. – Vol. 35. – P. 66-99.

ния позиций стран Западной Европы в империи, в частности, меры, касающиеся еврейской эмиграции в Палестину².

Настоящая работа посвящена анализу эволюции мероприятий, предпринятых османскими властями, начиная с 1882 г., направленных на решение вопроса об эмиграции евреев из Российской империи. Кроме того, достаточно актуальной является проблема вмешательства ведущих западноевропейских держав в политику, проводимую властями Османской империи по отношению к евреям-эмигрантам.

Многие европейцы понимали серьезность мер, принятых Высокой Портой, и старались предпринять соответствующие шаги для реализации планов по переселению евреев в Палестину. Характерными для того периода были слова лорда Линдсея: «Велики возможности сельского хозяйства в Палестине, и если вернуться в нее изгнанные ее сыны, и если будет приложена та прилежность, которая необходима для возрождения этой земли, она вновь расцветет, как это было во времена царя Соломона»³.

Стоит отдать должное деятельности европейских дипломатов, которые пытались воздействовать на султана. В частности, указ, запрещающий пребывание евреев Российской империи, Румынии и Болгарии в Палестине, был отменен, и евреям, начиная с 1884 г., был разрешен въезд в Палестину для посещения святых мест сроком не более 31 дня⁴.

В 1902 г. в результате действий английских и французских дипломатов были опубликованы новые правила. Они оставались неизменными до Первой мировой войны. Статус всех евреев, приехавших в Палестину окружными путями, теперь был легализован, и они получили права, равные правам иностранных граждан. В то же время, было провозглашено, что с этого времени евреи – как иностранные граждане, так и подданные Османской империи – получают разрешение посетить Палестину, однако только на период сроком 3 месяца, и должны будут сдать на хранение властям свои паспорта при въезде в страну.

Указы властей Османской империи, направленные на запрещение или ограничение еврейской эмиграции, привели к созданию значительных затруднений для эмиграционного движения евреев. Высокая Порта рассматривала евреев с одной стороны, как опасность для своих владений, с другой стороны, как некий буфер между европейскими

² Подробнее см.: Kent M. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. Frank Cass, 1996.

³ Crawford A. W. C. Lord Lindsay, Letters on Egypt, Edom and the Holy Land. London, 1847. – Vol. II. P. 71.

⁴ АВПРИ. Ф. Греческий стол. Оп. 497. Д. 5992. Л. 17.

государствами. Именно поэтому отношение османских властей менялась в зависимости от поведения европейских держав, так как империя была во все возрастающей экономической и политической зависимости от значительно более развитых европейских держав.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что парадигмы интеграции и аккультурации эмигрантов в Палестине отличались от аналогичных концепций в отношении переселенцев в других странах в свете международной политики.

Многие западноевропейские общественные деятели и политики пытались сотрудничать с турецким правительством, пытаясь найти компромисс в решении «еврейского вопроса». Соотношение сил между некогда могущественной Османской державой и крупными европейскими государствами столь явно изменилось в пользу последних, что Порты все чаще и чаще вынуждена была идти им на уступки экономического и политического характера.

В итоге, на фоне глубокого кризиса османские власти не могли серьезно воспрепятствовать волне еврейской иммиграции из России, начавшейся в 80-х гг. XIX в. В целом, категоричное запрещение османских властей на въезд евреев носило временный характер, через определенный промежуток времени османские власти снова разрешали евреям приезжать в Палестину.

Литература

1. *Braude B.* Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. Bernard Lewis; Homes & Meier Publishers. 1982.
2. *Frankel J.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862-1917. Cambridge, 1982.
3. *Kent M.* The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. Frank Cass, 1996.
4. *Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. University of California Press, 2004.
5. *Palestine in the Late Ottoman Period: Political, Social and Economic Transformation.* Ed. by Kushner D. Leiden, 1986.
6. *Carmel A.* The Yishuv, The Ottoman Government and the Foreign Consulates// Sefer ha-aliya ha-rishona. Jerusalem, 1981.

Российско-китайские отношения в области науки и образования в 90-е гг. XX в.

Касимова Альфия Рафисовна

Казанский государственный университет

Составным элементом в развитии современных российско-китайских отношений является сотрудничество в области науки и образования.

В 90-е годы XX в. культурные и научные отношения между Россией и Китаем не представляли собой единого, упорядоченного, юридически оформленного целого. В них отчетливо обнаруживается несколько уровней, политически обеспеченных сериями межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, но в действительности слабо влиявших друг на друга. С политической точки зрения, в области науки и образования существовало два «этажа» российско-китайских отношений: межгосударственный (на уровне глав государства, законодательных и исполнительных органов власти) и децентрализованный (на уровне административных образований, предприятий, организаций, объединений, граждан).

Кроме того, научное и образовательное сотрудничество на уровне администраций имело регионально-бюрократический характер. Формально обмен осуществлялся достаточно активно. Внешним его результатом были сотни взаимных визитов, деловых встреч, обсуждений, соглашений и договоров. Однако большинство из подписанных документов не было реализовано.

Контакты в области науки и образования совершались на основе двусторонних и многосторонних соглашений между заинтересованными организациями. Данный процесс не регулировался и не контролировался, поэтому сведения об его существовании и результатах достаточно обобщены и отрывочны.

Наиболее интенсивно развивалось сотрудничество в сфере изучения китайского и русского языков. После заключения российско-китайского соглашения о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях (26 июня 1995 г.) стало расти число россиян получивших дипломы китайских вузов и китайцев с российскими дипломами.

База для изучения России и Китая создавалась в сфере среднего образования обеих стран. Заметно выросло число государственных и частных школ с преподаванием китайского языка как иностранного или второго иностранного языка.

Появились совместные программы на основе взаимного признания ответственности учебных планов.

В образовательном обмене вузов с КНР в 90-е годы очевидны две закономерности: во-первых, сотрудничество развивалось преимущественно с университетами и институтами Северо-Восточного Китая, по своему академическому потенциалу уступавшими российским партнерам. Во-вторых, китайское направление для большинства из них не было приоритетным.

Российские научные учреждения, сотрудничая с китайскими коллегами в сфере совместных научных исследований и разработок, также ориентировались на академии наук и другие исследовательские центры северо-восточных провинций Китая. Основой подписания соглашений между научными организациями двух стран стала взаимная заинтересованность сторон: российской – в промышленной реализации своих научных разработок и продвижении их на китайский рынок, китайской – доступ к российским научным достижениям, использование интеллектуального потенциала российских ученых.

Литература

1. *Базаров Б.В., Ганжуров Д.В.* Российско-китайские отношения и роль регионов Восточной Сибири в их развитии (1989 – 1999). Иркутск, 2002.
2. *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях в 80-ые годы XX – начало XXI века. М., 2005.
3. *Рахманин О.Б.* К истории отношений России – СССР с Китаем в XX веке. М., 2002.

Эволюция позиций РФ и США по отношению к палестинской проблеме (1991-2008 гг.)

Нагимзянов Роберт Айварович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В новейшее время Ближний Восток является важнейшей составляющей мировой политики. В связи с важностью ближневосточного региона для мировой политики, палестино-израильское урегулирование становится объектом интереса многих стран.

В начале 1990-х гг. на Ближнем Востоке наметился мирный процесс. Это в первую очередь связано с распадом Советского Союза, так как ближневосточный кризис вышел из системы противостояния СССР-США. Во-вторых, именно в это время сформировался так называемый институт коспонсорства. США и Россия начали регулярно проводить совместные консультации по Ближнему Востоку. В-третьих,

внутри Организации Освобождения Палестины (ООП) появилось понимание необходимости признания резолюций ООН 242 и 338, которые рассматриваются мировым сообществом как основа для мирного урегулирования. К тому же, первая интифада, начавшаяся в 1987 г., заставила по-новому взглянуть на палестинский вопрос.

После распада СССР в 1991 г. внешняя политика нашей страны изменилась. Наметился курс на сближение с Соединенными Штатами, а отношения с Арабским Востоком постепенно ухудшались. Такое положение сохранялось вплоть до назначения в 1996 г. министром иностранных дел РФ Е.М. Примакова и избрания президентом России В.В. Путина.

Во время полномочий президента СССР М.С. Горбачева происходит переосмысление приоритетов в отношениях с государствами Ближнего Востока. Если в 1967 г. СССР разорвал дипломатические отношения с государством Израиль, то в конце 1991-ого эти отношения были восстановлены.

В 90-е гг. XX века Соединенные Штаты вошли при руководстве Дж. Буша-старшего. Он высказал свои предложения по решению палестинского вопроса, состоящие из четырех пунктов, ставшими осевыми в палестино-израильском урегулировании и на мадридской конференции 1991 г. Это – принцип земля в обмен на мир, выполнение резолюций 242 и 338, безопасность Израиля и законные права палестинцев.

Нельзя не отметить, что Дж. Буш-старший многое сделал для того, чтобы сблизить израильские и палестинские позиции. США заставили Израиль отказаться от своей жесткой, нереалистичной позиции в отношении ООП.

При следующем президенте США Б. Клинтоне большую роль в определении внешней политики играла М. Олбрайт. По ее словам, подход к палестино-израильскому конфликту у американского руководства был гибким, за одним исключением: «Израиль – это ближайший союзник Америки». Госсекретарь США М.Олбрайт так представляла себе основу взаимопонимания между палестинцами и евреями: «Палестинцам – земля, Израилю – безопасность». Этой позиции американцы придерживались во всех инициативах по урегулированию с 1993 по 2000 гг.

Нельзя обойти стороной влияние израильского лобби на внешнюю политику США. Лобби может «подправлять» американскую политику в отношении Израиля. Кроме того, лобби также имеет немалое влияние внутри государства. Если какой-нибудь политик или ученый раскритикует действия Израиля или что произраильские группы имеют значительное воздействие на ближневосточную политику, его сразу называ-

ют антисемитом. Влияние израильского лобби столь значительно, что в самих Соединенных Штатах об этом желают промолчать.

События 11 сентября сильно взбудоражили Соединенные Штаты. Они были использованы Дж. Бушем-младшим как инструмент внутренней политики и еще больше – внешней. Позиция президента США по решению арабо-израильского конфликта окончательно определилась к середине 2002 г., когда он выступил с планом урегулирования, названный «Дорожная карта». План не был чем-то радикально новым, он опирался на резолюции Совета Безопасности ООН 242 и 338 и некоторые принципы соглашений Осло.

Смерть председателя ООП Я. Арафата в 2004 г. американским президентом была воспринята с оптимизмом в отношении будущего палестино-израильского диалога. Дж. Буш считал Я. Арафата человеком необязательным и изменяющим прежним договоренностям. Поэтому на нового лидера ПНА американское руководство возлагало большие надежды.

Победа партии ХАМАС на выборах в палестинский парламент в 2006 г. для Соединенных Штатов стала неожиданностью. Реакция Вашингтона на победу «террористической организации» была очень резкой. Администрация Дж. Буша не признала результаты выборов.

В начале 2008 г. администрация Дж. Буша активизировалась в решении арабо-израильского конфликта. С января последовала серия поездок высших государственных чинов по Ближнему Востоку: госсекретаря К. Райс, президента Дж. Буша, вице-президента Д. Чейни. Одним из ключевых проблем в этих поездках был палестинский вопрос. Американцы начали урегулирование арабо-израильского конфликта с палестинского «трека» – это показывает важность именно палестино-израильского урегулирования для американцев.

На основе анализа политики России и США в палестинском вопросе в 1991-2008 гг. можно прийти к следующим выводам:

1. Внешнеполитическая линия последнего президента СССР М. Горбачева способствовала повороту в российской политике в отношении арабских государств. Были восстановлены дипломатические отношения с Израилем, что не могло не сказаться на отношениях с арабскими государствами. Россия стала государством, имеющим уравновешенные отношения, как с арабскими странами, так и с Израилем.

2. Россия принимает за основу урегулирования резолюции ООН № 242, 338, 1397 и 1515, а также мадридские принципы и план «Дорожная карта», разработанный международным «квартетом» ближневосточного урегулирования. Данное обстоятельство утверждает тот факт, что наша страна придерживается линии на урегулирование палестинской проблемы коллективными усилиями.

3. США сохраняют ориентацию на Израиль. Эта ориентация сохраняется потому, что внутри Соединенных Штатов существует сионистские лоббистские организации, мощь которых позволяет «подправлять» политику Белого дома в отношении Израиля.

4. Позиции России на Ближнем Востоке с каждым днем упрочиваются, что не может не сказаться на увеличении веса нашей страны на мировой арене. В палестинском вопросе наша страна занимает более реалистичную и взвешенную позицию, нежели американцы. Это подтверждается тем фактом, что Россия поддерживает контакты с движением ХАМАС, являющимся одним из важных сторон, вовлеченных в палестино-израильский конфликт.

5. Увеличивается взаимодействие ведущих стран мира для решения арабо-израильского конфликта. После конференции 2000 г. оформляется «четверка коспонсоров» ближневосточного урегулирования в лице Российской Федерации, США, Европейского Союза и ООН.

6. Процесс урегулирования на Ближнем Востоке сопровождался ростом насилия с палестинской и израильской сторон, что отрицательно сказывается на мирном процессе.

Созидательная роль европейского колониализма (на примере Индии)

Палишева Наталья Витальевна

Новосибирский государственный педагогический университет

Европейский колониализм не раз подвергался жесткой критике со стороны историков и политологов. Не раз говорилось, что он был лишь способом «выкачивания» материальных благ из одного государства другим, вследствие чего, это явление благотворно влияло на внутреннее развитие метрополий и служило причиной деградации колоний. Нисколько не оспаривая выводы сторонников подобной концепции в части критики механизмов перераспределения ресурсов, с их оценками сложно согласиться в полной мере, учитывая разнообразие исторического развития различных моделей колониальных систем. Анализ феномена британского колониализма, наиболее ярко проявившегося на примере колониального присутствия в Индии, позволяет пересмотреть многие выводы о пагубности данного явления.

В рамках настоящего исследования был проведен анализ комплекса источников, относящегося к индийской общественно-политической мысли периода британского радж.

Хотя методы и формы управления колониальными территориями британцев были абсолютно антидемократичными, в результате распро-

странения европейской системы образования в индийском социуме возникла принципиально новая категория – вестернизированная элита, изначально служившая опорой колониального режима. Нужно сказать, что во взаимоотношениях англичан и индийцев не было того антагонизма, который нередко приписывался им в историографии. Более того, индусы достаточно долго не воспринимали англичан как завоевателей и поработителей. Между тем, идейную основу европейского колониализма составляло именно пренебрежительное отношение к туземцам: для обоснования своих прав на управление колониальными территориями они выдвигали тезис о «варварстве» и недоразвитости этих народов. И в качестве основной своей миссии видели их приобщение к цивилизованному миру [Гордон, 1996, с. 23]. В какой-то мере эта теория некоторое время поддерживалась самими индусами. Известный индийский мыслитель XIX столетия Раммохан Рой, считал, что установление господства англичан было прогрессивным явлением для Индии [Roy, 1970].

Английское колониальное присутствие послужило катализатором процессов политизации и секуляризации общественно-политической мысли Индии. Традиционно сферы государственного устройства и политической жизни никогда не становились предметом философской интеллектуальной мысли, в полной мере сосредоточенной на проблеме индивидуального спасения человеческой души и её взаимоотношения с богами. В девятнадцатом столетии происходит рефлексия проблем собственного общества отдельными его представителями. Раммохан Рой подверг жесткой критике существующую на тот момент систему правоприменения и многие правовые реалии современного ему общества. В частности, пересмотру подлежали брачно-семейные, наследственные отношения индусов и судебная система. Рой был защитником гражданских прав людей, в частности права на собственность, также очень много внимания в своём дискурсе он уделял правам женщин и вопросам гендерного равенства, что проявилось в его борьбе с обычаем сати и отставанием права на наследование имущества женщинами. Религиозный и общественно-политический деятель Вивекананда предложил собственную концепцию «миссионерства» различных народов и религий, в которой отводил своей родине роль духовного проводника» человечества, указывая на то, что религия является системообразующим элементом индийской цивилизации, позволяющим ей оставаться жизнеспособной перед лицом любых внешних завоеваний [Vivekananda, 1947]. Подобные воззрения позволили не только преодолеть представления об ущербности собственной религии и истории, но и осознать собственную культурно-историческую специфику и вместе с тем поставить себя в ряд с другими, в том числе европейскими стра-

нами. В этот период происходит восприятие элементов западной политической жизни как безусловных ценностей и эталона для собственно политического развития.

Развитие общественно-политического сознания элиты привело в итоге к формированию двух идейных направлений – индийского либерализма и индийского национализма, которые явились реакцией «снизу» на насаждавшиеся англичанами авторитарные методы управления. Дальнейшая эволюция этих двух направлений привела к формированию оппозиции европейского образца, имевшей в своей основе четкую идейно-теоретическую базу и впоследствии выработавшей собственную программу развития Индии. В итоге в Индии происходит формирование первого института демократического государства – организационно оформленной политической партии – Индийского Национального Конгресса. Этот факт свидетельствовал, с одной стороны, о готовности индийского общества к устройству собственного государства по демократическому образцу и об избрании парламентских методов борьбы за свои идеи, с другой [Anial, 1968]. В итоге, к концу периода британского радж индийская общественная элита представляла собой весьма развитый и самодостаточный в политическом отношении организм, сумевший самостоятельно воплотить в жизнь европейские политические ценности. Среди факторов, оказавших влияние на развитие правовой и политической культуры, следует указать не только распространение европейской системы образования, но и создание колонизаторами промышленной инфраструктуры, кодификацию и модернизацию уголовного и гражданского законодательства. Распространение английского языка стало наиболее оптимальным решением лингвистической проблемы Индии, отразившимся в итоге в утверждении его в качестве одного из двух государственных языков. Сам факт создания британскими колонизаторами единого государственного аппарата был централизующим фактором, в результате которого народы Индии оказались впервые за всю историю подчиненными единой власти, началась их общая история и была заложена основа для формирования социально-политического единства и формирования общности, которую можно назвать народом [Празаускас, 1990, с. 5].

Однако не следует отдавать приоритет исключительно европейскому влиянию на формирование предпосылок для установления демократии в Индии. Традиционная индийская философско-религиозная мысль в силу своей глубокой аполитичности не стала идейной преградой на пути развития новых направлений, поскольку в ней никогда не было постулата о неправильности иного образа мыслей. Направленная всецело лишь на проблему личного спасения человеческой души, она не препятствовала развитию в собственных рамках отдельных личностей.

В итоге большинство общественных и политических деятелей XIX-XX вв. унаследовали очень много от философской традиции Индии. В индийской общине всегда существовал выборный орган – панчаят и сама община была самоуправляющейся единицей, поэтому идея участия в управлении не была чуждой для большинства представителей индийского общества.

В период английского господства в Индии формируется не только общественно-политическая мысли западного образца, но и происходит раскол в общественном сознании. Его причиной было то, что подавляющее число населения не сумело отказаться от традиционных форм мышления и не сумело воспринять ценности и идеи индийской элиты. Данное противоречие остаётся неразрешенным и до настоящего времени, так как в Индии до сих пор наличие формальной демократической формы правления сочетается с большим числом социальных, религиозных и правовых пережитков.

Литература

1. *Гордон А.В.* Новое время как тип цивилизации. М., 1996.
2. *Празасукас А.А.* Этнос, политика и государство в современной Индии. М., 1990.
3. *Anil S.* The emergence of Indian nationalism. Cambrige, 1968.
4. The complete works of Swami Vivekananda. New Delhi, 1947.
5. The English works of Raja Rammohun Roy. New Delhi, 1970.

Дарфурский конфликт в Судане

Сагитов Ринат Талгатович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Рассматриваемый нами регион Дарфур является одной из провинции Судана, который расположился на крайнем северо-западной части Республики Судан.

В 1504 г. в центральном Судане возник Сеннарский султанат, владения которого простирались на большую часть территории современного Судана. По своему устройству султанат представлял собой объединение княжеств под эгидой и властью султана Сеннара. Одним из этих княжеств как раз и был Дарфур.

В XVI-XVIII вв. Дарфур достигает пика своего политического и экономического могущества. Однако с течением времени княжество утратило свое могущество и в 1898 г. его последний султан Али Динар был вынужден признать власть генерал-губернатора Судана Герберта Китченера. Правда, при этом Али Динар стал вынашивать план высту-

пления против англичан, господствовавших в Судане, с целью вернуть независимость Дарфуру. Для этого он активно поддерживал контакты с сенуситами Ливии, от которых получал оружие. В ноябре 1915 г. Али Динар поднял дарфурцев на национально-освободительную борьбу. Но силы были неравны: против отрядов племенного ополчения, имевших слабое и устаревшее вооружение, были брошены регулярные англо-египетские воинские части, располагавшие самым современным оружием, включая авиацию. Потерпев поражение в открытом бою, отряды Али Динара перешли к партизанской войне, укрываясь от ударов англичан в горах. Эта война закончилась с гибелью в ноябре 1916 г. Али Динара. С этого момента бывшее княжество окончательно превращается в одну из провинций англо-египетского кондоминиума в Судане.

Несмотря на то, что Судан был объявлен кондоминиумом, и находилась под совместным англо-египетским протекторатом, страна была британской колонией; метрополия определяла политику страны и присылала большинство чиновников для наблюдения за процессами ее развития. В своей политике англичане опирались на местную реакционную верхушку.

Провинцию Дарфур населяют представители различных народностей, которые условно можно разбить на две группы - чернокожие африканцы и арабские племена. Население Дарфура состоит из земледельцев и скотоводов, от 50% до 60% причисляют себя к различным арабским племенам. Другая половина, или чуть меньше, – неарабские племена, которые, с некоторыми оговорками, можно считать исконным населением региона. Арабы – по большей части скотоводы, неарабы – земледельцы. Между этими двумя конфессиями и возникла вражда. Возникновению конфликта в регион Дарфур послужило несколько причин.

Одна из предпосылок конфликта является ухудшение положения кочевников-скотоводов. Наступление Сахары сопровождается ростом населения, а населению нужно пропитание. В результате возник традиционный конфликт земледельцев и скотоводов из-за плодородных земель, которые одни хотят возделывать, а другие – использовать в качестве пастбищ. За последние десятилетия поголовье скота резко увеличилось, происходит необратимый процесс истощения пастбищ. Первые столкновения на этой почве, причем кровавые, произошли еще в 1970-х годах.

Свою роль в возникновении конфликта играет и демографический фактор, а именно быстрый рост населения региона при гораздо более медленном росте экономики.

Конфликт в Дарфуре имеет и свои политические корни. Представители крупнейшей народности Дарфура, а также других местных народ-

ностей рассчитывали на получение видных постов в местной администрации, беспрепятственное развитие своего бизнеса, больших прав в решении региональных проблем. Однако эти расчеты не оправдались. В политике, местной администрации и бизнесе господствовали арабы-суданцы. Более того, подобное положение вело к ухудшению отношений и усилению враждебности между арабами и негроидными народностями. В конце 1960-х гг. впервые открыто появляются и постепенно усиливаются протестные настроения среди неарабского населения.

Таким образом, нынешний конфликт в Дарфуре является следствием нерешенности целого ряда крупных проблем и противоречий экономического, этнического, социального и политического характера.

Формально историю дарфурского конфликта отсчитывают с февраля 2003 г., когда в этой провинции поднялось восстание этих самых неарабских народов, борющихся, по их словам, против узурпации их прав правительством, представляющим интересы арабского населения Судана. В первой половине 2003 г. на западе Судана, в регионе Дарфур, повстанческие группировки начали вооруженную борьбу против правительства. Поводом к современному конфликту стало соглашение между Хартумом и повстанцами Юга о разделе доходов от добычи нефти, что зафиксировало ситуацию социально-экономического и политического отчуждения Дарфура и его народа. Интересы региона площадью примерно 250 тыс. км² и численностью населения в 6 миллионов человек не были учтены.

Столкнувшись с военной угрозой со стороны двух повстанческих движений «Освободительного движения Судана» и «Армия и Движения за справедливость и равенство», а также с серьезной нехваткой вооруженных сил в Дарфуре, правительство обратилось к местным племенам за помощью в борьбе с повстанцами. Большинство арабских кочевых племен, у которых не было традиционных общинных земель и которые хотели стать оседлыми племенами, особенно в условиях надвигающегося опустынивания, откликнулось на этот призыв. Эти новые «рекруты» и стали формированием, которое впоследствии мирные жители и другие люди стали называть «Джанджавид».

Убедившись в том, что быстрого разгрома повстанцев достичь не удастся, правительство заявило о намерении подписать с СОД соглашение о прекращении огня. 6 сентября 2003 г. стороны при посредничестве Чада подписали первое такое соглашение. Власти и повстанцы договорились также начать полномасштабные переговоры по урегулированию конфликта. Однако вскоре руководство СОД обвинило правительство в срыве соглашения.

С августа 2004 г. с целью урегулирования конфликта руководство Судана вновь провело ряд переговоров с представителями мятежных

племен. Переговоры велись в столице Нигерии Абудже при посредничестве Африканского союза. К этому диалогу приложили усилия Лига арабских государств, Эритрея, Ливия, Уганда, Чад и Мали. ЛАГ заявила о поддержке усилий Судана по урегулированию ситуации в Дарфуре.

К этому времени конфликт уже привлек к себе внимание широкой мировой общественности. Летом 2004 г. Хартум разрешил присутствие в Дарфуре наблюдателей от Африканского союза. По данным на февраль 2005 г., их количество равнялось 1,4 тыс. человек, к началу марта того же года общее число африканских миротворцев в Судане достигло 3,3 тысяч военнослужащих из Нигерии, Руанды, Гамбии, Кении, Сенегала и ЮАР.

Всеобъемлющее мирное соглашение от 9 января 2005 г., охватывающее южные, восточные и переходные районы Судана, осуществляется при поддержке Миссии Организации Объединенных Наций в Судане (МООНВС).

После этой миссии было подписано мирное соглашение по Дарфуру от 5 мая 2006 г., заключенное для урегулирования конфликта в Дарфуре, которое осуществлялось при поддержке Миссии Африканского союза в Судане (МАСС). Где в Абудже состоялось подписание Дарфурского мирного соглашения между правительством национального единства Судана и Освободительного движения Судана, Армия и Движения за справедливость и равенство. Согласно Всеобъемлющему мирному соглашению от 5 мая 2006 г. «прочие вооруженные группы» к 9 января 2006 года должны были примкнуть к Вооруженным силам Судана или Народно-освободительной армии Судана. Большинство из них так и сделали, однако этот процесс все еще завершен не полностью. Игнорирование соглашения некоторыми из них приводит к сохранению нестабильности в находящихся под их контролем районах.

Продолжая попытки мирного урегулирования в провинции Дарфур, 6 августа 2007 г., а Аруше, Танзания, под эгидой ООН и Африканского союза успешно завершилась встреча лидеров повстанческих группировок, не подписавших в мае 2006 г. соглашение о мире в Дарфуре. Им удалось согласовать общую стратегию по вопросам разделения власти, использования природных ресурсов и обеспечения безопасности в провинции. Эта стратегия должна стать основой переговоров с суданскими властями. Специальный посланник ООН по Дарфуру Ян Элиассон заявил, что такие переговоры можно будет начать уже через два-три месяца.

Из-за сложившейся ситуации в провинции Дарфур четыре миллиона 270 тыс. гражданских лиц продолжают страдать в результате конфликта. Два миллиона 450 тыс. из них являются внутренне переме-

ценными лицами. Только в этом году в результате нападений вооруженных сил Судана и повстанческих групп вынужденными переселенцами стали более 100 тыс. мирных жителей провинции. Это означает, что беженцами становятся тысяча дарфурцев в день.

В настоящее время война в Дарфуре уже сменила свои цели и идет не столько за плодородные земли и источники питьевой воды, как было в начале конфликта, сколько за право той или иной политической группировки оказывать безраздельное влияние на жизнь Судана в целом и на передел его природных богатств, в частности, не случайно одним из требований СОД и ДСР является передача им 13% от всех нефтяных доходов страны. По мнению ряда наблюдателей, этот конфликт имеет своей целью окончательно развалить Судан, превратить его в полуколонию ведущих держав мира.

Переговоры между представителями правительства и повстанческих группировок из-за неуступчивости их участников постоянно прерываются, а достигнутые соглашения систематически нарушаются обеими сторонами.

Помимо этого, процесс стабилизации обстановки в Дарфуре осложняется серьезнейшими разногласиями между СОД/СОА и ДРС по целому спектру ключевых для региона проблем: организация власти, контроль за водой, нефтью, плодородными землями и т.д.

В связи с продолжающимся нестабильной обстановкой на западе Судана.

Несмотря на идущий процесс мирного урегулирования, в регионе Дарфура до сих пор происходят широкомасштабные военные столкновения. Продолжает оставаться чрезвычайно острым вопрос о безопасности гражданского населения, в особенности наименее защищенной его части – внутренне перемещенных лиц.

Большую роль играет наличие в рассматриваемом регионе стратегически важное полезное ископаемое – нефть. Этот фактор вызывает интерес не только у Судана, но и у крупнейших держав мира, в первую очередь у США, которые рассчитывают получить доступ к этому полезному ископаемому посредством вмешательств во внутренние дела Судан, а это можно достичь только при условии сохранения нестабильности в стране, то есть дарфурского конфликта.

Конечно, нельзя сказать, что Запад не предпринимает никаких шагов по урегулированию конфликта. Многочисленные гуманитарные организации пытаются хоть как-то повлиять на ситуацию, создавая фонды и посылая африканцам гуманитарную помощь. Но неправительственные организации – это одно, а политика – совершенно другое. Поскольку торговля оружием является едва ли не самым выгодным видом бизнеса, она не обошла стороной и Судана, в результате чего

продолжаются столкновения с применением оружия. В Судан вместе с гуманитарным грузом поставляется и оружие.

Американо-японский союз безопасности на распутье (1989-1994 гг.): позиция японской стороны

Семенист Иван Васильевич

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Кардинальное изменение геополитической ситуации, произошедшее с окончанием «холодной войны» в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом, поставило на повестку дня вопрос о целесообразности продолжения существования Американо-японского союза безопасности, который с 1950-х гг. был краеугольным камнем американо-японских отношений.

К тому же, к концу 1980-х гг. во взаимоотношениях между двумя странами накопилось немало проблем, среди которых наиболее острым был вопрос экономического сотрудничества и наличие торгового дисбаланса. Согласно социологическому опросу, проведенному в 1989 г., стало понятно, что в США начало утверждаться мнение, что японская экономическая конкурентоспособность – большая угроза стране, чем советская военная мощь. Кроме этого, без внимания официального Токио не остался тот факт, что «оценка США большого финансового вклада, сделанного Японией во время кризиса в Персидском заливе, была не большой». А среди японского общества нарастало недовольство против американской позиции на экономических переговорах относительно Японии, в обществе распространялось мнение, что Япония должна четко сформулировать более независимые инициативы в отношении США⁵.

В Дипломатической Синей книге – официальном издании МИД Японии за 1991 г. указывалось, что «причина таких трендов в публичном мнении в Японии и США еще полностью не выяснена. «Фактом является то, что нынешние американо-японские отношения – результат большой взаимозависимости между двумя странами, имеют много проблем, которые придется решать общими усилиями». В издании указывалось, что «остаются такие проблемы как недоверие к Японии, которое распространяется среди американского общества в последние годы. А также утверждение, которое распространяется в японском обществе, о том, что «Япония должна быть более настойчивой в отноше-

⁵ *Diplomatic Bluebook 1991 Year edition* / Ministry of foreign affairs, Japan // www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-contents.htm

нии к США», – все это является более укорененными проблемами, связанными с изменениями в соотношении сил между двумя странами»⁶.

В том же издании Дипломатической Синей книги за 1991 г. было отмечено, что с «исчезновением противостояния по линии Восток-Запад, не следует отбрасывать то обстоятельство, что союз, который является необходимым условием и доминантой американо-японских отношений, становится менее убедительным и мотивированным среди японского общества.

Но главным вызовом для японской внешней политики, который породил национальные дебаты и провоцировал изменения в ней, стала война в Персидском заливе. Несмотря на большую финансовую помощь антииракской коалиции, Япония не получило не только одобрения со стороны союзников, но и благодарности самого Кувейта. Во время кризиса ограниченное присутствие Японии в международных кооперативных действиях стало предметом международной критики, а в западной периодике встречались откровенно язвительные выражения в японский адрес («политический карлик с большим кошельком», «экономическое животное», «слишком мало – слишком поздно» и т.д.). Правительству Японии оставалось только оправдываться, заявляя, что «Японии пришлось встретиться со многими проблемами впервые»⁷.

Я. Накасонэ в своей книге «Государственная стратегия Японии в XXI в.» отмечает, что «Япония должна отказаться от достижения только утилитарных та эгоцентрических целей; начался период, когда самовыражения необходимо искать в осознании части ответственности страны в глобальном масштабе». По мнению, Я. Накасонэ «Япония должна четко уяснить, что она живет в мире, в котором без глубокого осознания собственной ответственности за его судьбу, ей не стоит рассчитывать не на обеспечение безопасности, не на выживание»⁸.

З. Бжезинский по этому поводу отметил, что «для Японии Америка служила «зонтом», под которым страна сумела спокойно оправиться после сокрушительного поражения, набрать темпы экономического развития, и на этой основе постепенно занять позиции одной из ведущих стран мира. Однако сам факт существования этого прикрытия ограничивает свободу действий Японии, создавая парадоксальную ситуацию, когда государство мирового уровня одновременно находится под чьим-то протекторатом»⁹.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2006, с. 35.

⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1998, с. 238.

С подобными оценками соглашается и Я. Накасонэ: «После завершения периода оккупации в сознании народа утвердилось мнение, что Япония не будет иметь ядерного оружия, а учитывая то, что страны-соседи имеют его, подписание Американско-японского договора безопасности, а также использование «ядерного зонта» США является достаточно естественным. Сразу же после поражения в войне, возможности Японии в военной сфере были ограничены: врачи-победители «прописали» ей запрет на ядерное оружие и предложили удовлетвориться легким вооружением [...]. Но человек не должен привыкать к постоянному употреблению медикаментов, которые к тому же со временем становятся вредными для здоровья (в данном случае идет речь про эрозию чувства стремления к независимости). Но эпоха «холодной войны» заставляла все чаще пользоваться медикаментами»¹⁰.

Про целесообразность договора безопасности в данный период размышляли и в США. Так, по мнению того же З. Бжезинского, в постсоветский период Американско-японский союз безопасности является анахронизмом: «Япония не должна быть «непотопляемым американским авианосцем» на Дальнем Востоке, она также не должна быть главным военным партнером США в Азии...»¹¹. Поскольку, по его мнению, это может отрезать США от стратегического консенсуса с Китаем.

Однако дальнейший ход событий продиктовал на пользу сохранения Американско-японского союза безопасности в 1990-е гг., его трансформацию в постбиполярную эпоху. Начиная с 1994 г. экономические проблемы между США и Японией отходят на задний план, а между правительствами обеих стран начинается консультации на разных уровнях. Итогом которых стало подписание в апреле 1996 г. президентом США Б. Клинтонем и премьер-министром Японии Р. Хасимото нового союзного договора в области безопасности, а также подписание в сентябре 1997 г. новых «Руководящих принципов двустороннего сотрудничества в области обороны».

Литература

1. *Diplomatic Bluebook 1991 Year edition* / Ministry of foreign affairs, Japan // www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-contents.htm
4. Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2006.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1998.

¹⁰ Накасонэ Я. Ук. Соч., с. 82.

¹¹ Бжезинский З. Ук. Соч., с. 246.

Эволюция политических взглядов вьетнамской элиты в первой половине XX в.

Соколова Виктория Николаевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предметом данного исследования является процесс эволюции политических взглядов представителей разных слоев вьетнамской элиты колониального периода первой половины XX в. В работе анализируются взгляды вьетнамских лидеров различных групп элиты на современное им мироустройство, принципы построения общества, роль вьетнамского народа во всемирно историческом процессе, а также проблемы культурной и национальной идентичности. Методологическую основу исследования составляют количественный и компаративный анализ. Количественный анализ источников позволил рассмотреть численный состав, происхождение, уровень образования, профессии, степень «натурализации» вьетнамских элитных слоев колониального периода. В свою очередь, компаративистский подход к рассмотрению нарративных источников позволил выявить изменения эволюционного характера в идейных концепциях разных групп вьетнамской элиты.

Современная социально-философская мысль определяет элиту как «часть общества, состоящую из наиболее авторитетных, уважаемых людей, которые занимают ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие социальной системы». Элита является той социальной группой, на «образцовые» ценности которой ориентируется остальная часть общества. Типологически элита делится на три основные группы: властная, ценностная и функциональная. По своему характеру вьетнамская колониальная элита представляет собой специфический феномен, формирование и развитие которого было детерминировано конкретно-историческими условиями периода колониальной зависимости. Отстраненная от рычагов политического управления страной, колониальная элита Вьетнама была представлена в основном ценностными и функциональными группами, а не властными. Все это накладывалось на крайнюю неоднородность состава колониальной элиты Вьетнама.

Анализ исторических и социально-экономических реалий Вьетнама первой половины XX в. позволяет выделить несколько моделей развития общественно-политической мысли колониальной элиты Вьетнама.

К первой модели можно отнести идеи традиционной консервативной элиты высших придворных кругов Вьетнама. Представители знатных родов, члены правящей династии придерживались в основном умеренно-консервативных взглядов и опирались на монархические

принципы устройства вьетнамского общества. Они полагали, что с помощью реформ, инициированных «просвещенной Францией», Вьетнам сможет достичь независимости. С течением времени под влиянием исторических событий XX в. их взгляды эволюционировали, однако приверженность традиционным устоям сохранялась, а деятельность по-прежнему ограничивалась узким кругом образованных лиц и не распространялась на широкие круги вьетнамского общества.

В основе второй модели развития политических взглядов вьетнамской элиты лежала идея опоры на «третью силу» в борьбе за независимость. В начале XX в. они связывали свои надежды с Японией, после Синьхайской революции 1911 г. – с Китаем, затем с Таиландом, а в период Первой мировой войны – с Германией. Однако, несмотря на наличие определенной эволюции взглядов патриотически настроенной элиты, эти изменения не носили концептуальный характер, сводились просто к смене внешнеполитических ориентиров: сохранялось непонимание необходимости структурных социальных преобразований, «модернизации» мировоззренческих ориентиров общества, а также повышения уровня культурного и социально-экономического развития.

Третью модель составляют взгляды конфуциански образованных ученых и общественных деятелей, которые под воздействием новых социально-экономических условий, вызванных к жизни французским присутствием, стали переосмысливать значение и роль конфуцианских стереотипов мировосприятия. Высоко оценивая достижения Запада и восхищаясь демократическими свободами метрополии, они открыто критиковали монархический строй Вьетнама. Между тем, в реальности они столкнулись с неготовностью вьетнамского социума к восприятию прогрессивных достижений западной демократии, косностью и архаичностью вековых порядков и обычаев колониального общества. В идеологическом плане они стали считать наилучшим возвращение к положениям «чистого» учения Конфуция, которое, по их мнению, было единственной идеологией, способной обеспечить гармоничное развитие вьетнамского общества.

Особую группу составили представители экономической элиты Вьетнама, которые имели возможность обучаться в высших учебных заведениях Франции. Будучи наиболее «модернизированным слоем» вьетнамского общества, крупные землевладельцы Вьетнама под влиянием республиканских идей метрополии стремились получить от Франции больше привилегий для своей деятельности. Активно действуя на политической арене колонии и метрополии, создав влиятельную Конституционную партию, выражавшую интересы имущих слоев, эта часть вьетнамской элиты, получив частичное удовлетворение своих

экономических требований, впоследствии отошла от политической борьбы.

К четвертой модели можно отнести взгляды «молодой интеллигенции» Вьетнама, которая первоначально ориентировалась на идеалы национально-освободительной борьбы в Индии и концепции Махатмы Ганди, а впоследствии испытала разочарование и пришла к выводу о необходимости активных действий. К 1930-м гг. происходит сильное «полевение» взглядов представителей этой группы вьетнамской элиты, вплоть до увлечения марксизмом. Радикализация идей сыграла большую роль в ослаблении и даже разрушении основ колониального режима Франции во Вьетнаме, особенно южной его части, а истоки этого процесса следует искать в деятельности левых сил в самой метрополии и во влиянии на них левых течений и партий Франции.

Анализ исторических и социально-экономических реалий Вьетнама первой половины XX в. показывает нежелание колониальных властей допускать представителей вьетнамской элиты к политическому управлению страной. В этих условиях вьетнамская элита не могла надеяться на реальную политическую власть. В результате такой политики интеллектуальный авангард вьетнамского общества, к тому времени уже обладающий достаточно высоким уровнем образования и хорошо усвоивший ценности современного западного мира, а главное – глубоко интегрированный в новые реалии колониального социума, не имел возможности сформироваться как самостоятельная, обособленная от этой системы общность и выработать свою, отличную от традиционной, систему ценностей, которая могла бы оказывать реальное влияние на остальные слои вьетнамского общества. Следствием такого положения стало то, что наиболее социально и политически «зрелые» слои вьетнамского общества, интеллектуальная элита, оказались неспособными к эффективным политическим действиям.

Литература

1. *Souverains et notabilités d'Indochine*. Hanoi, 1943.
2. *Marr D.G. Vietnamese Tradition on Trail 1920-1945*. California, 1981.
3. *Nguyễn Văn Ký. La Société Vietnamienne Face à la Modernité. Le Tonkin de la Fin du XIXe Siècle à la Seconde Guerre Mondiale*. P., 1995.

**Контакты и взаимодействие между иудейскими общинами
Сиро-Палестинского региона и великими державами
в конце XVIII – середине XIX вв.
(анализ исторических источников)**

Солодухина Татьяна Григорьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

С конца XVIII в. Сиро-Палестинский регион подвергается постоянному влиянию иностранных держав: Англии, Франции, России, Австрии, Пруссии и Соединенных Штатов. Их политика в регионе в значительной степени была ориентирована на взаимодействие с теми или иными местными силами с целью усиления своих позиций. В частности и иудейские общины региона оказались объектом политики великих держав. Поэтому основные источники о евреях Сирии и Палестины кон. XVIII – сер. XIX вв. – документы/материалы, отражающие проблемы контактов и взаимодействия тех или иных представителей этих держав с иудейскими общинами.

Данные источники можно классифицировать по месту возникновения и по жанрам. Выделяются два блока: внутренние источники, возникшие в еврейской среде, и внешние источники – нееврейские. Еврейские источники включают как местные, так и появившиеся в среде европейских евреев. Жанровое разнообразие материалов, посвященных евреям, достаточно велико.

Среди местных еврейских источников мы имеем документы общин Иерусалима, Яффо, Хеврона, Акко, Цфата и Тверии, письма палестинских и ливанских общин *хахам-баши* (верховному раввину) Османской империи. Значительная часть палестинских документов составлена на иврите, имеются также документы на идиш и ладино.

Существует ряд сочинений европейских евреев, посетивших Святую Землю в кон. XVIII – сер. XIX вв., в которых содержится как общая информация о еврейских общинах, так и непосредственно имеющая отношение к проблеме иностранного проникновения. Например, из воспоминаний Иегошуа Ялина – сына известного еврейского деятеля из Польши Давида Ялина – можно узнать о поселении его отца на Святой Земле, о евреях Иерусалима, а также об отношениях евреев Святой Земли с австрийскими властями в конце 30-х годов XIX в. Невозможно не упомянуть англоязычное сочинение еврейского филантропа Моше Монтефиоре – «Дневники сэра Моше и Леди Монтефиоре», в котором раскрываются различные аспекты политической и общественной деятельности автора в Палестине.

Нееврейские источники имеет смысл разделить на несколько основных пластов:

1) консульские донесения и другие документы о политике великих держав в отношении евреев, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ) и еще не введенные в научный оборот (на русском, французском, итальянском, арабском и греческом языках);

2) материалы европейских консульских донесений;

3) микрофильмы документов государственных архивов Германии, Великобритании, Польши, России и Украины, касающиеся евреев Палестины в кон. XVIII – сер. XIX в., которые находятся в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме;

4) документы Лондонского общества по распространению христианства среди евреев; документы, отражающие американскую миссионерскую деятельность среди евреев;

5) материалы европейской и российской прессы того периода, освещающие события, связанные с евреями Сиро-Палестинского региона;

6) местные источники на арабском языке, например «История Сирии и Ливана» Михаила ад-Димашки, в которой содержится информация о евреях Сирии, в особенности о семье Фархи;

7) записки европейских и русских путешественников и паломников, посетивших Святую Землю.

Для того чтобы получить максимально полное и объективное представление о еврейских общинах в сирийских провинциях Османской империи кон. XVIII – сер. XIX в. как объекте политики великих держав, следует использовать все вышеперечисленные источники. Но при этом должна учитываться степень объективности каждого отдельно взятого документа/материала. При исследовании данной проблемы интересна как реакция еврейских общин на европейскую политику, так и видение этой политики самими европейцами. С большой осторожностью следует относиться к документам, возникшим в среде заинтересованных сторон, поскольку в них может содержаться искажение фактов и оценок событий. Критическому анализу необходимо подвергать записки путешественников и паломников, поскольку зачастую они были недостаточно осведомлены как о статистических данных, так и о политической ситуации.

Затронутая в источниках тема так или иначе находит отражение в зарубежной историографии. В отечественной историографии работы, посвященные евреям в Сирии и Палестине кон. XVIII – сер. XIX в. в вышеуказанном ракурсе, отсутствуют. Также до сих пор практически не привлекались материалы АВПРИ для освещения данной проблема-

тики. Возможно, впоследствии именно из материалов этого российского архива суждено почерпнуть ценную информацию как об интересах России, так об интересах великих держав в отношении евреев Сирии и Палестины того времени.

О создании частной колонии в пол-ЕС (колониальная политика Бельгии во второй половине XIX в.)

Тавиунский Олег Михайлович

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В 2010 г. исполнится 50 лет с момента развала колониальной системы в Африке, так называемого «года Африки». Однако взаимоотношения бывших колоний и метрополий остаются напряженными. Одной из наиболее атипичных колониальных империй являлась Бельгийская империя. Отметим, что в отечественной историографии вопросы, связанные с изучением истории создания и развития указанной империи, до сих пор не получили должного освещения. О периоде до Первой мировой войны имеется лишь несколько работ, затрагивающих данную проблему в контексте истории Африки в целом [Дармштедтер, 1925; Зусманович, 1962; Субботин, 1982], в то время как за рубежом данная тематика постоянно находится в центре внимания [Hochschild, 1998; Ewans, 2002; Gondola, 2002]. В докладе автор, опираясь на труды иностранных исследователей, доступные архивные материалы и прессу, попытался проследить историю создания прообраза Бельгийской империи – Независимого государства Конго.

К последней трети XIX в. в Африке оставалась малоизвестная европейцам территория от южной границы пустыни Сахара до Южного тропика, включая долину р. Конго. Территория по экватору и Южному тропику была труднопроходимой из-за климатогеографических условий. Первым европейцем, добравшимся до долины р. Конго, стал шотландец Д. Ливингстон, исследовавший бассейн р. Замбези. Так вышло, что будучи тяжело больным, Ливингстон передал свои дневники и знания

Г.М. Стэнли, а вскоре умер. В 1874-1877 гг. Стэнли совершил транс-континентальное путешествие через бассейн р. Луалаба, оказавшейся р. Конго. Ему удалось выйти к Атлантическому океану 8 августа 1877 г., через 999 дней после того, как он оставил Занзибар [Roland, 1914, p. 5].

В то же время король Бельгии Леопольд II осознал, что нанесение на карту бассейна р. Конго привлечет сюда толпы старателей, и честолюбивые планы короля будут обречены на провал. До этого колони-

альные кампании Бельгии в Новом Свете и на Востоке провалились [Schwemmer, 1966]. С 1876 г. Леопольд II начал широкую «меценатскую» кампанию по пропаганде цивилизации среди народов региона. В 1878 г., после встречи со Стэнли, для этих целей он основал Комитет по изучению Верхнего Конго [Субботин, 1982, с. 73]. А Стэнли, используя формальные договоры с вождями племен относительно либо приобретения земли, либо принятия протектората, создавал Леопольду II личную колонию [Wack, 1905, p. 489-490].

В ноябре 1884 – феврале 1885 гг., через 7 лет после открытия Центральной Африки, состоялась Берлинская конференция, призванная разделить эту часть материка на зоны влияния европейских государств. 2,3 млн. км² бассейна р. Конго, Леопольд II потребовал признать его личной собственностью, апеллируя к договорам. Бисмарк покровительствовал Леопольду II, на сторону короля стали и США. По решению конференции на указанной территории учреждалось Независимое государство Конго под управлением Леопольда II [10] – подобного прецедента история еще не знала.

Литература

1. *Дармштедтер П.* История раздела Африки. 1870-1919 гг. М.-Л., 1925.
2. *Зусманович А.З.* Империалистический раздел бассейна Конго (1876-1894). М., 1962.
3. *Субботин В.А.* История Заира в новое и новейшее время. М., 1982.
4. *Ewans M.* European Atrocity, African Catastrophe: Leopold II, the Congo Free State and its aftermath. London, 2002.
5. *Gondola D.C.* The History of Congo. Westport Connecticut, 2002.
6. *Hochschild A.* King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa. Boston, 1998.
7. *Roland J., Duchesne E.* Cours Complet de Geographie. Le Congo Belge Namurr, 1914.
8. *Schwemmer O.W.* The Belgian Colonization Company, 1840-1858: Ph.D. dissertation. Tulane University, 1966.
9. *Wack H.W.* The Story of the Congo Free State. New York, 1905.
10. Convention revising the General Act of Berlin of 26 February 1885 // www.austlii.edu.au (Resource of Australian and international legal materials)

Военнопленные турки в Калужской губернии: от Крымской до Первой мировой войны (по материалам ГАКО)

Тихонов Артем Владимирович

Калужский государственный педагогический университет
им. К.Э. Циолковского

Сравнительно новыми для отечественной историографии являются исследования пребывания иностранных военнопленных в России в XIX-XX вв. Причем в случае с военнопленными ситуация обостряется тем, что чужой является не просто путешественником или живущим в России иностранцем, в определенной степени интегрированным в социальную структуру, но врагом, пусть и пленным.

Пожалуй, из всех военнопленных, захваченных Россией в ходе многочисленных войн XIX-XX вв., турки более всего отличались от подавляющей части населения Европейской России по своим культурным и религиозным традициям, были, так сказать, наиболее чужими.

Начиная, со второй половины XIX в. начинается выработка законодательства, определяющего правовое положение военнопленного. В 1874 г. Александр II выступил с инициативой созвать специальную конференцию по развитию законов и обычаев войны. Именно Россия предложила на рассмотрение конференции проект конвенции о законах и обычаях войны, подготовленный известным российским юристом Ф.Ф. Мартенсом. В данном проекте регламентировались права и обязанности военнопленных. Однако они были закреплены лишь на второй Гаагской конференции 1907 г.

В настоящее время историки только начинают обращаться к теме турецких военнопленных. Так, В.В. Белявский в статье «Военнопленные египтяне в России 1877-1880 гг.», опубликованной в «Военно-историческом журнале», на основе документов РГВИА исследовал судьбу военнопленных египтян, служивших в турецкой армии после войны 1877-1878 гг. Можно обратиться к статье Б.П. Миловидова «Турецкие военнопленные в России в 1812 г.», опубликованной в «Вопросах истории», где автор повествует о военнопленных турках после русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Обращает на себя внимание статья Т.А. Свиридовой в Калужской энциклопедии. В данной статье перед нами предстает судьба основателя коммунистической партии Турции Мустафы Субхи, который был интернирован в Калуге и приписан к военнопленным. Проблемой турецких военнопленных в Калужской губернии затрагивали И.Б. Белова и В.А. Бессонов, однако главным предметом их научного интереса были французские и немецкие плен-

ные. Таким образом, данная тема до настоящего времени в целом остается не исследованной.

Методы.

Основу представленного исследования составил анализ материалов Государственного архива Калужской области. Благодаря упомянутым выше исследованиям по проблеме турецких военнопленных, основывающихся как на архивных источниках ГАКО, так и на материалах других регионов, удалось провести сопоставление данных, которое позволило подтвердить некоторые выводы и предположения, сделанные ранее: о географии местопребывания военнопленных турок, об их перевозке и доставки в места содержания, о национальной принадлежности, о надзоре за военнопленными, медицинском содержании бывших воинов, об их повседневной жизни и работе на различных промышленных предприятиях и частном предпринимательстве. Основная часть источников положенных в основу данного исследования, относиться к фонду № 32 «Канцелярии калужского губернатора», фонду №62 «Калужского губернское правление», фонду № 783 «Калужского полицмейстера» ГАКО.

Результаты.

Первые военнопленные турки в Калужской губернии появляются во время Крымской войны, а именно в 1856 году после капитуляции 16 ноября 1855 г. крепости Карс. Калужская губерния в феврале 1856 г. была назначена для размещения пленных офицеров турецкого гарнизона. 5 и 16 февраля 1856 г. МВД сообщило калужскому губернатору о решении разместить турецких офицеров Карского гарнизона в городах Калужской губернии по 10-15 человек. Однако здесь военнопленные пробыли недолго. После заключения мира с Турцией 6 апреля 1856 г. они были освобождены и отправлены в Одессу, откуда вернулись на родину.

Гораздо более полные сведения в архивах относятся ко времени русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Первые военнопленные прибыли в Калугу в августе 1877 г. и находились в губернском центре и губернии (военнопленные содержались еще в 6 уездах) до декабря 1878 г., то есть до заключения мира на Берлинском конгрессе, однако процесс репатриации затянулся. За их содержанием тщательно следило МВД, губернские власти предоставляли приемлемые условия для жилья и медицинское обслуживание. Военнопленные турки находились на содержании государства, однако для возмещения средств на их содержание последних привлекали к различным видам работам, чаще как батраков. Некоторые турки принимали новое подданство и переходили в православие. Чаще всего это было связано с женитьбой на калужанках и рождением детей. Например, как Александр Нури. Некоторые из

принявших российское подданство осмеливались обращаться к властям за материальной помощью или с просьбой о повышении социального статуса (среди военнопленных встречались дворяне, а их, как правило, приписывали к мещанскому сословию). Однако чаще всего их ждал отказ.

Во время Первой мировой войны в Калуге и Калужской губернии содержалось 2723 военнопленных и интернированных. Большинство военнопленных содержались за счет государства, кроме тех, кто мог содержать себя сам, либо получал деньги от родственников. После 1915 г. государство перестало выплачивать пособия, а военнопленных стали отправлять на работу на промышленные предприятия. Некоторые турки открывали свое дело, например кофейни, или работали по специальности, например, учили детей борьбе. За военнопленными также строго следило МВД, а за их здоровьем санитарные службы. Мы не находим случаев ксенофобии. Однако случаи воровства и даже убийства в среде самих военнопленных имели место. Бывшие турецкие воины содержались в Калужской губернии до 1915 г., после чего были отправлены в Уральск.

Региональные архивы содержат значительный «пласт» документов, посвященных военнопленным туркам в описываемый период, многие из которых ещё не введены в научный оборот. Выбранное направление исследования имеет значительные возможности для дальнейшего расширения, как за счет привлечения новых источников, так и за счет более глубокого анализа имеющихся.

Литература

1. *Белявский В.В.* Военнопленные египтяне в России. 1877-1880 гг. // Военно-исторический журнал, апрель 2007, с. 34-37.
2. *Бессонов В.А.* Численность и состав военнопленных Крымской войны 1853 — 1856 гг. в Калужской губернии. // Вопросы археологии истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI всероссийской научной конференции 5-7 апреля 2005 г. Калуга, 2005, с. 151
3. *Вусович Ю.* Медико-топографическое описание города Калуги. Калуга, 1929.
4. *Миловидов Б.П.* Турецкие военнопленные в России в 1812 г. // Вопросы истории. №10, 2008, с. 91-100.
5. ГАКО ф. 783 оп. 1 д. 1185, д. 1089, д. 1184; ф. 32 оп. 7 д. 522; оп. 4, 1510; ф. 62, оп. 3, д. 4120; оп. 22, д. 837.
6. Положение о законах и обычаях сухопутной войны Отдел I. О воюющих. Ст. 4 // Веремеев Ю. Анатомия армии.
<http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml>.

Концепция арабского национализма в идеологии Мишеля Афляка

Филиппов Александр Анатольевич

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

В основу настоящей работы положен раздел «Об арабском национализме» [1, с. 133-197] из пятитомного собрания сочинений М. Афляка «На пути возрождения». Этот раздел, как и весь труд, был сформирован из различных статей и выступлений идеолога Баас. В ходе анализа указанного текстового массива были выделены следующие базовые категории, которыми оперирует М. Афлак при изложении своего взгляда на арабский национализм: *umma(t)*, *jumhūr*, *sha 'b*, *qawm*. Кроме того, представляется целесообразным проанализировать слово *milla(t)*. Тот факт, что М. Афлак ни разу не употребил это очень распространенное слово, показывает, что оно не должно остаться без внимания исследователя. Чтобы проанализировать значения указанных слов, мы использовали три наиболее авторитетных толковых словаря арабского языка: Mufradāt al-Qurān al-Karīm («Лексика Благородного Корана»), Lisān al-‘arab («Язык арабов») и al-Qāmūs al-Muhīt [2].

Понятие *umma(t)* обозначает наибольшую совокупность людей, в основу которой могут быть положены различные критерии, понятие *qawm* – группу людей, объединенную кровными и клиентскими узами. *Sha 'b* определяется как совокупность, способная к объединению и разъединению, а *milla(t)* описывается через понятия «религиозный закон» и «религия» [2].

Проанализировав значения указанных концептов в наиболее авторитетных толковых словарях арабского языка, следует рассмотреть возможные дополнительные значения, которые они могли приобрести в ходе влияния на них истории арабов.

Слово *sha 'b* послужило основой для обозначения особого движения, зародившегося в Арабском Халифате в IX веке – «шуубийи». Прежде всего, оно было связано с возрастающим участием иранцев в административной и культурной жизни Халифата. Этот процесс стал результатом той политической борьбы, которую вела аристократия исламизированных народов за равные права с арабами. Это движение проходило под лозунгом равноправия всех мусульман независимо от их происхождения и ускорило процесс распада Арабского Халифата, фактически поставив религиозное единство выше политического.

Повторение таких процессов было категорически неприемлемо для М. Афляка. В его сочинениях слово *sha 'b* фактически стало синонимом к слову *jumhūr*. Зачастую эти два слова образуют единую конструкцию

– «массы народа». Однако в идеологии основателя Баас *sha'ib* в отношении арабов выступает как нечто подчиненное по отношению к единице более высокого порядка, объединенной понятиями *умма* и *урубба* [1, с.170, 190, 194 и др.].

Слово *milla(t)* употребляется исключительно для обозначения религиозных общин. Во времена Османской империи *milla(t)* выступала как субъект права, фактически раздробляя общество на множество мелких единиц. Особую опасность такая практика представляла для Сирии, население которой даже в период французского мандата представляло собой конгломерат различных фактически самостоятельных этно-конфессиональных групп, причем, как отмечали французские власти, каждая из них образовывала некое подобие народа.

Таким образом, сохранение такой системы, в основе которой лежало разделение общества на *milla(t)*, означало не только невозможность общепарабского единства, к которому призывали практически все арабские националисты, в том числе и М. Афлак, но сохранение раздробленности Сирии и Ливана. Нет ничего удивительного в том, что в своем разделе «Об арабском национализме» идеолог Баас ни разу не употребил слово *milla(t)*, не найдя ему место в своей концепции арабского национализма.

Основным понятием в идеологии арабского национализма М. Афлака выступает *umma(t)*. В истории ислама понятие *умма* употреблялось по отношению ко всей общине верующих, независимо от их происхождения, то есть имело исключительно религиозный характер, будучи единицей высшего порядка по отношению к человеческим сообществам. Однако арабские националисты понимали это слово по-другому. Как мы видели, семантически слово *umma(t)* обозначает лишь наибольшую совокупность людей, в основу которой могут быть положены различные критерии. В идеологии арабского национализма понятие *umma(t)* практически слилось с понятием *qawm*. В Конституциях арабских стран оно употребляется только в таком значении и нигде в традиционном значении *мусульманская община*.

М. Афлак не вышел за рамки понимания *umma(t)* другими арабскими националистами. Центральным понятием, отличающим арабскую умму от всех остальных, идеолог Баас считал *'urūba(t)* – *урубба, арабизм*. Использование этого понятия преследовало две основные цели: а) отделить арабов от остальных исламских народов; б) найти дополнительный признак, объединяющий различные этно-конфессиональные группы в рамках арабской нации. Афлак рассматривал *umma(t)* как объединение, основанное на кровнородственных и клиентских связях, которые были сформированы в эпоху халифата Омейядов (661-750).

Соответственно, в состав арабской нации входят и народы, исторически связанные с арабскими племенами различными, прежде всего клиентскими, отношениями. Основатель Баас прямо причислил к арабской нации курдов, ассирийцев, армян и берберов, решив, таким образом, проблему интеграции этнических меньшинств.

Религиозные меньшинства были интегрированы с помощью фактического отождествления ислама как религии с урубой, понимаемой как совокупность особых качеств, присущих только арабам, независимо от их вероисповедания [1, с. 159].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Разрабатывая свою концепцию арабского национализма, М. Афлак стремился интегрировать различные этно-конфессиональные группы Сирии в одно целое и в условиях достижения страной независимости помочь христианам сохранить то привилегированное положение, которым они пользовались во время французского мандата. Конечной целью идеологии провозглашалось объединение всего арабского мира.

Этнические меньшинства были интегрированы через апелляцию к кровнородственным и клиентским связям, которые были сформированы в эпоху халифата Омейядов (661-750) и пересмотрены при Аббасидах (751-1258). Именно поэтому некоторые арабские националисты прямо заявляли, что Аббасидский халифат утратил свои арабские корни. Переосмыслив понятие *umma(t)* и фактически приравняв его к понятию *qawm*, М. Афлак смог включить в состав арабской нации даже несемитские народы – курдов, берберов, армян.

Религиозные меньшинства были интегрированы с помощью фактического отождествления ислама как религии с урубой как совокупностью особых качеств, присущих только арабам, независимо от их вероисповедания.

Концепция арабского национализма в идеологии М. Афлака характеризуется предельной обобщенностью и описывается через такие понятия как единство, свобода и арабский социализм. Ни одно из них автором определено не было. Такой подход позволял основателю Баас лавировать между интересами различных групп, не вступая в противоречие ни с одной из них.

Литература

1. <http://albaath.online.fr/> (‘Aflaq M. Fī sabīl al-ba‘th. Al-juz’ al-awwal).
2. Jāmi‘ ma‘ājim al-lughā(t) al-‘arabiyya(t) – Baghdād: al-‘Arīsh al-Kambyūtir – 1 CD-ROM.

Камбоджийский кризис и политика Индонезии в рамках АСЕАН

Церерин Алексей Николаевич

Московский государственный институт
международных отношений (У) МИД РФ

На рубеже 70-80-х гг. основную консолидирующую роль для стран АСЕАН сыграл внешний фактор – кризисная ситуация в регионе, сконцентрированная вокруг камбоджийской проблемы, которая приобрела характер долгосрочного конфликта.

Все это ставило перед Индонезией, и АСЕАН в целом, непростую задачу поиска по возможности наиболее быстрого решения проблемы при одновременном выполнении задач поддержания хрупкого баланса интересов в самой Ассоциации, сохранение контактов с СРВ, сдерживания влияния крупных внерегиональных держав.

В течение целого десятилетия камбоджийская проблема преобладала в повестке политического сотрудничества АСЕАН. Однако у Ассоциации не было реальных возможностей заставить Вьетнам вывести свои войска из Камбоджи. В этом проявилась ограниченность АСЕАН, поскольку она не являлась военным блоком, который имеет возможность подкреплять свои слова применением силы или наложением экономических санкций на страну-правонарушителя. Сила АСЕАН заключалась в ее способности мобилизовать международную поддержку своей политике, ее способности действовать методом убеждения и уговоров.

Следует отметить, что нельзя недооценивать деятельность индонезийских дипломатов, которые прилагали все свои силы к скорейшему урегулированию конфликта. С самого начала вьетнамской оккупации Камбоджи Индонезия оказалась в деликатной ситуации, так как до этого выступала за развитие сотрудничества АСЕАН с государствами Индокитая, и Вьетнамом, в частности. Помимо всего прочего, с возникновением проблемы резко обозначились существующие между странами АСЕАН (в основном между Индонезией и Таиландом) противоречия в понимании внешней угрозы. Поэтому индонезийская политика по камбоджийскому вопросу носила двойственный характер. С одной стороны, индонезийское правительство жизненно важным считало сохранение асеановского единства и поэтому официально поддерживало общее асеановскую позицию по Камбодже. Тем не менее, индонезийские представители в АСЕАН постоянно пытались смягчить жесткую позицию, занятую некоторыми странами Ассоциации по отношению к Вьетнаму. С другой стороны, военные лидеры режима «нового поряд-

ка» пытались улучшить двусторонние отношения с Вьетнамом в надежде на то, что последний будет более восприимчив к индонезийским попыткам урегулирования камбоджийского конфликта. Учитывая тот факт, что существовавшие в рамках АСЕАН правила поведения диктовали необходимость достижения консенсуса, который, как правило, благоприятствовал Таиланду, выступавшему в роли «прифронтового государства», не удивительно, что индонезийская дипломатия часто терпела неудачи, а официальная позиция АСЕАН следовала в фарватере тайской линии, что сближала ее с позицией КНР.

Между тем камбоджийскую проблему удалось разрешить и страны АСЕАН снова встали на путь сотрудничества с государствами Индокитая, которые все без исключения в скором времени стали членами этой региональной организации: Вьетнам в 1995 г., Лаос и Мьянма в 1997 г., а Камбоджа из-за сложного внутривластного положения только в 1999 г.

Литература

1. ASEAN Document Series 1967-1988. ASEAN Secretariat. Jakarta, 1988.
2. ASEAN Document Series 1988-1989. ASEAN Secretariat. Jakarta, 1989.
3. Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М., 2007.
4. Малетин Н.П. АСЕАН в системе международных отношений. М., 1980.

Проблема оттоманского долга на Лозаннской мирной конференции (1922-1923 гг.)

Черниченкина Наталья Игоревна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Созванная по инициативе Великобритании, Франции и Италии для подготовки мирного договора с Турцией Лозаннская конференция должна была разрешить многие внешнеполитические задачи, в том числе и финансовые претензии сторон.

Среди финансовых вопросов, обсуждавшихся на Лозаннской мирной конференции, наиболее полемичной оказалась проблема оттоманского долга, так как она затрагивала противоречивые интересы Европы, Балканских стран и Турции.

Известно, что основные положения статей Лозаннского мирного договора, касавшиеся выплаты оттоманского долга, сводились к следующему: разделение долга между Турцией и странами, отделившимися от Османской империи; создание специальной международной комиссии с целью контроля над распределением долга; отмена капитуля-

ций; исключение из Административного совета оттоманского долга представителей германских, австрийских и венгерских держателей займов. Подготовка статей договора, посвященных оттоманскому долгу, потребовала много времени и больших усилий, прежде всего, из-за неуступчивости крупнейшего кредитора Османской империи – Франции, заинтересованной в сохранении финансового контроля над Турцией. Поэтому обсуждение проблемы оттоманского долга на заседании финансово-экономической комиссии часто принимало острый характер и не двигалось с места.

Тщательное изучение не вводившихся ранее в научный оборот российского востоковедения протоколов заседаний финансовой комиссии Лозаннской конференции выявило целый ряд дополнительных деталей, связанных с проблемой выплаты оттоманского долга, а именно: специфику исчисления суммы долга, ставшей объектом погашения, предлагавшиеся альтернативные принципы распределения долга, трудности распределения займов, взятых на развитие железных дорог в Османской империи, а также исследование системы компромиссов, результатом которых стало согласование отдельных статей финансового договора.

Взаимные противоречия в экономических интересах, а также значительная разница в уровнях профессиональной финансовой и дипломатической подготовки противостоявших сторон привели к невозможности достижения договоренности по многим аспектам проблемы. Однако не только это послужило причиной срыва Лозаннской конференции на первом этапе. В докладе собраны биографические характеристики турецких делегатов на основе данных, изданных министерством финансов Турции, а также на основе сведений мемуаров помощника председателя турецкой делегации доктора Р. Нура.

Анализ этих сведений показал, что представители турецкой делегации, выступая против союзников на Лозаннской конференции, сами не придерживались единой позиции в отношении проблемы оттоманского долга. Имея совершенно разную профессиональную подготовку и предшествующий политический и экономический опыт, они были далеко не единодушны по вопросу оттоманского долга.

Глубокие противоречия в политических взглядах и действиях, как заинтересованных сторон, так и внутри турецкой делегации, сказались на темпах и результатах работы финансовой комиссии. Лозаннская конференция, начавшаяся для Турции с идеей справедливого пересмотра долгового «наследства» Османской империи, закончилась принятием нелегких для экономики страны финансовых обязательств.

Литература

1. Meray S.H. Lozan Konferansı: Tutanaklar ve Belgeler. İstanbul, 2001.
2. Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918-1923. М, 1966.
3. Yeniay I.H. Yeni Osmanlı Borçları Tarihi. İstanbul 1964.
4. Yaşayan Lozan. Ed. Erhan Ç. Ankara, 2003.
5. Pakalın, Zeki M. Maliye Teşkilatı Tarihi. Ankara, 1978.
6. Nur R. Hayat ve Hatıratım. İstanbul, 1968.

Мустафа Кемаль Ататюрк – военный атташе Турции в Болгарии (1913-1915 гг.)

Шестаков Николай Робертович

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

В богатой событиями и разнообразной деятельности Мустафы Кемаля Ататюрка в качестве военного, политического и государственного деятеля Турции есть один хронологический отрезок, тесно связанный с Болгарией. Это – период с 28 октября 1913 г. до 2 февраля 1915 г., когда он в качестве офицера османской армии работал турецким военным атташе в Софии.

Во время пребывания в Болгарии, Мустафа Кемаль отправил более 100 докладов и донесений своему начальству в Стамбул. До настоящего времени эти документы были строго засекречены в турецких военных архивах. Только с выходом сборника *«Мустафа Кемаль Ататюрк и турецко-болгарские отношения в документах (1913-1918 гг.)»*, изданного на турецком и болгарском языках, часть этих документов стала достоянием общественности.

В сборник вошло десять докладов. В двух из них рассматривается общая обстановка на Балканах в 1913-1914 гг. Один документ посвящен открытию сессии Народного Собрания – парламента Болгарии. Остальные донесения Мустафы Кемаля касаются, в основном, предвоенной обстановки в стране и в регионе в целом, а также подходов балканских стран по отношению к войне.

Из анализа отправленных в Стамбул докладов, рапортов и телеграмм были сделаны выводы о том, что Мустафа Кемаль, в целом, правильно ориентировался в военно-политической обстановке не только в Болгарии, но и в общем на Балканах. Его деятельность на посту военного атташе была высоко оценена как младотурками, так и представителями болгарского руководства. Немалая заслуга Мустафы Кемаля,

как военного атташе в Софии, состоит в том, что Болгария, вступила в войну на стороне блока Центральных государств.

Именно длительное пребывание Мустафы Кемалья в европейской стране – Болгарии – послужило толчком к формированию его взглядов о необходимости проведения реформ. В сфере политики Ататюрк использовал анализ деятельности Народного собрания Болгарии для введения основ многопартийной системы в Турецкой Республике. Опыт Кемалья в общении с турецким населением Болгарии, которое достаточно быстро приняло блага и преобразования европейской цивилизации, позволил ему сделать вывод, что так же будет и в Турции, что население с легкостью примет реформы. Мустафа Кемаль уехал из Болгарии полный идей и мыслей о преобразованиях и реформах. Это был его первый длительный опыт знакомства с европейской цивилизацией, который, несомненно, оказал положительное влияние на формирование его взглядов о будущем Турции.

Литература

1. Мустафа Кемал Ататюрк и турско-българските отношения в документи (1913-1918). София, 2002.
2. *Еремеев Д.Е.* Становление республиканской Турции. 1918-1939. М., 2004.
3. *Новичев В.Д.* История Турции. В 4-х тт. Л., 1963-1978.
4. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. Москва, 2003;
5. *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб, 1914-1916. София, 1995.
6. *Живахов А.* Ататюрк. М., 2008.
7. *Парушев П.* Мустафа Кемал Ататюрк. София, 1974.
8. Стамболийски и Ататюрк за българо-турските взаимоотношения. София, 2001.
9. *Aydemir Ş.S.* Tek Adam: Mustafa Kemal'in Hayatı. 3 Cilt. İstanbul, 1969.
10. *Kinross P.* Atatürk: The Rebirth of a Nation. L., 2004.
11. *Mango A.* Atatürk. L., 2004.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

Новые тенденции во внешней политике современной Турции в 2000-е гг.

Бакустин Александр Валерьевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Окончание холодной войны явилось крупнейшим глобальным событием, эффект которого оказал сильнейшее влияние, затронув практически все государства современного мира. Кардинальные изменения 80-х – начала 90-х годов XX в. коснулись не только отдельных фрагментов мирового геополитического пространства, но и геополитической конфигурации мира в целом. В новых условиях стали меняться принципы международных взаимоотношений, причем уклон стал делаться больше на универсальность силы, а не на верховенство международного права. По замечанию Министра Иностранных Дел России Сергея Лаврова, «проясняются некоторые реалии, которые имеют определяющее значение для формирующейся новой архитектуры международных отношений». Современная история содержит в себе уже не мало примеров верховенства силы над международными нормами и обязательствами (распад Югославии 1999 г., военное вторжение США в Ирак в 2003 г.). Все перечисленные изменения заметно повлияли на выбор многих государств Евразии, подтолкнув их к пересмотру своих внешнеполитических ориентиров. К числу таких стран относится и Турецкая Республика.

Конец холодной войны предоставил Турции новые возможности для реализации своих внешнеполитических задач, однако вместе с этим, перед Турцией открылись совершенно новые географические области, которые таили в себе новые потенциальные угрозы. Традиционно, внешняя политика Турции республиканской эры, начало которой ведется с 1923 г., характеризовалась двумя центральными принципами. Первый и основной её элемент касался определенной ориентации на Запад, конечной целью которой была полная интеграция в Европейский Союз. Второй её принцип содержал в себе консервативный или защитный подход по отношению к внешней политике, который основывался на том, что страна попыталась избежать экстерриториальных интересов или действий, простирающихся вне её границ. Распад СССР расширил турецкие горизонты внешней политики. Турция, точно так же как другие образовавшиеся государства, нуждалась в новом видении внешней политики, новом наборе принципов, новой парадигме,

новой стратегии развития – чтобы справиться с последствиями окончания периода холодной войны и распада Советского Союза, который, как отмечает премьер-министр России Владимир Путин, «стал крупнейшей геополитической катастрофой века».

Турция пережила 1990-е гг. не имея четкой стратегии и концепции внешней политики, – именно такое мнение разделяют практически все известные исследователи проблем современной Турции (Баскын Оран, Зия Ониш, Бюлент Арас, Кемаль Карпат). Однако наиболее остро эту проблему обозначил известный турецкий политолог Мустафа Айдын. По его словам, «Турция оказалась не готова к столь стремительным изменениям геополитической картины мира и появлению у своих границ большого количества новых государств. Несмотря на все громкие заявления своих высших чиновников, она так и не смогла стать для них достойным партнером. Причинами этого стали непомерные требования и завышенные ожидания со стороны руководителей Турции в отношении этих государств. Несмотря на все очевидные успехи и неудачи внешней политики Турции, весь первоначальный период, который охватывает ровно десятилетие, начиная с официального признания Турцией новых независимых государств, можно охарактеризовать, как крушение надежд и ожиданий».

С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), после парламентских выборов в ноябре 2002 г., внутренняя ситуация претерпела некоторые изменения. Новое руководство страны, ведомое премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом, предложило турецкой общественности программу внутривнутриполитического развития страны, новые принципы и стратегии, которые были положены в основу формирования концепции внешней политики Турции.

Ученые и исследователи проблем развития современной Турции используют различную терминологию в описании внешнеполитического курса правительства ПСР. Одна группа экспертов называют новый курс ПСР “Нео-османизмом”, другие определяют его “Релисламизацией”, третьи группы сходятся во мнении, что более точно современную внешнюю политику Турции следует обозначать «Частичной переориентацией на Восток»

Следует отметить, что с приходом к власти партии Т. Эрдогана на политической арене страны появились новая группа политиков (глава МИД Турции Али Бабаджан, президент турецкой части Кипра Мехмет Али Талат, председатель Парламента Турции Кёксан Топтан...). Однако в данном контексте хотелось бы остановиться на одной из ключевых политических фигур современной Турции – профессоре Ахмеди Давутоглу, главном советнике премьер-министра Турции Т. Эрдогана по вопросам внешней политики. Благодаря его концепции внешней

политики, Турция смогла за небольшой временной период (2002-2008 гг.) превратиться в серьезного регионального и международного игрока, о чем могут свидетельствовать последние инициативы турецкого руководства: события на Ближнем Востоке, где Турция взяла на себя роль медиатора в примирении сторон и поиска решения арабо-израильского конфликта; на Южном Кавказе, где она выступила с инициативой создания «Платформы безопасности и стабильности на Кавказе», после того, как 8 августа 2008 г. разразился грузино-югоосетинский конфликт, превратившийся позже, с одной стороны, в войну между Россией и Грузией, а с другой, информационную войну России и Запада; на Кипре, где впервые, после неудачного плана бывшего Генерального секретаря ООН К. Аннана, появилась реальная возможность разрешения кипрского вопроса мирным путем.

В своей книге под названием «Стратегическая глубина» (*Stratejik Derinlik*) А. Давутоглу детально анализирует потенциальную историческую и географическую «глубину» Турции, а также предлагает обратить внимание на новые подходы к парадигме турецкой внешней политики, которая преобразует роль Турции из того, чтобы быть страной «крыла» (*kanat ülke*) периода холодной войны, к тому, чтобы постепенно стать «центральным государством» (*merkez ülke*), и, наконец, достигнуть положения «глобального актора».

Литература

1. Интервью Министра иностранных дел России С. Лаврова. // Московские Новости, 03.03.2006.
2. Мукимджанова Р.М. Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики. М., 2005.
3. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25.04.2005.
4. Aydın M. Türkiye'nin Avrasya Macerası 1989-2006. Ankara, 2007.
5. Sözen A. A Paradigmatic Shift: New Principles of Turkish Foreign Policy Making. Levkoşa, 2008.

Конфликты в Африке как дестабилизирующий фактор мирового развития

Верещагина Оксана Олеговна

Институт АТиСО Евразийской Академии (Республика Казахстан)

Африка прочно занимает первое место среди наиболее «конфликтонных» и нестабильных регионов мира. Многие ее государства десятилетиями фактически пребывают в состоянии гражданской войны.

Противостоят друг другу племена, расы и религии, города и регионы [1, с. 23]. Реалии Африки – это недееспособные государства, границы которых были произвольно проведены колонизаторами. В Африке тлеет масса конфликтов. Главная их причина – **контроль над ресурсами**, способными обеспечивать финансовую состоятельность неэффективных правителей. Где в Африке в последние десятилетия фиксировались конфликты, в которые были вовлечены несколько государств? В Анголе, Намибии, Сьерра-Леоне, вокруг Руанды. Какова причина многих из них? Борьба за контроль над регионами добычи алмазов и золота. Захват этих территорий, как и сотни лет назад, рассматривается в качестве простейшего способа обогащения. Для реализации этого способа есть не только желание, но и возможности. В Анголе, Руанде, Эфиопии и других странах гражданские войны, закончившись, оставляли без дела целые армии, которые сейчас могут быть использованы в сопредельных регионах.

Немаловажную роль играет **этнический фактор**. Этнографы выделяют на этом континенте 300-500 народностей (этносов). Как правило, крупные многомиллионные народы уже сложились в нации, а некоторые малочисленные еще сохраняют архаичные формы социальных отношений. Сильное воздействие на процессы этнического объединения оказывает урбанизация, поскольку именно городская среда открывает наибольший простор для межэтнических связей [2, с. 60]. Особенно осложняет межэтнические отношения в Африке доставшееся ей в наследство от прошлого несоответствие политических и этнических границ, в результате которого многие крупные этносы оказались раздробленными на мелкие части.

Немалое значение имеют и причины **религиозного характера**. Ведь в Африке две мировые религии — ислам (2/5 всех верующих) и христианство (1/5) — во многих районах причудливо переплетаются с разнообразными местными религиями. Все это, в особенности с учетом усилившегося в последнее время исламского фундаментализма и экстремизма, еще обостряет возникающие конфликты, превращая некоторые из них в этноконфессиональные [3, с. 8].

Во всех африканских странах, где уже многие годы идут гражданские войны, их возникновению предшествовали **грубые политические ошибки** правящих режимов, принимавших важные решения, касавшиеся коренных интересов определенных регионов, этнических и религиозных групп или всего населения без консультации с заинтересованной стороной, как правило, вопреки их воле и желанию. При этом принимаемые сверху решения проводились в жизнь репрессивными средствами, не допуская никаких политических компромиссов.

Такая политика неизбежно встречала адекватную реакцию со стороны дискриминируемых групп населения [4, с. 19].

Также одной из основных причин нестабильности и конфликтов на Африканском континенте является **бедность** как результат слабого экономического и политического развития. Внутренняя экономическая политика стала причиной внешней зависимости африканских стран, а их политические системы находятся под влиянием таких отрицательных явлений, как коррупция, слабые и контролируемые институты, бездействие, родственный протекционизм и т.д.

Свою роль в жизни африканских стран сыграл такой процесс как **глобализация**. Первые признаки глобализации, коснувшиеся Африки, имели жесткие черты колониализма, когда приобщение к западным моделям исторического прогресса сопровождалось работорговлей, подрывающей демографическое равновесие, христианизацией, подавляющей африканский менталитет, и «вестернизацией», разрушающей африканскую культуру. Последовавшее затем вовлечение африканских стран в мировое хозяйство за счет внедрения экспортных культур и интенсификации добычи полезных ископаемых стало началом реального распространения глобализации на Африку [5, с. 365-366]. Следует отметить тот факт, что Африка больше других регионов мира проиграла в процессе глобализации. Ее доля в мировой торговле и инвестициях сократилась до ничтожных величин. Африканские товары первичного сектора экономики составляют 76% экспорта. Доля Африки в прямых иностранных инвестициях составляет менее 1%. Во всех ее сферах она занимает маргинальное положение, усиливается ее геополитическая и дипломатическая изоляции [6, с. 68].

* * *

В одиночку африканским странам не справиться с тем конфликтно-генным состоянием, в котором они пребывают не одно десятилетие. Международное сообщество не должно закрывать глаза на проблемы этого региона. Особенно важную роль способны сыграть в этом международные организации, обладающие легитимными правами проводников политической воли международного сообщества, столь необходимой для укрепления мира и безопасности в планетарном масштабе.

Но полагаться на деятельность международных органов в разрешении насущных задач без участия самой Африки было бы, по меньшей мере, наивно. К сожалению, в период становления государственности Африка, как ни парадоксально, извлекала выгоду из существующего международного положения. В эпоху «холодной войны» африканские страны получали от бывшего Советского Союза большую помощь в военной, экономической и культурной областях. Тем более парадоксально, что после окончания «холодной войны» африканские страны

по-прежнему не могут стать хозяевами своей судьбы. Парадоксально и то, что некоторые все-ещё рассуждают о попечителях, опекунах и новых мандатах. Однако время нельзя повернуть вспять. Сегодня странам Африки необходимо прилагать совместные усилия на региональном и международном уровнях [7, с. 67]. Ключом к укреплению государственности служит национальное примирение. Без политической стабильности африканские страны не смогут осуществить стратегию в области развития. Следовательно, укрепление мира является приоритетным направлением в региональной и международной деятельности.

В настоящее время Африка является достаточно слабой. Но все человечество выиграло бы в будущем, выиграло бы на благо своего процветания, если бы Африка как можно скорее смогла найти свой путь развития [8, с. 15].

Литература:

1. *Касаткин Д.* «Черный континент» в XXI веке. // Азия и Африка. 2005 № 9.
2. *Громова О.Б. Потемкин Ю.И.* Африка: трудовой потенциал и проблема избыточного населения. // Восток. 2005, № 5.
3. Африка и Петербургский саммит. // Азия и Африка. 2006, № 10.
4. *Комар Ю.И.* Конфликты в Африке. Попытки типологии. М, 1996.
5. Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. М., 2002.
6. *Ругумаму С.М.* Глобализация и будущее Африки: к структурной стабильности, интеграции и устойчивому развитию. // РЖ. Востоковедение и африканистика. 2003, № 1.
7. *Шубин В.Г.* Юг Африки: соперничество сверхдержав или освободительная борьба. // Восток, 2003, № 2.
8. Африка – континент конфликтов и надежд. // Международная жизнь 2000, № 6.

Понятие «гражданское общество» и китайский общественный идеал (XX в.)

Мартынов Дмитрий Евгеньевич

Казанский государственный университет

Термин «гражданское общество» широко применяется западными синологами и исследователями политической истории Китая у себя на родине. Западные общественные науки оперируют идеалом «гражданского общества», основанным на универсальном концепте прав человека. Данные категории рассматриваются как универсальные, несмотря

на то, что исходят в основе своей из христианской системы ценностей. Интеллектуальный мир Китая до сих пор серьёзно не рассматривал ни одного из этих вопросов, поэтому в академических аудиториях Китая термин «гражданское общество» используется для анализа прошлого этой страны [Мецгер, 1977].

Рассматривая эволюцию идеологических систем в Китае (равно КНР и Китайской республике), можно выявить главную тенденцию: сменяющие друг друга у кормила власти китайские элиты неизменно заявляли, что целью развития страны является Великое единение (кит. *Да тун* 大同; нем. *Gemeinschaft*). Великое единение как высшая форма общественного устройства управляется универсальными стандартами «принципа» (*ли* 理) и «этики» (*даодэ* 道德), общество при этом не зависит от непредсказуемых побуждений конкурирующих индивидов. Когда современные китайские идеологи провозгласили первичность свободы, плюрализма и открытости, они заявили, что эти ценности совместимы с «этикой» и «принципом», и по этой причине частная собственность не приведёт к экономическому неравенству, а демократия не будет страдать от «махинаций политиканов». Таким образом, идейная конкуренция не привела к слому тотального морально-интеллектуального регулирования общества в целом, унаследованного от конфуцианства [Мецгер, 1995].

Китайская интеллигенция увлечена идеей «управления при помощи закона» (*и фа* 以法), но её представители совершенно отчётливо идентифицировали законность с «правосудием», понимаемым абсолютно. Законность в современном Китае отождествляется с тезисом: «самый дурной закон – тоже закон» (*э фа – е фа* 恶法也法)¹. Этот тезис восходит к конфуцианской максиме: «Когда не занимаешь соответствующего поста, не помышляй и о соответствующих ему делах управления» (不在其位，不謀其政) (Конфуций, 2001).

В основе данной парадигмы лежит традиционное различие между «обывателем» и «культурным человеком». Интеллигенция воспринимается как воплощённая совесть общества, её статус основывается на внедрённой традицией вере в упорядочивающую роль государства [Мецгер, 1995]. Агентом политического действия является не обыватель, чьи интересы не выходят за пределы обогащения, а только беспорочный «сверхчеловек» (*цзюнь-цзы* 君子), готовый вести за собой общество, или, по крайней мере, близкий к его «нервным центрам» [Ду Вэй-мин, 1989]. Традиционное обозначение для рядовых членов обще-

¹ Иероглиф 恶 (полная форма 惡) имеет выражено негативную коннотацию. Основные значения «порок, недостаток, недуг, рана, хворь, оплошность, моча и кал, экскременты».

ства – *минь* (民) не является этически нейтральным. На первый план здесь выносятся нравственное предпочтение «людям Неба» (*тянь минь* 天民), которые действуют как «глаза и уши» Неба, поддерживая просвещённую элиту (она первой познала *Дао* 道), также они сдерживают нравственно ущербные массы, выступая в качестве барьера между ней и элитой [Мецгер, 1995].

В современном Китае «гражданское общество» рассматривается как пока ещё недостижимый идеал, утопическое *Gemeinschaft*, свободное от «эгоизма», в котором отношения характеризуются «искренностью». В этом обществе не будет «рамков, ограничивающих индивидуальные желания» (*шу фу* 受敷), не будет «эксплуатации» (*бо сюэ* 剝削), не будет любых видов конфликта или отчуждения (*гэ хэ* 隔合), не будет любых форм «идеологической разделённости» (*фэнь юнь* 分允). Это и будет *Да тун* (大同) – Великое Единение. Это понятие обозначает позитивную во всех отношениях взаимозависимость, включающую решение всех доктринальных различий (*хуй тун* 会同) и полное стирание противоречий между личностью и мирозданием (*тянь жэнь хэ и* 天人合一) (Мецгер, 1978). В гармоническом обществе граждане договариваются не только о процедурах урегулирования споров, но также и о вопросах глобального права и любых общественных несправедливостей (*жэнь тун цы синь, синь тун цы ли* 人同此心, 心同此理).

Учитывая столь утопическую ретро- и перспективу, оказалось сложным выразить на китайском языке понятие «политическая культура». Главный термин, описывающий поведение человека вне круга семьи – *гун дэ* (公德, «общие моральные принципы», «гражданские добродетели», «нормы поведения в обществе», «чувство справедливости», «заслуги и добродетели»), обозначает также абсолютную этику. Сходную коннотацию имеет термин «гражданское общество»: *гунминь шэхуй* (公民社会).

Литература

1. Ду Вэй-мин (杜维明). Жуцзя ди саньци фачжань дэ цянъцин вэньти 儒學第三期發展的前景問題 = Reflections on the Dawning of the Third Period in the Development of Confucian Learning. Тайбэй: Ляньцзин чубань шие гунсы, 1989.
2. Конфуций. Беседы и суждения. Изд. 2-е. СПб., 2001.
3. Thomas A. Metzger. Escape from Predicament. N.-Y., 1977.
4. Thomas A. Metzger. An Historical Perspective on Mainland China's Current Ideological Crisis // Proceedings of the Seventh Sino-American Conference on Mainland China. Taipei, 1978. IV:2:1 – IV:2:17.

5. *Thomas A. Metzger. Modern Chinese Utopianism and the Western Concept of the Civil Society // 郭廷以先生九秩誕辰紀念論文集 = Papers Commemorating the Ninetieth Birthday of Prof. Kuo Ting-ye. Taipei: Institute of Modern History, Academia Sinica, 1995. Vol. 2. P. 273 – 312.*

Политика реформы и открытости как фактор формирования новых социальных групп в КНР (1992-2008 гг.)

Домашнева Елена Константиновна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

С 1978 г. начинается новый этап в политической и экономической истории КНР, основной чертой которого является претворение в жизнь «политики реформы и открытости», объявленной Дэн Сяопином. Основной целью этой политики было восстановление страны после таких политических авантур Мао Цзэдуна, как «большой скачок» и «великая пролетарская культурная революция», которые привели страну к кризисному состоянию.

До начала политики реформ китайское общество состояло из двух основных классов – рабочего класса и крестьянства, также из малочисленной прослойки интеллигенции. Однако политика, проводимая китайским руководством в социальной сфере, привела к усложнению стратификации китайского общества; уже сегодня можно выделить новые социальные группы, появление которых явилось следствием проводимых реформ.

Отход от главенства плановой экономики, и пересмотр отношения к частной собственности привели к появлению так называемых «новых китайцев» – людей занятых в частном бизнесе. На XVI съезде КПК в 2002 г. Цзян Цзэминь обозначил эту новую группу как «появившиеся в процессе социальных перемен предприниматели и техперсонал негосударственных научно-технических предприятий, управленческий и технический персонал, работающий по контракту на предприятиях иностранного капитала, индивидуальные хозяева, частные предприниматели, лица, занятые в посреднических организациях, лица свободных профессий и другие слои общества»².

Среди различных направлений «политики реформ и открытости» отдельно можно отметить налаживание связей с зарубежными китайцами, так называемыми *хуацяо*, создание для них благоприятного инвестиционного климата в Китае, привлечение их самих на историче-

² Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // http://russian.china.org.cn/news/txt/2002-11/19/content_2050838.htm

скую Родину. Это уже привело к заметным результатам – в последние десятилетия начался процесс обратной эмиграции из-за рубежа в Китай. Большое социальное значение и значительный масштаб этого процесса можно подтвердить тем, что в современном китайском языке появился термин «хайгуэй» («haigui») – «вернувшиеся из-за моря».

В качестве специфического класса китайского общества можно выделить и представителей китайской зарубежной диаспоры, с которыми, как было сказано выше, во время политики реформы и открытости стали активно налаживаться связи. Несмотря на то, что фактически они не проживают на территории Китая и чаще всего не имеют китайского гражданства, их влияние на экономическую, политическую и социальную жизнь страны не может быть недооценено.

Подводя итог, отметим, что правительство КНР проделало большую и весьма эффективную работу по созданию условий для появления в Китае нового социального слоя, который формируют как бывшие госслужащие и партийные функционеры, так и людей, которые «сделали себя сами» – то есть начали строить свою карьеру «с нуля» и добились значительных успехов в своей сфере, как в Китае, так и за рубежом. Отдельного внимания заслуживают и китайские студенты, обучающиеся за границей, и выпускники вузов, находящиеся в данный момент в поиске работы. Очевидно, что всех этих людей нельзя рассматривать в рамках единой и однородной социальной группы. Однако можно утверждать, что именно формирующиеся на современном этапе новые слои общества во многом определяют будущий курс развития китайского общества, как в социальном, так и в экономическом и политическом плане. Сегодня в Китае активно идет процесс обновления элиты, представители которой выдвигаются в эту социальную группу на новых основаниях, прежде всего, интеллектуальных, а также финансовых. При этом можно с уверенностью утверждать об ее вполне лояльном отношении к политическому устройству Китая. Можно также предположить, что заявленный КПК курс на «построение гармоничного социалистического общества» сосредоточит значительные усилия на поступательном развитии процесса. В заключение отметим, что в поиске путей социального развития Россия могла бы учитывать и по возможности применять на практике удачный опыт своего восточного соседа.

Литература

1. Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.). М., 2004.
2. *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М., 2003.

3. Almond G., Powell G.B. Comparative politics today. A world view. Jr., 1988.
4. Конституция КНР // http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-06/14/content_6310_3.htm
5. Фролов С.С. Общая социология. М., 2008.
6. Ежемесячный журнал «Китай»
7. Китайский информационный Интернет-центр // <http://russian.china.org.cn/>
8. The New York Times // <http://nytimes.com/>
9. Beijing Review // <http://www.bjreview.com.cn/>
10. Информационное агентство Синьхуа // <http://xinhuanet.com/>
11. Газета «Женьминь жибао» он-лайн // <http://people.com.cn/>

Позиция Казахстана в вопросе транзита каспийских энергоресурсов

Коломойцева Анна Юрьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Развитие и диверсификация экспортного потенциала входит в число основных целей внешнеэкономической политики Казахстана. В этой связи большое значение имеет решение правовых, финансовых, организационных и иных вопросов, связанных с транспортировкой нефти и газа из Прикаспийской впадины на мировые рынки, особенно, если учесть, что энергетические ресурсы являются пятым приоритетом РК, записанными в стратегии «Казахстан-2030».

Казахстан как внутриконтинентальная страна вынужден использовать территории других стран для вывода своих углеводородных ресурсов на мировые рынки. Традиционно основным транзитёром казахстанских нефти и газа является Россия. Большая часть нефтегазового экспорта страны идет маршрутами через российскую территорию. Однако в последнее время руководство РК расширяет круг направлений для экспорта углеводородного сырья. Так, в январе 2007 г. Азербайджан и Казахстан подписали меморандум, а в ноябре 2008 г. – Соглашение о создании Казахстанской каспийской системы транспортировки нефти (ККСТ); данная система предполагает создание дополнительной инфраструктуры на территории Казахстана, которая позволит направлять часть нефти и газа морем для перевалки в Основной экспортный трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан. Это вызывало негативный отклик со стороны РФ, апеллирующей экологическими рисками от возможных аварий в уязвимой акватории Каспия.

События газового кризиса в российско-украинских отношениях, отрицательно повлиявшие страны Восточной Европы в январе 2009 г., также вызвали к жизни старый проект газопровода Набукко, который должен поставлять газ Европе. Согласно этому проекту, Казахстан сможет направлять карачаганской газ для перекачки по этому трубопроводу. Однако вопрос создания газопровода Набукко потребует много времени и капиталовложений, это проект – весьма долгосрочная перспектива.

Кроме указанных направлений на Европу у Казахстана имеются договоренности и с Китаем. Китайско-казахстанский нефтепровод как первый транснациональный нефтепровод был сдан в коммерческую эксплуатацию 25 июля 2006 г. Эксплуатация нефтепровода Казахстан-Китай позволяет увеличить экспортный потенциал Казахстана – по предварительным данным, мощность нефтепровода может составить до 50 миллионов тонн нефти в год.

Таким образом, Казахстан активно расширяет векторы энергетической политики, связывая с ней основные стимулы для развития государственной экономики. Стремясь выйти на новые рынки посредством новых маршрутов, руководство страны также сохраняет и традиционные варианты.

Литература

1. *Борисова Е.А.* Казахстан: президент и внешняя политика. М., 2005.
2. *Медведев Р.* Казахстанский прорыв. М., 2007.
3. Новый Казахстан в новом мире. Текст выступления президента РК Н.А. Назарбаева. Астана 28 февраля 2007 г.
4. *Эжиев И.Б.* Геополитика каспийского региона. М., 2007.
5. www.ngv.ru

Самоубийство в японском обществе как социологический феномен (комплексный подход)

Мисюра Андрей Владимирович

Белорусский Государственный университет

Введение

Одной из острейших социальных проблем современной Японии является стабильно высокий уровень суицида. В среднем за год на Японских островах происходит около 32 тыс. самоубийств. По данным ВОЗ, в 2000 г. Япония заняла второе место в мире по количеству самоубийств, уступив только России, с показателем 24,1 на 100 тыс. человек. В 2007 г. «Страна восходящего солнца» опустилась на девятое

место в списке, хотя данный показатель в целом остался практически на прежнем уровне.

Суицидальная ситуация в Японском обществе коренным образом отличается от положения в других странах «первой десятки» списка ВОЗ по многим причинам. Во-первых, Япония имеет национальные особенности суицида, характеризующиеся разнообразием форм самоубийства. Так выделяют коллективное самоубийство при содействии интернет-сайтов (нетто-дзисацу); воспетое в многочисленных классических произведениях самоубийство влюбленных по предварительному сговору (дзёси); семейное самоубийство (икка-синдзю); самоубийство с детьми (ояко-синдзю) и т.д. Также в Японии чрезвычайно высок процент подросткового суицида. Кроме того, японские исследователи обращают внимание на высокий уровень кластерных самоубийств («синдром Вертера»). Все эти особенности требуют комплексного научного объяснения.

Социальный аспект

Французский социолог Э. Дюркгейм в своей работе «Самоубийство» (1897) определил суицид как явление социальное и выделил ряд закономерностей (военные убивают себя чаще, чем гражданские лица; чем больше степень корпоративной сплочённости общества, тем меньше количество самоубийств и т.д.), которые были протестированы нами на основе официальной японской статистики по данным за 2008 г.

Оказалось, что из девяти рассмотренных закономерностей для Японии характерны лишь четыре. Проверив истинность утверждений французского социолога для других стран, мы получили положительный результат и смогли объяснить суицидальную ситуацию ещё в двух случаях (Россия и Швеция). В отличие от Японии, подавляющее большинство закономерностей в европейском регионе сохраняются и суицидальная ситуация поддаётся объяснению с чисто социологических позиций. Следовательно, проблема суицида в Японии носит комплексный социо-культурный характер.

Культурный аспект

Девять из десяти стран-лидеров списка ВОЗ 2007 г. постсоветские, либо бывшие страны Варшавского блока. Высокий уровень суицида там поддаётся объяснению с чисто социологических позиций: сегодняшнее состояние общества в Литве, Беларуси, России и других странах-лидерах подходит под определение «аномия» Э. Дюркгейма (от фр. *anomie* – «отсутствие организации») – состояние общества, характеризующееся потерей либо дезориентацией системы ценностей, обеспечивающих стабильность социальной структуры.

Многие японские социологи и культурологи отмечают культурную аномию, выражающуюся в проникновении в общество западных ценностей и вытеснении ими традиционных, в качестве основного суицидообразующего фактора. Однако анализ статистики опровергает подобное утверждение. Аномию можно рассмотреть на примере России, где наблюдается резкий скачок числа самоубийств в момент её наступления (1990-е гг.) с последующим медленным спадом, что не соответствует ситуации в Японии. Следовательно, состояние японского общества аномией не является.

Дюркгейм, рассматривая европейские страны, отмечал подражание как фактор, не играющий ключевой роли в отношении самоубийств. Однако в Японии особое отношение к смерти в сочетании с коллективистской природой японской культуры приводит к высокому числу коллективных и кластерных (под влиянием подражания) самоубийств. Ключевая установка японского общества – «смерть лучше позора», находит выражение в таких понятиях как «бусидо» (кодекс воинской чести) и «яматодамасий» (проявление «японского духа»). В частности, трактовка высокого числа самоубийств у подростков также имеет подобную природу. Таким образом, ключевая особенность японского социума заключается в обострённом чувстве «стыда». Именно этим объясняется самоубийство по убеждению (канси) и самоубийство из-за чувства ответственности (инсэки-дзисацу).

С другой стороны, самоубийство влюблённых можно объяснить эстетизацией смерти в японской культуре. В традиционной литературе «синдзю» (самоубийство близких друг другу людей по предварительному соглашению) воспевается как образец истинно красивой смерти. Самоубийство вместе с детьми или самоубийство всей семьи объясняется особым понятием о родительском долге (гири): слишком жестоко оставлять своего ребёнка в этом мире, если сам уходишь из него. Хотя жёсткость японского социального каркаса, «эскалаторная» карьерная система и «экзаменационный ад» японских школьников и являются реальными социальными предпосылками суицидального поведения, без воздействия культурного фактора они не привели бы к столь странной, с европейской точки зрения, ситуации.

Психофизиологический фактор

Можно выделить ещё одну, более позднюю по сравнению с социологической концепцию, которая могла бы объяснить суицидальное поведение. Речь идет о так называемой серотониновой гипотезе, сущность которой состоит в том, что при нехватке в организме данного нейромедиатора человек начинает испытывать депрессию и апатию, приводящие к самоубийству. Однако именно японский образ питания медики называют «серотониновой диетой»: основа национального ра-

циона – рис и морепродукты, способствуют выработке данного гормона в значительных дозах. Следовательно, следует говорить скорее о переизбытке содержания серотонина в крови японцев.

Тем не менее, открытие новых свойств этого «гормона радости» может объяснить связь серотонина с высоким уровнем самоубийств в Японии. Согласно данным совместных исследований английских и американских учёных, серотонин также отвечает за чувство справедливости и следование социальным нормам. Данный факт связывает серотониновую теорию с теорией феноптоза (запрограммированной гибели индивида) академика Скулачёва: стабильно высокий уровень самоубийств в Японии объясняется тем, что популяция избавляется от неполноценного с точки зрения её социальных норм генетического материала. При этом главным регулятором подобного поведения является серотонин, а культурные традиции лишь усиливают подобную тенденцию.

Таким образом, вполне оправдано предположение о повышенной склонности японцев к феноптозу, что могло бы комплексно объяснить сложившуюся суицидальную ситуацию в Японии.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1992.
2. Foreign Press Center Japan, Facts and Figures of Japan 2008, Tokyo, 2008.
3. <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/countries.htm>
4. <http://web.archive.org/web/20050404201922/www.mysuicide.ru/litera/>
5. Скулачев В.П. Феноптоз, или Запрограммированная смерть организма. // «Химия и жизнь» №3, 2005.
6. Спеваковский А.Б. Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.

Внутренняя регионализация Китая в условиях построения «гармоничного социалистического общества» как фактор устойчивого развития

Озорнина Анна Сергеевна

Читинский государственный университет

Процесс глобализации, происходящий в мире, представляющий собой современный этап развития человечества, характеризующийся усложняющимися процессами становления нового мирового порядка; ростом взаимодействия и взаимозависимости стран в области экономики, культуры, информации, технологий; увеличением разрыва в развитии между отдельными регионами; гомогенизацией и универсализацией

мира создает определенные вызовы и угрозы долговременному устойчивому развитию Китая.

Глобализационные процессы требуют от Китая преобразований в различных сферах экономической, политической, социальной, культурной жизни. В то же время любое реформирование сопровождается повышенными рисками. Социально-политические и экономические преобразования неизбежно дестабилизируют ситуацию, приводя или к стабилизации системы на новом, более высоком уровне, или к ее распаду и деградации. Таким образом, сегодня в КНР появляются главные факторы нестабильности, среди которых необходимо отметить безработицу, коррупцию, разрыв между богатыми и бедными, а также между регионами, городом и деревней, чрезмерное финансовое бремя жителей деревни и т.д.

Ответом на старые и новые социальные противоречия, возникающие вследствие участия Китая в процессах глобализации, стало движение преимущественно новой концепции дальнейшего развития китайского государства - концепции «гармоничного социалистического общества», которая призвана найти оптимальный баланс между демократизацией общественного управления и поддержанием общественно-политической стабильности и законности при сохранении власти КПК. Основными целями проведения данного курса, в кратком их содержании, являются: построение правового государства, разрешение социальных противоречий с целью достижения «равенства и справедливости», гармонизация отношений в обществе, развитие творческих инноваций, «гармония человека и природы».

Концепция построения «гармоничного социалистического общества» является продолжением идеи сбалансированного развития, которая была сформулирована в 2003 г. с введением в официальный оборот курса «единого планирования» пяти сфер, в последующем трансформированного в «научную концепцию» развития страны. Одним из направлений данного курса является политика сбалансированного и гармоничного развития регионов страны. По нашему мнению, данная политика является предпосылкой развития внутренней регионализации Китая, которая в настоящее время находится на первоначальном этапе ее развития.

С точки зрения системной теории самоорганизации регионализация Китая – естественноисторический процесс и осуществляется в двух формах: внутренняя регионализация и внешняя регионализация. Внешняя форма предполагает формирования трансграничных геополитических и геоэкономических подсистем – регионов и блоков стран или ассоциаций в единый «китайский регион». Внутренняя регионализация Китая представляет собой выделение внутри государства само-

достаточных социально-экономических и политических субъектов, обладающих собственными конкретными ресурсами и социально-экономическими, культурно-цивилизационными преимуществами, необходимыми для противостояния разрушительным тенденциям глобализации и обеспечения устойчивого развития «китайского региона» в целом.

На наш взгляд, следует выделить шесть «внутренних регионов» Китая, которые являются объектами процесса внутренней регионализации, происходящего в условиях построения «гармоничного социалистического общества»: Северо-Восточный, Северный, Восточный, Центральный, Южный и Северо-Западный регионы. Данное разделение основано на том факте, что Китай отличается географической гетерогенностью, неравномерностью распределения природных ресурсов, промышленных и модернизационных потенциалов. Таким образом, вышеперечисленные регионы относятся к промышленным, аграрным, ресурсообеспеченным или приграничным, и каждый из них обладает собственными особенностями, которые необходимо учитывать при проведении политики сбалансированного развития.

Как известно, в годы реформ концентрация грандиозных финансовых и материальных средств на ограниченной территории, прежде всего в Восточном и Южном Китае привело к ограниченному развитию остальных регионов страны, Центральных и Северо-Западных. В результате сложилась их глубокая социально-экономическая дифференциация. В последние годы темпы увеличения различий в уровне развития регионов несколько сократились, но в абсолютном выражении эти различия продолжают возрастать. Таким образом, сегодня мы не можем отнести данные регионы к самодостаточным в своем развитии, т.к. они все еще зависимы друг от друга во многих аспектах. Соответственно, дестабилизация ситуации в одном регионе может привести к дестабилизации в другом, что может отрицательно сказаться на дальнейшем продвижении Китая к числу мировых лидеров.

Реализация концепции «гармоничного общества» предполагает преобразование существующей дуалистической экономической структуры и фактической раздробленности в централизованную систему единого государственного планирования развития регионов страны и согласования социально-экономических программ. Поэтому, именно проведение политики сбалансированного регионального развития в рамках курса построения «гармоничного социалистического общества» должно способствовать в дальнейшем позиционированию внутренних регионов страны как самодостаточных в своем развитии субъектов уже сформировавшегося «китайского региона», вследствие чего, внутреннего регионализация Китая сможет выйти на более высокий уровень

в обеспечении устойчивого развития государства в условиях глобализации.

Литература

1. *Абрамов В.А., Феоктистов В.М., Чащин В.В.* Глобализация и регионализация в контексте проблем национальной безопасности // Вестник МАНЭБ. Том 11, №5, 2006.
2. *Кучинская Т.Н.* Процессы политических изменений глобализирующегося «китайского региона»: дис. ... канд. полит. наук. ЧитГУ, 2007.
3. *Михеев В.В.* Китайская головоломка. // Pro et contra. Ноябрь-декабрь 2005.
4. *Подолько Е.* 17-й съезд КПК: укрепление власти и кадровые перестановки. // Политический журнал. 29 октября 2007.
5. *Портяков В.* Китай уточняет курс. (К итогам 17-го съезда КПК) [Текст] // Азия и Африка сегодня, №3, 2008.
6. Гоуцзянь шэхуэйчжуи хэсе шэхуэй вэньда (Изучение построения гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин, 2005.
7. *У Цзюньцзэ, Чжан Хун.* Чжунго гоуцзянь хэсе шэхуэй вэньти баогао (21 шици Чжунго фачжань вэньти баогао цуньшу) (Доклад о проблемах построения гармоничного общества в Китае) (Серия докладов о проблемах развития Китая в 21 веке). Пекин, 2005.
9. <http://ells.pstu.ru/shevcova.htm>. *Шевцова И.К.* Региональные элиты России и Европейского Союза: различия в трактовке процессов регионализации.

Методология междисциплинарного исследования современной турецкой истории

Олюнин Сергей Валерьевич

Белорусский государственный университет

Почему мы сегодня обращаемся к вопросу применения междисциплинарных подходов в востоковедении? Односложного ответа на этот вопрос нет, но есть ряд взаимосвязанных позиций, которые в силу своей значимости и важности могут задавать проблемное методологическое поле. Неотъемлемой частью современного исследования является взаимопроникновение дисциплин, расширение проблемного поля, заимствование методов из других областей гуманитарного знания. Кроме того, изменилось отношение исследователя к объекту исследования – теперь это комплексный подход, включающий максимально возможный набор методологического инструментария. Проблематика иссле-

дований открывает выходы на дальнейшую работу ученых не только на «своем поле» или в смежных областях, но и в совершенно новых, ранее не изученных.

Опыт такого взаимодействия в рамках междисциплинарных подходов может быть показан на примере концепта идентичности. В применении к конкретному объекту исследования – современной Турции – речь будет идти о коллективной (национальной) идентичности. Важность комплексного изучения Турции заключается в том, что национальная турецкая идентичность переживает серьезные испытания. Появление национального Турецкого государства во многом стало результатом модернизационных процессов, проходивших в XIX и начале XX вв. в Османской империи. Созданное и поддерживаемое малочисленной политической элитой Турецкое государство стало примером относительно успешного конструирования коллективной идентичности в контексте взаимодействия традиционных мусульманских и европейских социальных институтов.

Построение и развитие национальной идентичности в Турции на протяжении всей истории имело конкурента в лице исламистских движений, влиявших на процессы идентификации жителей Турции. Две силы – национальная политическая и военная элиты, опиравшиеся на концепцию кемализма с одной стороны, и различного рода часто не институализированные исламские объединения с другой, оспаривали право на функцию универсальной репрезентации национальной идеи.

При изучении современной национальной идентичности Турции, нельзя обойти вниманием турецкие общины в странах Западной и Восточной Европы. Новые турецкие общины сталкиваются с необходимостью социальной адаптации. Условия адаптации в Восточной Европе (Польша, Украина, Беларусь, Россия) отличаются от условий в странах Западной Европы (Германия, Франция, Италия). Соответственно, этими общинами применяется и иная стратегия социальной адаптации. В данном случае идентичность общин трансформируется не только под влиянием внутренних механизмов, но и инокультурной среды. Постановка проблемы соотношения идентичностей иммигрантов и коренных жителей, которые сами испытывают трудности со становлением национальных идентичностей, является актуальной и своевременной.

Важной составляющей формирования турок как политической нации стала лингвистическая общность. Создание нации сопровождалось постоянной реформой и преобразованием современного литературного турецкого языка, через который формировалось национальное сознание. Отношение к истории, к местам памяти, как важным элементам коллективной идентичности, проявилось в отказе от наследия Османской империи. Наиболее популярными сюжетами, разрабатываемые в

Турецкой Республике, стали сюжеты представляющие Турцию наследницей древних цивилизаций Анатолии.

При изучении современной истории Турции через концепт идентичности значительно расширяется и круг источников. Наряду с традиционным подходом к изучению источников, в котором главный упор делается на письменный нарратив: документы, материалы, мемуары, пресса, публицистика и т.д., в данном случае в качестве источника привлекается комплекс, который можно назвать гипертекстом. Под гипертекстом понимается продукт коллективной и индивидуальной деятельности людей, в который входят художественная литература, фильмы, музыка, организация быта, религиозные практики, устный нарратив (в широком смысле).

Таким образом, применение междисциплинарных подходов в изучении современной истории Турции позволяет значительно расширить круг проблематики, что в свою очередь увеличивает возможности исследования для решения большего числа задач. Привлечение в историческое исследование методов из других социально-гуманитарных дисциплин, соответственно, расширяет и круг привлекаемых источников, что придает исследованию комплексный и многогранный характер.

Кастеизм на местном уровне как одна из проблем современной Индии (на примере штата Тамилнад)

Родивилова Дарья Александровна

Липецкий государственный педагогический университет

Тамилнад («Земля тамиллов») – так был назван в 1970 г. штат Мадрас, образованный в 1956 г. на основе существовавшего в колониальный период обширного Мадраасского президентства, от которого к соседним штатам – Андхра Прадешу, Карнатаке, Керале – отошли территории, заселенные преимущественно телугу, каннада, малаяли. Население Тамилнада на 2001 г. составляло 62,4 млн. человек [1, 43]. Это экономически самый мощный южный штат, один из крупнейших и наиболее развитых в масштабах всей страны.

Специфика кастового состава и особенности исторического развития предопределили большую роль касты в политической жизни Тамилнада. В штате доля зарегистрированных каст (бывшие «неприкасаемые», или далиты) и «прочих отсталых классов» (средние касты, которые являются отсталыми в экономическом и образовательном плане) в населении выше, чем в среднем по Индии, доля же брахманов существенно ниже.

После того как в 1994 г. был утвержден пересмотренный закон о панчаятах (органах сельского самоуправления) Тамилнада и в 1996 г. уже прошли в соответствии с ним первые выборы в местные органы власти, кастовые индусы начали борьбу с резервированием для далитов в панчаятах. Когда стало понятно, что отменить это не удастся, кастовые индусы начали создавать далитам всяческие препятствия. Чем больше утверждаются в своих правах далиты, тем сильнее сопротивление со стороны кастовых индусов. А. Бетейл писал, что «конфликты между кастовыми индусами и далитами в деревенских панчаятах – это реакция на многочисленные уступки правительства далитам» [2, 113].

Есть разные способы не допустить далитов до управления. Так, «Фронтлайн» сообщал, что примечательной чертой выборов 2001 г. стал своеобразный «аукцион» должностей глав сельских панчаятов, как указывалось, для «избежания конфликтов» [4]. Должность получал тот, кто предлагал наибольшую сумму. В других деревнях просто объявляли фиксированную цену данной должности, и ее получал тот, кто выплачивал деньги. Далитам в таких случаях стать главой панчаята было просто «не по карману». В некоторых деревнях, где пост главы панчаята был зарезервирован для далитов, кастовые индусы давали необходимую сумму какому-либо далиту, который выставлял свою кандидатуру на выборах [4]. Соответственно, остальные далиты уже не могли с ним конкурировать, и проигрывали на этом «аукционе». Безусловно, этот глава панчаята руководил лишь фиктивно, по сути, был «марионеткой» в руках кастовых индусов, которые и принимали все решения. Обозреватель «Фронтлайн» С. Висванатхан писал, что этому далиту вручили «корону с шипами» [4]. В деревне Ситхампатти (дистрикт Мадурай) далиты подверглись нападению из-за того, что женщина-далит намеревалась выдвинуть свою кандидатуру, несмотря на запрет кастовых индусов, которые уже продали пост главы панчаята своему выдвиженцу за 4000 рупий [5].

Если же в деревне решили не прибегать к финансовому решению вопроса, но в то же время пост главы панчаята зарезервирован за далитами, и кастовые индусы не желают подчиняться бывшему «неприкасаемому», они могли выбрать среди далитов наиболее лояльного к ним кандидата и поддержать его кандидатуру. «Фронтлайн» сообщил, что «в одной из деревень в дистрикте Канчипурам сельскохозяйственный рабочий-далит стал главой панчаята, его работодатель – землевладелец, кастовый индус, – заместителем» [4].

Но это «мирные» методы борьбы. Гораздо чаще «чистые» индусы прибегают к насилию. В деревне Маруккалампатти (дистрикт Дхармапури) далит отказался снять свою кандидатуру на выборах в местный

панчаят, и в день голосования кастовые индусы перехватывали далитов по пути к избирательным участкам и не давали им проголосовать, затем они ворвались в колонию далитов и атаковали ее жителей [5]. Буквально через месяц после того, как бедный сельскохозяйственный рабочий П. Джаггайян, принадлежащий к кастовой общности арунхатъяров, был избран президентом панчаята в деревне Наккаламутханпатти (дистрикт Тирунелвели), его избили до смерти за то, что он отказался выполнить требование вице-президента, кастового индуса, быть президентом только на бумаге, т.е. формально [4].

Итак, несмотря на распространение системы резервирования, представители доминирующих каст в деревнях делают все возможное, чтобы не допустить «бывших неприкасаемых» до управления. Для наиболее консервативно настроенных представителей доминирующих каст невозможна сама мысль о том, что далит будет возглавлять органы местного самоуправления. «Прочие отсталые классы» более последовательны и жестоки в сохранении приниженного положения зарегистрированных каст и племен, нежели представители высших каст. Это связано не только с тем, что доля высших каст в населении Тамилнада ничтожно мала и их место в деревнях давно заняли доминирующие средние касты. Как известно, наиболее болезненно реагирует на возможную угрозу своему статусу тот, кто обрел его не так давно и ощущает его неполноценность. «Прочие отсталые классы», с одной стороны укрепили свои позиции в результате антибрахманского движения и распространения резервирования, но, с другой стороны, их ритуальный ранг остался прежним. Такой внутренний конфликт – улучшение материального положения, политическая власть и в то же время одно из последних мест в кастовой иерархии – приводит к стремлению любой ценой продемонстрировать свое превосходство. В данном случае далиты – очень удобная мишень, так как только они занимают самые низшие позиции на шкале «чистоты – осквернения». Проблема заключается в том, что ни те, ни другие не могут во всеуслышание оспорить свой ритуальный статус. И те, и другие вынуждены сознательно культивировать свое угнетенное положение, так как это залог получения различных благ – должности на государственной службе и места в вузе – по системе резервирования. При этом получается замкнутый круг – чем лучше социально-экономические условия жизни далитов, тем настойчивее они стремятся получить политическую власть. Соответственно, более ожесточенными становятся конфликты на кастовой почве. Представители «прочих отсталых классов» боятся потерять последнее доказательство своего упрочившегося статуса – запуганных «бывших неприкасаемых».

Литература

1. Индия сегодня. М., 2005.
2. Beteille, A. The Future of the Backward Classes: the Competing Demands of Status and Power. // India and Ceylon: Unity and Diversity. A Symposium. Oxford University Press., 1967.
3. Viswanathan, S. Presidents' Plight. // Frontline. – 2007. – № 9. <http://www.frontline.in/>
4. Viswanathan, S. Some Disturbing Trends. // Frontline. – 2001. – № 21. <http://www.frontline.in/>
5. Viswanathan, S. Vote and Violence. // Frontline. – 2001. – № 21. <http://www.frontline.in/>

Некоторые аспекты демократизации послевоенной Японии

Садиков Роман Викторович

Воронежский государственный педагогический университет

Страны Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Океании занимали особое место в военно-блоковых планах США после завершения Второй мировой войны. Правящие круги США были заинтересованы в беспрепятственном использовании природных богатств азиатских стран бассейна Тихого океана. Монополии США получали чрезвычайно высокую норму прибыли, создавшуюся неограниченной эксплуатацией местной рабочей силы³. Япония рассматривалась в этом списке, как первое государство, ресурсы которого послужат на благо американской нации. Именно поэтому США добивались, чтобы оккупационный режим в Японии проводился под их командованием.

Три «Д» – демилитаризация японского общества, демократизация политического процесса, децентрализация власти и богатства – знаменовали собой первую фазу оккупации, продолжавшуюся с 1945 по 1947 г.⁴

Администрация Макартура вела активную борьбу против «феодалных пережитков» и имперской власти, которые объявляла причинами слепой агрессии Японии.

Так было прервано традиционное летоисчисление по годам императора (*ненко*). Другие государственные символы: флаг *хи но мару* и императорский гимн *кими га ё* – также после войны были отвергнуты как символы агрессии и милитаризма. Однако буквально с первых мирных

³ Крутских А.В. Американский экспансионизм. М., 1986, с. 479.

⁴ Мак-Клейн Д.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М., 2006, с. 735.

лет развернулась сначала достаточно ограниченная, но постепенно набравшая силу кампания за их восстановление⁵.

В самом начале оккупационного периода секретарь Макартура и бывший руководитель отдела психологических операций Пентагона бригадный генерал Боннэр Ф. Феллерс и сам Макартур разработали собственный подход к проведению реформ общественной и политической жизни Японии. Оба сошлись на том, что ответственность за войну лежит целиком на военных кругах страны, а Хирохито и близкие к престолу «умеренные» оказались просто обманутыми. Император продолжал пользоваться доверием своих подданных, и оккупационные власти должны были использовать это доверие в своих интересах.

Ставя перед собой задачу, обеспечить полный контроль над настроениями и поведением населения, командование оккупационных сил решило сохранить статус Хирохито как духовного лидера японской нации, но при этом снять с императора всякую ответственность за войну, не покушаться на его авторитет и извлекать максимальную пользу из существующей структуры власти. А поскольку генерал Макартур был обязан претворять в жизнь положение Потсдамской декларации, в том числе и те, что требовали наказания за военные преступления, мировому сообществу следовало узнать о невиновности Хирохито еще до того, как союзники утверждают механизм судебного разбирательства дел военных преступников⁶.

С целью ослабления культа императорской власти 1 января 1946 г. состоялось его публичное отречение Хирохито от мифа о божественном происхождении правящей императорской династии⁷.

В этот день все японские газеты поместили на своих страницах полный текст первого в истории страны новогоднего обращения императора к нации. Фактически рескрипт готовился в недрах штаб-квартиры оккупационных сил. В написанном туманным классическим языком документе, известном как «декларация человечности», приводилась выдержанная в эгалитаристском духе императора Мэйдзи клятва⁸.

Центральным моментом глубоких общественных преобразований стало принятие новой конституции, которая была введена в действие в 1947 году. Отведя императору роль «символа государства и единства народа», конституция провозгласила народовластие. Вместо прежней политической системы, в которой исполнительная власть, по сути,

⁵ Маркарьян С.Б. Япония-2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000, с. 36-37.

⁶ Бикс Г. Хирохито. М., 2002, с. 469-470.

⁷ История Японии (1945-1975). М., 1978, с. 16-17.

⁸ Бикс Г. Хирохито. М., 2002, с. 480.

подчиняла себе законодательную и судебную, вводилось реальное разделение этих трех ветвей власти, необходимое по мнению американцев для эффективного функционирования современного демократического государства. Конституция определила принципы формирования каждой из ветвей власти и взаимоотношений между ними⁹.

Знаменитый «мирный параграф» новой Конституции звучал так:

«Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ навсегда отвергает войну, как суверенное право нации, а также угрозу силой или ее использование как средство разрешения международных споров.

Для достижения цели, содержащейся в предыдущей части, сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другой военный потенциал, никогда не будет создаваться. За государством не признается право на статус воюющей стороны»¹⁰.

Реакцией на эту статью был острейший испуг у японского конституционного комитета, который предварительно сформировали для разработки новой Конституции Японии.

Неизвестно, кто первый выдвинул идею мирного параграфа – говорит в своей работе Мак-Клейн. Концепция, вероятно, исходила от самого Макатура. Но, независимо от происхождения идеи, ее присутствие в новом проекте напугало членов конституционного комитета, поскольку ни одно другое государство прежде никогда на уровне основного закона не отказывалась от войны как «суверенного права» нации¹¹.

Вместе с тем Макатур торопился перехватить инициативу у распространителей коммунистических и социалистических идей, он опасался: не навяжи он Библию, не заполни учебники новыми формулами, вакуум заполнят коммунисты. Д. Макатур широко открыл двери «американским идеалам». Десять миллионов экземпляров Библии по его просьбе было завезено в Японию, что, по мнению главнокомандующего, означало совершение «величайшей духовной революции, какую только знал мир»¹².

Вместе со Священным писанием на острова хлынула голливудская продукция, американские радиоволны затопили японский эфир, реклама, восхваление всего американского приобрели невиданный размах.

⁹ Сенаторов А.И. Япония в современном мире. Факторы стабильного развития и безопасности. М., 2000, с. 193.

¹⁰ Дубровин В.Н. Конституции зарубежных стран. М., 2001, с. 431.

¹¹ Мак-Клейн Д.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М., 2006, с. 744.

¹² Цит. по: Кузнецов Л.М. Стопроцентный американец: Исторический портрет генерала Макатура. М., 1990, с. 253.

Япония превратилась в своего рода лабораторию духовного вторжения в Азию и страны Тихоокеанского бассейна¹³.

Большое внимание уделялось просвещению, которое наряду со средствами массовой информации являлось наиболее сильным орудием идеологического воздействия на массы, их воспитания в так называемом духе буржуазной демократии. Основная политика оккупационных властей в отношении народного образования была изложена в меморандуме штаба Макартура японскому правительству от 22 октября 1945 г. В нем предусматривалось запрещение культивирования милитаристской и ультраправой идеологии, преподавания военных дисциплин и военного обучения в школах. Указывалось, что воспитание детей должно идти в духе идей представительного правления, мира между народами, достоинства личности и таких основных человеческих прав как свобода собраний, слова, религии. В меморандуме подчеркивалось необходимость проведения проверки персонала всех учебных заведений и отстранения от работы военнослужащих, а также лиц, являвшихся активными приверженцами милитаризма и ультра национализма, выступающих против оккупационной политики американских властей¹⁴.

Литература:

1. Бикс Г. Хирохито. М., 2002.
2. Дубровин В.Н. Конституции зарубежных стран. М., 2001.
3. История Японии (1945-1975). М., 1978.
4. Крутских А.В. Американский экспансионизм. М., 1986.
5. Кузнецов Л.М. Стопроцентный американец: Исторический портрет генерала Макартура. М., 1990.
6. Мак-Клейн Д.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век. М., 2006.
7. Маркарян С.Б. Япония-2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
8. Сенаторов А.И. Япония в современном мире. Факторы стабильного развития и безопасности. М., 2000.

Афганские беженцы в высокоразвитых странах (2001-2007 гг.)

Стурейко Степан Андреевич

Белорусский государственный университет

Беженцы из Афганистана, которые оказались в Европе или Америке, ввиду общего высокого уровня жизни в принявших их странах не

¹³ Там же.

¹⁴ История Японии (1945-1975). М., 1978, с. 17-18.

знакомы с проблемами соотечественников в Иране или Пакистане. Они не голодают, не испытывают тяготы жизни в палаточном лагере. Их быт, как правило, можно считать более-менее устроенным, даже в случае нелегального пребывания в стране. Основные их проблемы – получение легального статуса и угроза принудительной репатриации. Однако эта угроза реализуется редко, поэтому беженцы или их дети вполне успевают закрепиться в новых для них условиях.

До 2001 г. количество прошений на признание беженцем от афганцев увеличивалось в среднем в полтора раза за год. К концу 2001 г. выходцы из Афганистана успели подать прошения о получении официального статуса беженца в 77 странах по всему миру, включая такие государства, как Бразилия, Куба, Исландия и Сингапур. Всего до 2007 г. было подано 239 400 прошений.

С 1994 г., т.е. со времени появления движения Талибан, официально почти 240 тыс. афганцев нашли убежище в высокоразвитых странах вне азиатского региона. В частности, в Германию с 1994 г. приехало около 50 тыс. человек. Следующая по величине группа беженцев-афганцев обосновалась в Нидерландах – примерно 36 тыс. человек за тот же период. За Нидерландами следует Великобритания – 34 тыс. афганцев. В конце 1990-х гг. афганские беженцы составляли самую многочисленную группу беженцев во многих странах.

Европейские страны приняли у себя гораздо меньшее количество беженцев из Афганистана, нежели Иран или Пакистан, однако проявили к ним не меньшее неприятие. Многие европейские правительства изобретали все новые средства сдерживания потока беженцев, вводили новые барьеры на границах и принимали все более жесткие правила определения степени преследования, часто рекомендуя просящим убежища переехать в «безопасные третьи страны». Например, в Германии в течение долгого времени прошения не принимались вообще на том основании, что в Афганистане не существует настоящего правительства, следовательно, от несуществующего не исходит угроза.

Существует несколько базовых объяснений выбора беженцами той либо другой страны в качестве убежища. Среди них: у беженца есть родственник или друзья в определенной стране; беженец знает язык страны; в стране может быть большая афганская диаспора с развитым бизнесом, следовательно беженцу будет проще найти работу; расходы на дорогу; случайные происшествия; действия агентов по отправке беженцев.

Афганцы, попадающие в Европу или Серную Америку, как правило, имеют хорошее образование. Их можно охарактеризовать как представителей городского среднего класса. У них есть профессия, которую они надеются применить на новом месте жительства. В этом заключа-

ется основное отличие стран Европы и Америки от стран, соседствующих с Афганистаном, куда устремляются беженцы, занимавшиеся на родине сельским хозяйством.

Понятно, что быт афганцев, приехавших в Европу, существенно изменяется, а распорядок дня и привычки стремятся подчиниться общеевропейским. При этом, как бы там ни было, беженцы, даже учившие европейский язык и нашедшие работу, остаются для коренных граждан людьми не совсем «полноценными». Отсюда и всплески недовольства и ксенофобии среди малообразованной части европейского общества. Отсюда же и моральное напряжение и дискомфорт у самих беженцев.

Среди беженцев, осевших в европейских странах, исследователи выделяют следующие категории: 1) пуштуны, которые подвергаются насилию и преследованию в северных провинциях из-за того, что являются сторонниками движения Талибан; 2) бывшие члены НДПА и агенты секретной службы; 3) бывшие члены движения Талибан, многие из которых были набраны насильно; 4) религиозные группы – меньшинства; 5) группы, опасющиеся стать насильно завербованными в действующие в стране вооруженные формирования; 6) гомосексуалисты; 7) журналисты, которые получают анонимные угрозы; 8) женщины и девочки, которые подвергаются гендерной дискриминации; 9) другие.

Очень немногие беженцы соглашаются после относительного благополучия в Европе возвращаться домой в полуразрушенную страну. Согласно стандартам, разработанным УВКБ ООН, возвращающимся должна быть предоставлена необходимая информация для принятия обоснованного решения. Она должна включать доступ к сведениям от друзей и родственников из Афганистана, которым возвращающиеся доверяют больше всего. Не всегда репатриация беженцев из высоко-развитых стран является добровольной.

Многие государства, в том числе Великобритания, Австралия и Дания, утвердили «программы стимуляции», чтобы склонить находящихся у себя беженцев к «добровольной репатриации». Такие стимулы включают выплату денежных пособий, а также предоставление бесплатного проезда в Афганистан. Однако только единицы пользуются этими программами. Стимулирующие средства, которые сами доходят до уровня мер насилия или принуждения, представляют собой нарушение принципа невысылки. Кроме того, методы стимуляции часто представляют собой наказание беженцев, не использующих возможность уехать добровольно.

Таким образом, добровольную репатриацию не следует рассматривать как единственное решение проблемы. Все долгосрочные решения,

в том числе местная интеграция и переселение, должны оставаться доступными для беженцев из Афганистана независимо от их местонахождения. Государства должны исходить из необходимости обеспечения индивидуальной защиты беженцев на своей территории и рассматривать наиболее подходящие долгосрочные решения этой проблемы для каждого беженца индивидуально, в том числе для женщин и детей.

Кроме того, все ищущие убежища лица должны иметь возможность свободно решать, хотят ли они настаивать на удовлетворении своих ходатайств о предоставлении убежища. Для достижения этой цели им должен быть предоставлен доступ к использованию справедливой регламентированной процедуры предоставления убежища на индивидуальной основе в стране приема, в том числе к независимой процедуре обжалования принятых решений.

Литература:

1. *Constenius L.* Afghan migration // L. Constenius. – ECRE, 2001. www.unhcr.ch.
2. *Morrison J., Crosland B.* The trafficking and smuggling of refugees: the end game in European asylum policy? // New issues in refugee research. – UNCHR, 2001. – Working Paper No. 39.
3. Refugees from Afghanistan: the world's largest single refugee group (ASA 11/016/1999). – Amnesty International, 1999. www.web.amnesty.org.
4. Методические рекомендации в отношении обращения с афганскими лицами, ищущими убежище, и беженцами в Европе (PP3/05/2004/Ext/AP). – Европейский совет по беженцам и убежищу, май, 2004. www.unhcr.ru.

Образы президентов России в современной китайской публицистической литературе

Тен Наталья Викторовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Распад Советского Союза и образование Российской Федерации вызвали в Китае весьма значительный интерес не только к разительным переменам, происходившим в нашей стране, но и к фигуре главы государства – президента России. Настоящая работа представляет собой попытку реконструкции и анализа образов российских президентов в современном Китае. Источниковую базу данного исследования составили публицистические издания, вышедшие в Китае за последние десять с небольшим лет. Особое внимание было уделено книгам «Же-

лезная рука Путина» («Тевань Пуцзин») и «Президент России – Медведев» («Элосы цзунтун – Мэйдэвэйцзефу»), вышедшим в марте 2000 года и марте 2008 года соответственно, поскольку они содержали представления о новых лидерах России еще до их официального вступления в должность.

Изучение этих материалов показало, что личность Б.Н.Ельцина неотделима от представлений о хаосе и разрухе «ельцинской эпохи». Важным достижением первого президента РФ считается лишь верный выбор «выдающегося преемника». Китайские публицисты акцентируют внимание на факте подписания Б.Н.Ельциным и Цзян Цзэминем в 1996 году декларации, в которой было провозглашено решение развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. [Лэ Юйчэн, 2008, с. 88]. Других позитивных моментов в деятельности и в образе Б.Н. Ельцина китайские исследователи не отмечают.

Гораздо больше в рассмотренных работах уделено внимания личности В.В. Путина. Важнейшей причиной формирования положительного образа этого политического деятеля является его позиция в вопросе развития российско-китайских отношений. Подчеркивается, что «популярность В.В. Путина в Китае связана с тем, что, во-первых, он следует в русле политики Б.Н. Ельцина, т.е. придает большое значение отношениям с КНР, и, во-вторых, стремится сделать страну сильной, что укрепит совместный китайско-российский антиамериканский фронт» [Тун Цзяньчжоу, 2000, с. 254]. Китайские авторы отмечают дипломатический талант В.В.Путина, указывая, что он «в первую очередь обменялся рукопожатиями с Китаем» [Тун Цзяньчжоу, 2000, с. 314]. Тун Цзяньчжоу и Ван Юн обращают внимание на то, что В.В.Путин считает Китай достойным партнером и поэтому он «готов идти вместе с Китаем и укреплять отношения» с КНР [Тун Цзяньчжоу, 2000, с. 314].

Описание политики В.В. Путина по борьбе с чеченским сепаратизмом призвано создать у читателя представление о нем как решительном стороннике сильной центральной власти. Пань Дэли в работе 2005 года ставит в заслугу В.В. Путину восстановление законности и правопорядка, а также возрождение и рост российской экономики [Пань Дэли, 2005, с. 73]. В целом, президентство Путина характеризуется как весьма успешное: «восемь лет правления Путина – это время, за которое был осуществлен переход от хаоса к порядку; это период политической стабильности и экономического роста [Лэ Юйчэн, 2008, с. 89].

В первой в китайской публицистике книге о Д.А.Медведеве он заранее представлен «вторым Путиным» [Чжэн Цзяцзе, 2008, с. 2]. Кроме того, китайские авторы подчеркивают возникший еще в юности глубо-

кий интерес нынешнего президента РФ к китайской культуре. Чжэн Цзяцзе, как и другие китайские публицисты, разделяет мнение, что все петербуржцы, вслед за основателем города Петром Великим, неравнодушны к Китаю; в обязательную программу петербургских университетов входят учения Конфуция, Лаоцзы, Мэнцзы; кроме того, на протяжении десятилетий Санкт-Петербург является основным центром китайской иммиграции в России, здесь сильны традиции китайской культуры, и это не могло не повлиять на Медведева [Чжэн Цзяцзе, 2008, с. 187]. Конечно, российскому читателю ясно, что китайские авторы сильно преувеличивают степень знакомства жителей Санкт-Петербурга с культурой Китая.

Создавая образы президентов России, современная китайская публицистическая литература акцентирует те черты и качества лидеров РФ, которые импонируют традиционным китайским представлениям о сильном правителе: жесткость в отношении сепаратистов, стремление идти своим путем, под которым понимается отказ от слепого подражания Западу. В целом, с начала 1990-х годов укрепившийся Китай перестает воспринимать Россию как соперника, в отличие, скажем, от США и Японии. Поэтому главным критерием оценки становится готовность российских президентов идти навстречу КНР. При этом желание китайских публицистов абсолютизировать такие черты приводит иногда к недостоверности. Из-за поспешности издания или некомпетентности авторов в этих работах встречаются фактические ошибки, например, в книге «Президент России – Медведев» вместо фотографий Д.А. Медведева в молодости помещены изображения других людей.

Примечательно, что образы российских президентов в современной китайской публицистике практически лишены типичных, на взгляд китайцев, черт русского человека. Только первого президента РФ Б.Н.Ельцина характеризуют как «настоящего русского мужчину», «решительного в мыслях и действиях» [Лэ Юйчэн, 2007, с. 86]. В образах В.В. Путина и Д.А. Медведева на первый план выводятся такие признаки, которые свидетельствуют об их признании общности интересов России и Китая в современном мире. Описание президентов РФ сочетает в себе элементы образа, предполагающего наличие обобщенных черт и стереотипных представлений, и политического портрета, основанного на реальной политической деятельности. Таким образом, в китайской публицистической литературе формируется отвечающий интересам Китая положительный образ новых российских руководителей.

Литература

1. *Лэ Юйчэн*. Блоги о России (Бокэ Элосы). Нанкин, 2007.

2. *Пань Дэли*. Страны мира. Россия (Легочжи. Элосы). Пекин, 2005.
3. *Тун Цзяньчжоу, Ван Юн*. Железная рука Путина (Тевань Пуцзин). Пекин, 2000.
4. *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь*. По волнам русской жизни (Ибосаньчжэ элосыжэнь). Пекин, 1997.
5. *Чжэн Цзяцзе*. Президент России – Медведев (Элосы цзунтун - Мэй-дэвэйцзефу). Пекин, 2008.

Правовое оформление и политическое воплощение идеи пакистанской идентичности

Филимонова Алина Леоновна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В данной работе выявляются особенности конституционного и политического развития государства Пакистан. Анализ процессов, происходивших в стране в этот период, позволит не только выявить характерные черты пакистанской политической системы, но и сформулировать общие законы, согласно которым осуществляется функционирование государственных институтов и воплощается идея пакистанской идентичности.

Следует отметить, что в момент обретения независимости в Пакистане установилось гражданское правление, которое первоначально основывалось на Законе об управлении Индией 1935 г. и во многом отражало английское представление о государственности. Главой страны провозглашался генерал-губернатор, назначаемый британским монархом по совету пакистанского премьер-министра, который, в свою очередь, должен был быть представителем правящей партии. Именно премьер-министр, таким образом, становился фактическим руководителем государства, принимающим решения. То, что данная система власти не соответствует реалиям пакистанского общества, стало очевидно почти сразу же: идейный лидер движения за Пакистан и отец-основатель государства Мухаммад Али Джинна, решивший стать генерал-губернатором, сам подобрал кандидата на пост премьер-министра и дал понять, что не собирается уходить на второй план и повиноваться чьим-то приказам [1]. Таким образом, хотя гражданский характер власти изначально никем не оспаривался, однако ее структура уже на данном этапе была поставлена под сомнение и в дальнейшем не раз пересматривалась. Распределение полномочий между генерал-губернатором и премьер-министром (а в последующем – между прези-

дентом и премьер-министром)¹⁵ становилось камнем преткновения для всех правивших в Пакистане режимов и провоцировало отношения постоянной конфликтности внутри гражданской администрации.

Важно подчеркнуть, что отношения соперничества двух главных государственных чиновников и стремление каждого из них утвердить в конечном итоге собственное политическое единоначалие провоцировали как президента, так и премьера – в зависимости от того, кто на тот момент обладал большим влиянием – вносить изменения в основной закон страны. Таким образом, в Пакистане было принято три конституции: конституция 1956 г. провозглашала фактическим главой государства президента; конституция 1962 г. делала его власть единоличной и ликвидировала пост премьера; согласно конституции 1973 г., наоборот, все ключевые решения принимал премьер-министр, а должность президента становилась формальной. В последующем новых конституций больше не принималось, однако к основному закону 1973 г. неоднократно принимались поправки, нередко противоречащие друг другу, которые вновь изменяли политический расклад сил, превращая Пакистан то в президентскую, то в парламентскую республику.¹⁶ Можно проследить, как на протяжении истории сфера полномочий президента колебалась от полного всевластия и фактической военной диктатуры до «простой декорации» [3]. Премьер-министр в ряде случаев превращался в несмещаемого главу государства; на определенных же этапах эта должность вовсе устранилась.

Нежелание основных представителей гражданских властей сотрудничать между собой, их стремление установить единоличное правление и готовность ради собственной выгоды изменять конституцию подрывали демократические основы пакистанской государственности. Ряд исследователей отмечает, что именно ослабленность гражданских институтов неоднократно провоцировала кризис власти в Пакистане и способствовала установлению военных режимов [2].

Военное положение устанавливалось в стране четыре раза¹⁷. Однако необходимо подчеркнуть, что во всех этих случаях армия брала власть в свои руки тогда, когда гражданские власти загоняли сами себя в правовой тупик, то есть глава государства принимал на себя широчайший спектр полномочий и отстранить его законным путем станови-

¹⁵ Согласно конституции 1956 г., должность генерал-губернатора была упразднена, и его место занял президент.

¹⁶ Имеются в виду, в частности, восьмая, тринадцатая и семнадцатая поправки.

¹⁷ Военные режимы в Пакистане существовали в периоды 1958-1962, 1969-1972, 1977-1985, 1999-2002. Главами государства во всех этих случаях становились действующие командующие пакистанской армией.

лось невозможно.¹⁸ Таким образом, военное командование оказывалось у власти уже после того, как демократическое правление было свергнуто и заменено диктатурой. Первостепенной задачей военных администраторов, безусловно, была не демократизация политической жизни страны, а скорее ее стабилизация и устранение кризисных явлений в экономике, спровоцированных действиями предшествующего главы государства. Тем не менее, важно отметить, что две из трех конституции, когда-либо функционировавших в Пакистане, были приняты именно военными администраторами. Каждый военный режим рано или поздно подчинялся демократическим тенденциям, существовавшим в обществе, и начинал предпринимать шаги для восстановления в стране гражданских институтов. В результате ситуация повторялась: к власти вновь приходили гражданские администрации, внутри которых начиналось соперничество президента и премьер-министра, приводившее, в свою очередь, к конституционному и экономическому кризису и установлению очередной военной диктатуры. При этом многие армейские чины подчеркивали, что их «вынуждают» втягиваться в политику как представители простого населения, так и сами политические деятели, которые стремятся приписать командующим армией роль арбитров в государственных делах [3]. В значительной мере такое давление объяснялось тем, что сфера полномочий командующего армией в законах прописана недостаточно хорошо. В результате в обществе не сложилось четкого понимания того, чем именно он должен заниматься, и ожидания от армии оказываются преувеличены.

В свою очередь, институт Верховного суда, призванный контролировать развивающиеся в стране правовые процессы и обладающий широчайшими полномочиями, зачастую попадал под влияние политической конъюнктуры и утрачивал объективность, вставая на позиции либо президента, либо премьер-министра.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Пакистане дискредитация основного закона страны осуществлялась именно представителями гражданской администрации, которые оказались не готовы координировать свои действия друг с другом и стремились преодолеть заложенный в конституции дуализм власти с целью фактического установления собственной диктатуры. Эта правовая нестабильность в сочетании с повышенными ожиданиями от армейского руководства и оказывает решающее воздействие на формирование политической идентичности пакистанского общества.

¹⁸ Наиболее показательным примером может служить президент Искандер Мирза, отменивший в 1958 г. конституцию и спустя 20 дней свергнутый генералом Айюб Ханом.

Литература

1. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. М., 2008.
2. Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н. Три конституции Пакистана. М., 1975.
3. Musharraf P. In the Line of Fire. L., 2006.

Современные тенденции в урегулировании ближневосточной проблемы

Шаповалов Михаил Сергеевич

Омский педагогический колледж №1

«Ближний Восток сегодня – это неустойчивый, малопонятный регион мира, где налицо все предпосылки для возникновения крупномасштабной войны» – писал в 1980 г. американский исследователь Соренсен [1982, с. 258]. С тех пор прошло 28 лет. Мир сильно изменился, но Ближний Восток и международные отношения на нем не стали ни более устойчивыми и ни более понятными.

Одной из составляющих международных отношений в этом регионе была и остается ближневосточная проблема – проблема урегулирования арабо-израильского конфликта и решения палестинского вопроса. Чтобы попытаться понять современные тенденции в урегулировании обратимся к истории поиска путей и методов решения ближневосточной проблемы через призму идей системного анализа О. Янга.

В ближневосточной проблеме можно выделить два уровня: региональный и международный. Региональный уровень заключается в неразрывной связи проблемы с событиями и процессами, проходящими непосредственно в Палестине и на Ближнем Востоке, международный же связан с ее взаимодействием с общемировой обстановкой и мировой системой международных отношений. Можно выделить пять этапов поисков путей и методов решения ближневосточной проблемы:

1. Подмандатный этап (1920-45) характеризовался поиском компромисса между сторонами, осуществлявшимся английской мандатной администрацией в Палестине. На региональном уровне произошел распад Османской империи и создание мандатной системы и др. На международном уровне завершилось создание Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, проходило англо-французское соперничество и др.

2. Послевоенный этап (1945-48) характеризовался попыткой урегулирования конфликта мировым сообществом путем навязывания народам Палестины решения ГА ООН 181 (II). На региональном уровне

начался распад британской и французской колониальных империй, образование ряда новых независимых государств и др. На международном уровне – окончание Второй мировой войны, признание Холокоста и др.

3. Военный этап (1948-67) характеризовался попыткой решения проблемы силовым путем самими участниками конфликта. На региональном уровне – арабские революции, новый виток процесса распространения идей арабской интеграции и арабского национализма и др. На международном уровне арабо-израильский конфликт становится частью «холодной войны».

4. Этап «частичного» урегулирования (1967-87) характеризовался применением к урегулированию проблемы метода решение спорных вопросов конфликтующих сторон постепенно и по отдельности. На региональном уровне – смена поколения лидеров арабских государств и др. На международном уровне – попытки сближения позиций США и СССР в условиях «разрядки» холодной войны и др.

5. Этап «всеобщего» урегулирования (1987-2004) характеризуется применением сторонами в переговорном процессе метода «всеобщего» урегулирования, нашедшего выражение в конференциях в Мадриде в 1991 г., в Осло в 1993 г. и др. На региональном уровне оказывают влияние внутривластная борьба и «чехарда правительств» в Израиле, проблема безопасности и терроризма, рост исламского фундаментализма и др. На международном уровне конфликта этап был ознаменован окончанием «холодной войны» и совместными усилиями США и СССР в урегулировании проблемы и др.

Однако необходимо отметить, что события последних трех лет говорят о появлении совершенно новых тенденций в урегулировании ближневосточной проблемы.

С одной стороны региональным «игрокам» сегодня отчетливо ясно, что Израиль как наиболее экономически развитое и сильное государство региона просуществует очевидно дольше Иерусалимского королевства крестоносцев. Израиль свою очередь понимает важность решения палестинской проблемы, не только как вопроса своего международного престижа, но и как камня преткновения в процессе своей интеграции в структуры Ближнего Востока. С другой стороны, коспонсоры мирного процесса США, ЕС, Россия и ООН готовы совместно предоставить свои посреднические услуги для заключения окончательных договоров.

Однако, ни в 1996 г., ни в 1999 г., когда планировалось подписать окончательное соглашения об урегулировании, ни план «Дорожная карта» 2004 г., ни другие начинания коспонсоров и самих сторон конфликта не были реализованы.

Становится ясно, что в современном ближневосточном урегулировании существуют не только региональные и международные уровни, сдвиги в которых объективно должны способствовать заключению окончательных договоренностей, но и также некие иные, возможно некие «параллельные» уровни.

Один из примеров такого «параллельного» уровня связан с огромными финансовыми потоками, вращающимися вокруг ближневосточного урегулирования. В частности, самоценность приобрел сам процесс решения ближневосточной проблемы. Значительный штат чиновников в различных международных организациях, аналитических центрах на протяжении последних 60 лет разрабатывают планы урегулирования. Значительные субсидии на решение палестинского вопроса получают сами палестинцы. В 2007 г. была озвучена цена размораживания переговоров Израиля и ПНА – \$ 100 млн. [Палестино-израильское урегулирование на ближневосточной карте. http://www.unitednations.ru/articles_23_1162284231.html] Ежегодно ПНА получает около 7 млрд. долл. безвозмездных кредитов.

Становится очевидно, что ни палестинское руководство имеющее доступ к деньгам, ни палестинские беженцы получающие дотации (более 2 млн.чел.), ни организации связанные с закупками гуманитарной помощи, ни огромный штат занимающихся урегулированием чиновников объективно не заинтересованы в разрешении конфликта. Очевидно, сегодня они становятся не менее значимыми акторами в международных делах, образующими «новые» уровни.

Исходя из этого «новые» уровни формируют новые тенденции в ближневосточном урегулировании. Как отмечал Е. Сатановский, уже в ходе ливано-израильской войны 2006 г. в лентах новостей можно было проследить информацию о заключении мирных договоренностей не между официальными правительствами Израиля и Ливана, а между некоторыми мелкими шиитскими группировками и отдельными еврейскими поселениями. Так и при решении палестинского вопроса прочный мир между Израилем и палестинцами нередко стал строиться на частных договоренностях глав еврейских поселений и муниципалитетов со старейшинами соседствующих с ними палестинских кланов и селений. Мирный процесс в этой связи получил качественно новые тенденции.

Литература

1. Палестино-израильское урегулирование на ближневосточной карте // http://www.unitednations.ru/articles_23_1162284231.html
2. Соренсен Т. Ложные послышки. // Американцы о внешней политике США. М., 1982.

Гражданское общество как лозунг и реальность турецкой политики периода Третьей республики

Шлыков Павел Вячеславович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Гражданское общество относится к числу явлений, в понимании которых еще не достигнута теоретическая и практическая ясность. Поиск целостного подхода к проблематике гражданского общества идет со времен Адама Фергюсона и его знаменитого труда «Опыт истории гражданского общества» (1767)¹⁹, а впервые это понятие встречается в «Политике» Аристотеля (4 в. до н. э.)²⁰. Наблюдаемая в последние десятилетия новая волна интереса к концепции гражданского общества в мировой общественно-политической мысли обусловлена рядом объективных и субъективных факторов. С одной стороны, в этом можно видеть ответ на появление «новых социальных движений»²¹, возрождение неоконсервативных традиций, кризис государства всеобщего благосостояния, с другой – последствия распада Советского Союза и мировой системы социализма, а затем и неудача неолиберальных реформ и т. д.

Рост популярности концепции гражданского общества послужил причиной того, что оно стало идеализироваться и представлялось уже не только «сферой автономного и саморегулирующегося пространства общественных отношений»²², но и необходимым условием для демократизации и модернизации. При этом из поля зрения часто выпадал его негативный потенциал как поля «войны всех против всех», усмиримой лишь внешним воздействием государства²³ («отрицательные»

¹⁹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000.

²⁰ Аристотель. Политика. // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1983, с. 376-644.

Как *politike koinonia* – политическая общность/сообщество. «Калькой» этого термина в латинском языке и явилось выражение *societas civilis* (гражданское общество).

²¹ Новые социальные движения – это социально гетерогенные массовые демократические движения, генетически и политически автономные по отношению к «старым», ориентированные на поиск новых форм социальной организации и разрыв с традиционными. Чаще всего они не приобретают черты социального института, им свойственны аморфность организационных структур, отсутствие единой идеологии, определенное единство же им придает общность ценностей и целевых установок.

²² Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность. // Восток (Oriens), № 1, 2009, с. 110; Козн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003, с. 7; Володин А.Г. Политическая экономия демократии. М., 2008, с. 35-36

²³ Сагатовский В.Н. Гражданское общество в философии Гегеля и Маркса. // Человечество, государство, глобализация. Сборник философских статей. Вып. 3. СПб.-

стороны и несовершенство гражданского общества, о которых говорили еще Г. Гегель и К. Маркс²⁴) и нелинейность связи между демократизацией и гражданским обществом²⁵. Еще одним распространенным упрощением в понимании гражданского общества стал акцент на его антиполитической модели, постановка его в оппозицию к государству и политическому обществу и, как следствие, пренебрежение ролью центральной власти в обеспечении базовых прав и свобод, сохранении уровня общественного развития²⁶. Между тем, без регулирующего воздействия государства гражданское общество имеет все шансы превратиться в арену религиозно-этнического и социально-классового противостояния. Наконец, само по себе гражданское общество не может выступать как «субститут» государства²⁷: авторитарная власть настолько же препятствует формированию демократического общества, насколько ее строго ограниченная законом форма является неперенным условием для установления демократического порядка.

В случае Турции, где государство традиционно осуществляло свою власть за счет сокращения гражданских свобод, специфические черты гражданского общества, его отношение к демократии, секуляризму (лаицизму) и исламу обретают особое значение. Турецкой общественно-политической мысли характерно стремление рассматривать гражданское общество и государство в отрыве друг от друга, как несвязанные между собой сферы социальной жизни, отсутствие критического подхода к концепту «гражданского общества», его популяризация как противовеса авторитаризму центральной власти. Все это накладывает на размытость и неопределенность самого понятия. На фоне постоянных разговоров о гражданском обществе, его фактическом и гипоте-

Тбилиси, 2005, с. 259. См. также: *Savran G. Sivil Toplum ve Ötesi*: Rousseau, Hegel, Marx. Istanbul, 1987; *Keane J. Despotism and Democracy: The Origins and the Development of the Distinction Between Civil Society and the State 1750-1850*. // *Civil Society and the State: New European Perspectives*. L.-N.-Y., 1993, pp. 50-52.

²⁴ Сагатовский В.Н. Ук. соч., с. 238-259

По Гегелю, это весьма несовершенный уровень организации социальной жизни, регулировать который способно только сильное государство [Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990, с. 286], а Маркс видел в нем воплощение индивидуалистической разобщенности [Маркс К. К критике гегелевской философии права. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1, с. 31; Маркс К. К еврейскому вопросу. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 410].

²⁵ Как заметил социолог Август Нортон: «Невозможно принять две таблетки «гражданственности» на ночь, а утром проснуться в демократическом обществе» [Norton A.R. Introduction. // *Civil Society in the Middle East* (Vol. 2). Leiden, 1996, p. 6].

²⁶ Надо учитывать то, что сохранение уровня общественного развития – это одно из главных достижений гражданского общества.

²⁷ Norton A.R. The Future of Civil Society in the Middle East. // *The Middle East Journal*, Vol. 47, issue 2, 1993, p. 215.

тическом вкладе в развитие демократии в стране остается до конца неясным, что в общественном дискурсе стоит за этим понятием. Одни видят в определении «гражданский» оппозицию «государственному», в то время как другие имеют в виду противовес «влиянию армии». Для кого-то гражданское общество означает просто наличие общественных организаций, для других – важно, какие это НПО (либеральные, исламские или секулярные). В контексте разных политических идеологий и платформ гражданское общество стало идентифицироваться буквально со всем – от многопартийной системы и гражданских прав до индивидуальной свободы²⁸.

Получается, что у каждого есть свое гражданское общество, отвечающее личным интересам и представлениям о демократии и гражданственности. На страницах турецкой печати поясняется, что это понятие включает все неправительственные организации (НПО), общества, кружки, платформы, вакфы, союзы различных палат, бирж, адвокатских обществ, профсоюзные объединения, конфедерации и синдикаты предпринимателей и ремесленников, спортивные и искусствоведческие объединения и т. п. Всеми этими терминами обильно наполнена программа ныне правящей умеренно исламской Партии справедливости и развития (ПСР). Делая акцент на понятии «гражданское общество», ПСР в то же время снимает все сомнения в законности существования ряда религиозных организаций, обществ, например общества Фетхуллаха Гюлена, суфийских «орденов» (тарикатов) и т. п.

Как и в случае со многими инициированными ПСР реформами, отношение правящей партии к гражданскому обществу и различным его группам (мусульманам и др.) страдало двойными стандартами. Может показаться странным, но ПСР приложила немало усилий (прямых и косвенных), чтобы не допустить или свести к минимуму влияние гражданского общества на выработку и принятие политических решений, при этом не переставая обращаться к нему за поддержкой и одобрением своей политики, особенно в те моменты, когда традиционные секулярные институты (армия, университеты) и кемалистская элита становились на пути проведения масштабных реформ²⁹. Столь двусмысленное положение закономерно вызвало негативную реакцию со стороны НПО. Так, в марте 2005 г. консультативный совет по правам человека при премьер-министре, в состав которого входили представители крупнейших общественных организаций, подал коллективное прошение об отставке в знак протеста против «номинального, а не реального

²⁸ Seligman A. Civil Society: The Critical History of an Idea. // Contemporary Sociology. Vol. 30, No. 2 (2001), p. 203

²⁹ См.: Hürriyet, 06.02.08; Hürriyet, 13.02.08; Zaman, 09.06.07

использования этого органа со стороны правительства»³⁰. Показателен пример разработки и принятия нового уголовного кодекса в 2004 г., когда власти всячески препятствовали публичному обсуждению его положений. Как впоследствии признал один из крупных функционеров ПСР Денги Мир Фырат, роль гражданского общества, СМИ, академических кругов в разработке нового кодекса была минимальной: к обсуждению было привлечено около 30 правоведов и лишь двое из них высказали свое мнение по поводу закона до его принятия в сентябре 2004 г.³¹ Схожая ситуация возникла и в 2007 г. с проектом новой Конституции, когда обещания ее широкого всенародного обсуждения (не только видимости) так и остались невыполненными³². Приверженность ПСР принципам культурного и религиозного плюрализма также больше находила свое отражения в лозунгах и пропагандистских акциях, чем в реальной внутренней политике: за провозглашением необходимости «обновления светскости» в обществе стал расти религиозный фанатизм³³ и неприятие этно-конфессиональных меньшинств³⁴. Ситуация с запретом на ношение мусульманского платка (тиорбана), когда это символическое право беспрепятственно выражать свою религиозную принадлежность (заметим, исключительно мусульманскую) затмило необходимость всех других гражданских свобод³⁵, разразившееся «дело Эргенекон» и уголовное преследование бывших военных лишь подтверждают тезис о господстве примата одного мнения как отличительной черте политической культуры турецкой государственной элиты и гражданского общества: когда «сильный», т. е. более представительная социальная группа, утверждает неоспоримость своей культурно-политической платформы и навязывает ее «слабому» – социальной группе, обладающей в данной ситуации меньшим ресурсом³⁶.

Исторический опыт Турции дает нам пример того, насколько трудно реализовать формулу «государство плюс гражданское общество» в условиях живой традиции сильной центральной власти с устойчивыми чертами авторитаризма. Стремление к доминированию в разных сфе-

³⁰ İHDK'de yaprak dökümü. // Radikal, 24.03.05

İnsan Hakları Danışma Kurulu Uyeliklerinden İstifa. // Haber7.com, 24.03.05
<http://www.haber7.com/haber/20050324/Insan-Haklari-Danisma-Kurulu-uyeliklerinden-istifa.php>

³¹ Sabah, 28.09.2005

³² Yeni Şafak, 13.01.2009; Zaman, 15.09.2007.

³³ Milliyet, 19.04.2007.

³⁴ Milliyet, 20.12.2007.

³⁵ AKP için Tek Özgürlük Turban Özgürlüğüdür. // Hürriyet, 06.02.2008.

³⁶ См.: Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции..., с. 110-122.

рах общественной жизни, радикальный характер реформ и модернизация «сверху» и т. п. — все эти черты турецкой политики служили разрастанию пропасти между государством и обществом. Многие социальные группы при этом намеренно отчуждались государством как «не вписывающиеся» в выстраиваемую парадигму «нового турецкого общества». В совокупности это делало практически невозможным выработку «коллективной политической идентичности», способной выступить объединяющим и консолидирующим фактором для большинства. Укрепление позиций гражданского общества как противовеса «абсолютной власти государства» в 1990-е гг. создало иллюзию того, что вскоре политическая система станет открытой для самых разнообразных социальных групп, в том числе и маргинализированных, приобретет черты плюралистической демократии. Однако нежелание власти идти на уступки гражданскому обществу, ее отказ от широкого сотрудничества служат дальнейшему обособлению общества и государства, их стремлению к самореализации за счет друг друга. В конечном итоге, при росте влияния гражданского общества в нем могут возобладать радикальные течения, и маятник турецкой политики вновь качнется в сторону ужесточения режима «во имя спасения демократии».

Сказочный мир в творчестве китайского поэта Гу Чэна (1956-1993)

Бодоева Александра Александровна

Бурятский государственный университет

Гу Чэн является одним из ярких представителей «туманной поэзии», литературного течения, возникшего в восьмидесятые годы двадцатого столетия в Китае. Он был прозван сказочным поэтом, единственным в своем роде. Стихотворение «Я – своенравный ребенок» наилучшим образом демонстрирует представление Гу Чэна о сказочном мире.

«Я – своенравный ребенок» представляет собой монолог поэта о жизни. Он словно творец при помощи *разноцветного пера* описал свой сказочный город из многообразия образов и символов. Но изображая вымышленную реальность, он обнажил свое уязвимое место. В одном стихотворении переплетаются чувство прекрасного и чувство страха и паники.

Выбор амплуа ребенка был обусловлен содержанием внутреннего мира поэта, его психологией. Гу Чэн крайне чутко и восприимчиво реагирует на все происходящее вокруг. Глазами ребенка он передает тоску, надежду, любовь. Взгляд на мир глазами ребенка говорит о глубине взгляда человека взрослого. Скрывшись за чистотой и наивностью ребенка, он уходит от тяжелого чувства ответственности, свойственного только взрослым. Описывая сказочный мир, построенный на детских мечтах и воспоминаниях, у поэта невольно всплывает образ матери. Данный образ соответствует настроению всего стихотворения и его атмосфере чистоты, материнской нежности.

Он построил удивительный сказочный мир, в создании которого участвует главный элемент – красота. Это чистый, непорочный и незапятнанный грязью реальной действительности мир. «Ты поверил в сказку, что сочинил/ и превратился в изысканные стихи в этой сказке» – писала подруга поэта Шу Тин. Цветы являются символом красоты, они же ее защитники и распространители. Но цветут они среди беспокойства и боязни поэта за их существование. Поэт, словно ребенок, играет с созданными образами. Но страх за их судьбу постоянно тревожит его.

Построенный Гу Чэном мир может существовать в трех измерениях: в пространстве, во времени и в свободе.

Его мир – это *далекий пейзаж*. В нем не только *чистый горизонт, волны, веселая река, холмы*, но и *ветер, громадные горы, безграничное море, издающее звонкие голоса*. Построенный поэтом мир вовсе не сложный и разнообразный. В его основе лежат лишь два элемента: горы и воды. Горы имеют холмы и возвышенности, воды – моря и реки. Первое – символ прочности и спокойствия, второе – символ движения и мягкости.

Поэт любит пейзаж, не только как средство изобразительности, но и смотрит на него как на неотъемлемую часть жизни человека. Сказка, как известно, является окном в мир вымышленный, космический, а природа является лучшей почвой для создания этой сказки. В его стихах вещи в природе полны жизни, имеют свой язык и чувства, могут вступать в диалог с поэтом, и являются одной из главных составляющих особого пространственного мира Гу Чэна.

Его мир – это прекрасное мгновение, которое невозможно измерить. Оно вобрало в себя все краски жизни и чувства людей. *Я хочу нарисовать раннее утро/ улыбки, которые можно разглядеть на росе*. Раннее утро – начало прекрасного времени, а роса – свидетель этих прекрасных мгновений. В это время он ищет свою возлюбленную. Любовь в этом мире самое лучшее его создание. Поэт бережно охраняет свою любовь, он надеется, что *моя возлюбленная/ никогда не увидит туч,/ ее глаза ясного цвета/ она всегда смотрит на меня*. Гу Чэн описал вечную чистую любовь и лучшую пору, которые не сопоставимы с бегущим временем.

Третье из измерений это мир свободы, особое художественное пространство. Оно представляет собой последовательную нить из художественных образов и символов, последним и главным связующим звеном которой является постижение свободы. Поэту необходимо на любимой белой бумаге *«нарисовать тупую свободу»*, а следом *«никогда не прольющих слез глаза/ и небо»*. Небо является символом безграничной свободы у древних китайцев. А глаза нужны Гу Чэну для того, чтобы познать эту свободу. Глаза народа устремлены в окна, специально изображенные поэтом. Окно в поэзии Гу Чэна является образом, символизирующим путь к свободе. *«Я хочу на большой земле нарисовать окна,/ чтобы привыкшие к тьме глаза/ привыкли к свету»*. После десятилетий мучений и страданий, китайскому народу нужна надежда поверить в светлое завтра. Противостояние света и тьмы является излюбленным в поэзии Гу Чэна. Свет представляет собой свободу, а тьма, в свою очередь, некое заточение. В глазах ребенка свобода приобретает образ *крыльев, кружащиеся листья деревьев, ароматные фрукты, весенняя ночь*. Такое описание свободы передает другой ее

смысл: свобода существует в особом пространстве, свобода — это состояние красоты, которое можно почувствовать и увидеть в вещах.

В конце стихотворения наше внимание привлекает созданный поэтом образ панды. *«Я словно панда/ сижу в глубоких лесах ...»*. Поэт специально сравнивает себя с одинокой пандой, оставшейся без семьи и живущей в глухих лесах, возможно, уже предчувствуя свой конец. Десятилетием позже он отправится жить в Австралию, где, как известно, панд больше нет. Там поэт и покончит жизнь самоубийством.

Страсть и особый порыв к красоте неизбежно привели Гу Чэна к страху и боязни за собственный мир фантазий. Это чувство страха является проявлением и выражением слабости душевной и психической. Из этого круга противоречий поэт уже не мог выбраться.

Литература

1. 梁光焰. (2000) 生命不能承受如此至美// 淮南师范学院学报. 北京.
2. 梁秉钧. (1986) 童话诗人顾城//大拇指. 北京.
3. 林平乔. (2001) 试论顾城诗的纯净美//顾城之城. 北京.

Параллелизм как художественный приём в переводах псалмов Давидовых на японский язык (на основе перевода Международного Библейского Общества)

Борисова Анастасия Сергеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Проблемой данного исследования является выявление грамматических конструкций, которыми переводчик передает параллелизм, смысловое соответствие оригиналу и расстановка акцентов в данном переводе.

В переводе псалмов на японский язык с наибольшей точностью отражен способ параллелизма степеней (по классификации А. Меня). Японский переводчик избегает буквального перевода синонимических параллелизмов, которые из сложносочинённых предложений обычно стягиваются в одно простое с однородными сказуемыми. Очевидно, это вызвано стремлением японцев избегать повторов одинаковых выражений в прозаическом тексте (важно заметить, что первоначально стихотворные псалмы во всех известных автору переводах были представлены прозой, либо обычной, либо ритмической, и японский перевод — не исключение), тогда как тонкость смысловых переходов ступенчатого параллелизма оказался близок японскому менталитету.

Данный прием выражается через соединение простых предложений срединной формой глагола. Для еврейской поэзии характерно сочета-

ние двух (иногда трех) коротких предложений, или полустрок, первая из которых заканчивается паузой, а вторая - полной остановкой, такой же интонационный рисунок присутствует и в японских предложениях со срединной формой глагола.

Можно подумать, что для передачи антитетического параллелизма тоже будет употреблена срединная форма, как можно увидеть в соответствующем примере из грамматики Киэда, но японский переводчик передаёт антитезу противительным союзом *が* и наречием *しかし* «однако».

И это гораздо органичнее передаёт смысловые акценты псалмической поэзии, четко выделяя противопоставление добра и зла. А для японского мироощущения подобный дуализм нехарактерен, оттого даже для антитез используются срединные формы, подсознательно подчёркивающие однородность, отсутствие резкого деления пополам, возможность присоединения к смысловой цепочке новых членов, тогда как библейские антитезы в подавляющем большинстве ограничены двумя фразами.

Переводчик предпочитает чётко следовать за оригиналом: смысл антитезы в древнееврейском оригинале передавался с помощью противительных союзов и сходных по смыслу наречий, т.е. даже на уровне грамматики выражена нравственная контрадиктивность понятий, и срединная форма глагола была бы недостаточно точна для отражения этой важной составляющей художественной выразительности псалмов.

Стоит заметить, что конструкция со словом *しかし* «однако» встречается на порядок чаще, чем сходная по смыслу конструкция с противительным союзом *が*. Надо думать, что это связано с тем, что смысловое ударение падает всегда на второе предложение, несущее информацию о Боге и должном порядке вещей, и т.о. постановка противительного наречия именно в это предложение делает акцент на позитивный в нравственном смысле пример и его противопоставление неправильному образу действий.

Сложнее дело обстоит с параллелизмом синтетическим. Это один из самых часто используемых приёмов библейской поэзии, и некоторые псалмы почти целиком состоят из «нанизанных» параллельных конструкций. Если синтетический параллелизм в данном переводе встречается одиночно, то обычно передаётся через сочинительный союз *と*, что очень удачно, т.к. данный союз имеет смысловой оттенок следования. В случаях многократного повторения этого приёма японский переводчик старается избегать однородной структуры стиха и чередует различные лексические и грамматические способы отражения следования. Помимо уже упомянутого в связи с синтетическим парал-

лелизмом союзом と, используется срединная форма глагола, которая чаще используется для способа восхождения, но подходит для всех видов параллелизма, и форма на —て, выражающая последовательность действий и их следование друг из друга (грамматические средства), а также наречия また «к тому же» и вводной конструкции ですから «и поэтому», которые также выражают следование (лексические средства). Надо думать, это опять же можно объяснить особенностями прозаического перевода священного текста, когда важнее передать смысл, нежели художественную форму.

Во всех случаях параллелизма важное значение имеет и лексико-грамматическое уподобление предложений, чаще всего это употребление одинаковых концовок.

Т.о. можно сделать вывод, что употребление параллелизма напрямую зависит от смысловой нагрузки, т. е., если данный художественный приём помогает в отражении смысла, переводчик уделяет ему внимание, в обратном случае переводчик обходится без средств художественной выразительности.

Последующей целью данной работы будет исследование употребления параллелизма в других существующих переводах псалмов Давидовых. Намечается два направления работы: поиск соответствий в разных переводах псалмов на японский язык, включая перевод сделанный архиепископом Николаем Японским на старояпонский язык, и сопоставление переводов Книги Псалтирь на другие языки, в т.ч. близкие по времени к написанию оригинала. Привлечение разных языков и вариантов поможет исследователям чётче уяснить механизм работы данного художественного приёма в разных языковых и литературных системах.

Литература

1. Перевод Библии на японский язык (электронная версия с сайта Международного Библейского Общества <http://www.ibsstl.org>)
2. Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. — М.: Изд-во ББИ, 2007
3. Мень А.В. Библиологический словарь (электронная версия с сайта <http://www.alexandrmn.ru>)
4. Robinson T.H., The Poetry and Poets of Old Testament, L., 1947
5. Олесницкий А., Ритм и метр ветхозаветной поэзии, Труды КДА, 1872

Плач в литературной эпической поэме на санскрите: общая характеристика

Гурия Анастасия Георгиевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В этом докладе речь пойдет об эволюции такого жанра, как плач, в литературной эпической поэме. Героический эпос всегда включает в себя плач по павшим героям; есть он и в «Рамаяне» и «Махабхарате». В эпосе присутствие плача обусловлено сюжетом и вполне функционально. Однако во всех четырех древних *махакавьях* (литературных эпических поэмах) на санскрите («Жизнь Будды» и «О прекрасном Нанде» Ашвагхоши, «Рождение Кумары» и «Род Рагху» Калидасы) также есть плачи, хотя функциональной необходимости в них нет и они могли бы быть изъяты без ущерба для основной сюжетной линии. И тем не менее оба автора, ориентируясь на эпос, находят нужным включить плачи и в свои поэмы, так или иначе приспособив старый инструментарий к своему сюжету и задачам. Каждый раз в название главы, в которую входит плач, выносятся слово *vilāpa* – «плач, причитания». Это позволяет предположить, что *vilāpa* – обозначение особого внутреннего жанра в составе махакавы – жанра плача. Плач в махакаве представлен как внутренний жанр со своим набором отличительных черт.

Если говорить *о ситуации плача*, то в эпосе можно выделить плачи «воинские», вызванные гибелью героя на поле битвы, и «семейные», порожденные другими обстоятельствами, например, исчезновением оплакиваемого или уходом в лес. Этот последний вариант – более поздний, он осваивается эпосом посредством приспособления привычных приемов воинского плача к новой ситуации. Из всего набора плачей, представленных в эпосе, литература использует как материал именно семейные. В обеих поэмах Ашвагхоши плачи вызваны уходом героя в лес с конечным принятием буддизма. У Калидасы ситуация плача иная: в обеих поэмах поводом для плача служит таинственная и странная смерть одного из супругов, которого оплакивает другой. Вообще оба автора создают не столько семейный, сколько любовный плач, плач по возлюбленному или возлюбленной. Взамен родовых отношений и обязанностей на первый план выходят более близкие, личные отношения любви и дружбы.

Плач в эпосе и в литературе является частью *сцены плача*. В «Рамаяне» ее композиция носит стабильный характер: известие о несчастье – реакция героя – плач – утешения – приготовления к погребальному обряду (в случае гибели). Литература заимствует из «Рамаяны»

композицию этой сцены. Ашвагхоша при этом акцентирует момент узнавания об истине. В «Жизни Будды» сцена плача носит многоступенчатый характер. В композиции сцены плача у Калидасы мотивы погребального ритуала присутствуют. Утешения в его поэмах содержат в себе дополнительный момент разъяснения, т.к. гибель героя представляется необычной и даже сверхъестественной.

Неотъемлемая составляющая плача, как эпического, так и литературного, – это реакция героя или героини на известие о несчастье. Она заключается в ряде *внешних проявлений*, который в целом остается неизменным. Плачей без слез, покрасневших глаз, обмороков, рыданий в голос, прерывистой речи не бывает. В поэмах Ашвагхоши для женщин все это сопровождается и регулярно отмечаемыми изменениями в облике, которые обусловлены ритуалом разлуки. Поведение мужчин более сдержанно.

При рассмотрении последовательно плачей эпоса, Ашвагхоши и Калидасы в характере таких *описаний* прослеживаются определенные изменения. Эпос скуп и просто, рядом формульных выражений фиксирует ряд канонических проявлений скорби во внешнем облике и поведении героя. Ашвагхоша делает описание более целостным, детализированным, придает ему живописный характер. Напротив, у Калидасы описание внешних проявлений скорби в цели автора очевидно не входит: его явно больше интересует психология героев, к тому же ко времени создания его поэм сильные проявления гнева и скорби во внешности героев перестают осознаваться традицией как прекрасные. И у Калидасы мы не видим ни жеста, ни мимики, описания страданий героев занимают очень малую долю текста. Таким образом, мы можем предположить, что традиция двигалась от безыскусного упоминания событий в эпосе к их развернутому, живописному изображению и наконец – к некоторому развоплощению, к переходу в сферу личности и ее переживаний – от мира внешнего к миру внутреннему.

Что касается *мотивов и форм* плача, то они также претерпевают некоторые изменения. Воинские плачи эпоса включают в себя ряд постоянных мотивов, в том числе обращения к погибшему, жалобы, восхваления и упреки. Внутри эпического плача отдельные мотивы располагаются в свободном порядке. Литература стремится внести в плач некую композицию, продуманную логическую структуру. При переходе от эпоса к махакавье наблюдается усиление психологизма в плаче. Также воинские и царские мотивы уступают место любовным. Особенно это заметно у Калидасы.

Противопоставление мужского и женского плача для эпоса не представляется существенным; между тем литература находит нужным их разграничить. У Ашвагхоши характерная черта мужского плача в

отличие от женского – ссылка на прецеденты (примеры из мифологии и преданий). Оно демонстрирует ученость героя, его владение навыками ученого спора и риторики. У Калидасы основной маркер мужского плача – логические умозаключения, которые указывают на рассудительность героя и способность логически мыслить, возвышающую его над другими.

За плачем всегда следуют *утешения*. У Калидасы оба плача гораздо более камерные, мотивы публичности в нем приглушены. В его поэмах утешения исходят от высших, божественных или богоравных существ (голос с неба, риши Васиштха) и указывают на древнее проклятие как на причину произошедшего. Событие тем самым лишается окончательности – смерть становится переходом к другому существованию (или к временной разлуке влюбленных; впоследствии супруги воссоединятся). Утешения в эпических поэмах можно условно разделить на философские и «конструктивные»: первые подразумевают призывы к стойкости и стоицизму, вторые – возможность конкретных мер или благоприятного поворота событий.

Таковы в общих чертах особенности литературных плачей.

Библиография

1. Aśvaghoṣa's Buddhacarita or Acts of the Buddha by S.U. Johnston. Delhi, 1984.
2. Kalidāsa's Kumārasambhava Cantos I-VIII. Ed. with the commentary of Mallinātha, a literal English translation, notes and Introduction by M.R. Kāle, 6-th edition, Delhi, 1967.
3. Mahāmahopādhyāyakolācalamallināthasūraviracitayā sañjivinīsamākhyaṃ vyākhyayā sameto mahākaviśrīkālīdāsakṛtam Raghuvāṇśamahākāvyaṃ.
4. Śrī-Aśvaghoṣaviracitam Saundaranandamahākāvyaṃ hindībhāṣopetam. Dillī, 1994.
5. The Rāmāyana of Vālmīki (Śrīmadvālmīkirāmāyaṇam), published by N.Ramaratnam, Madras, 1958.
6. Алиханова Ю.М. Образ ашрамы в древнеиндийской литературной традиции. // Петербургский рериховский сборник. СПб., 2002, с. 84-128.
7. Алиханова Ю.М. Эпическая поэма на санскрите и стиль кавья. // Теория стиля литератур Востока. М., 1995, с. 105-113.
8. Васильков Я.В. О центральных образах «Стрипарвы». // Махабхарата. Сауптикапарва. Стрипарва. М., 1998.
9. Гринцер П.А. Стилистическое развертывание темы в санскритском эпосе. // Памятники книжного эпоса. М., 1978, с. 16-48.

10. Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.

Стихотворные вставки в «Книге о чалме» («Дастар-наме») Хушхал-хана Хаттака (1613-1689)

Куницкая Яна Игоревна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. «Дастар-наме» Хушхал-хана Хаттака – это один из самых ранних образцов литературы на языке пушту. Название сочинения переводится как «Книга о чалме». Именно образ чалмы как главного атрибута правителя в пуштунском обществе становится мерилом достоинств человека. Во введении к «Дастар-наме» Хушхал-хан Хаттак говорит о сущности (*хакикат*) чалмы, которая заключена в определенных достоинствах и талантах носящего ее человека. Таким образом, мы видим, что в «Дастар-наме» Хушхал-хан дает картину тех качеств и умений, которыми должен обладать человек, достойный носить чалму, т.е. истинный член пуштунского общества.

2. Жанр «Дастар-наме» берет свое начало в арабской литературе *адаба*. Адабная литература зародилась еще в бедуинском доисламском обществе, где она выполняла роль передатчика унаследованных от предков норм и правил. В исламское время адаба представляет собой комплекс знаний, которыми должен обладать образованный человек, противопоставлявший себя бедуину – *адиб*. Затем назидательная проза обогащается за счет других традиций и, в первую очередь, за счет пехлевийской дидактической литературы, и в XI в. она возрождается на персидском языке.

Существовало два основных типа дидактических сочинений: религиозные и светские, которые и имели целью воспитать достойного члена общества. «Дастар-наме» относится ко вторым и являет собой первый памятник светской назидательной прозы на языке пушту, что и сделало его предметом нашего исследования.

3. «Книга о чалме» Хушхал-хана Хаттака практически не изучена в отечественной науке. Во многих сочинениях, в которых в том числе говорится об этом авторе, содержится лишь краткое описание или упоминание о «Дастар-наме». В монографии М.С. Пелевина, посвященной Хушхал-хану Хаттаку, а также в его книге «Афганская поэзия в первой половине-середине XVII в.», дается более четкое и цельное представление о данном литературном памятнике, что, однако, не является развернутым и структурированным описанием этого произведения. Ни в одной изученной нами отечественной работе не содержится

глубокой и полной характеристики «Книги о чалме», тем более не затронута тема стихотворных вставок в «Дастар-наме».

4. Тема стихотворных вставок в дидактической литературе, несомненно, является отдельным обширным полем для исследований, ведь «инкрустирование прозы поэтическими вставками» (по выражению В. Б. Никитиной) является одним из характерных приемов дидактической литературы. Однако, согласно нашим изысканиям, эта тема не изучена в достаточной степени: нет ни одной монографической работы, посвященной проблеме поэтической иллюстрации в адабной литературе. Тем не менее, изучив имеющиеся работы, в которых в той или иной степени рассматривается жанр адаба, мы смогли прийти к некоторым заключениям общего плана относительно характеристики и функций стихотворных вставок в назидательной прозе.

Так, к примеру, И.М. Фильштинский в своих монографиях рассматривает «поэтические отрывки»¹, в первую очередь, с точки зрения источниковедения и истории поэзии. Он говорит об антологической роли стихотворных вставок, которые «служат автору источником сведений»² о предмете повествования. Помимо этого, говоря о функциях поэтических вставок, он выделяет лишь одну – иллюстративную, имея ввиду сопровождение и «подкрепление» мысли, высказанной в прозе, поэтическим материалом.

Большинство авторов, исследующих в той или иной степени литературу адаба, выделяют в своих сочинениях деление стихотворных вставок на собственно-авторские и заимствованные.

«Книга о чалме» Хушхал-хана Хаттака характеризуется обильным вставным поэтическим материалом. Мы встречаемся с самыми разными жанрами и размерами стихотворных вставок: от коротких афоризмов и отдельных бейтов и *мисра'* до достаточно длинных *маснави*, от *фарда* и *руба'и* до газели и *кыт'а*.

В «Дастар-наме» мы сталкиваемся со смешанным типом стихотворных иллюстраций: присутствуют как собственно-авторские, так и заимствованные цитаты. На данном этапе работы мы обнаружили лишь одно заимствование: из произведения Саади «Гулистан».

Важнейшей характеристикой стихотворных вставок в «Книге о чалме» является их двуязычие: Хушхал-хан Хаттак «инкрустирует» прозу стихотворениями, как на персидском языке, так и на языке пушту. Причем статистически четко выделяется преобладание поэзии на фарси над пушту. Таким образом, видно, что язык пушту в «Дастар-наме», в первую очередь, является языком прозы, в то время как пер-

¹ Фильштинский И.М. 1977, с. 42.

² Фильштинский И.М. 1978, с. 187.

сидский воспринимается Хушхаль-ханом как высоко поэтический язык. В то же время Хушхаль-хан создает литературный язык пушту и приспособливает его не только к прозе, но и к поэзии. Арабский же используется автором лишь для цитирования или введения эпизодов, связанных со священной историей ислама, в т. ч. хадисов, цитат из Корана.

В ходе данного исследования мы выделили функции стихотворных вставок в «Дастар-наме»:

1. Композиционная. Оформление начала книги и ее завершения.
2. Моделирующая функция. Во вводном стихотворении Хушхаль-хан Хаттак воссоздает религиозную картину мира, вписывая, таким образом, свое произведение в рамки исламской религии.
3. Маркирующая и обобщающая функции. Выражение квинтэссенции, основной мысли определенной главы или определенного абзаца, т. е. введение начального тезиса главы или, напротив, подведение итогов, вывод.
4. Разграничительная функция. Автор «размечает» прозаический текст, делит его на смысловые синтагмы с помощью поэтических вставок.
5. Иллюстративная. Стихотворная иллюстрация предшествующей мысли, выраженной в прозе. Продолжение, развитие, подтверждение мысли в стихотворной форме.
6. Выделительная (акцентирующая) функция. Повторение, выделение определенной мысли, суждения.
7. Эстетическая функция. Так, к примеру, Хушхаль-хан Хаттак очень ярко живописует дорогую сердцу охоту в заключительном маснави в главе «искусство охоты». Помимо этого, автор часто завершает свою мысль изящным стихотворным пассажем.

Литература

1. *Пелевин М.С.* Хушхаль-хан Хаттак (1613-1689). СПб., 2001.
2. *Пелевин М.С.* Афганская поэзия в первой половине-середине XVII в. СПб., 2005.
3. *Фильштинский И.М.* Арабская литература в Средние века. М., 1977.
4. *Фильштинский И.М.* Арабская литература в Средние века. VIII-IX вв. М., 1978.
5. *Khoshhaal Khan Khatak.* Destaar Naama. Kabul, 1966.

Рассказ в турецкой литературе первой половины XX в. как отражение действительности

Мухаметзянова Лениза Расиховна

Казанский государственный университет

Рассказ как жанр появляется в турецкой литературе в 1870-х годах. Изначально рассказом называли «произведения разные по объему, описывающие определенное событие в стихах или прозе. Первые переведенные с французского языка романы также называли рассказами. Так современное определение рассказа утвердилось в эпоху Серветифеню»³. Конец XIX – начало XX вв. сложное для турецкого народа время: смена политического режима, начало развала Османской Империи, становление республиканского государства путем революции. Придать художественную форму историческим событиям, которых, по словам В.Г. Белинского «не хватило бы на драму, не стало бы на роман»⁴, быстрее при помощи малой литературной формы, такой как рассказ, нежели роман или драма.

В теории турецкого литературоведения жанр рассказа в большей степени рассматривается исключительно во взаимосвязи с «романом».

Согласно определению, данному в Турецкой Энциклопедии (*Türk Ansiklopedisi*) «рассказ в широком смысле – событие, или толкование событий повествовательным путем, один из первоначальных жанров, цель которого в большей степени воздействие на эмоции читателя или слушателя, чем обдумывание описываемого; придание повествованию привлекательности вследствие вызываемого воодушевления»⁵.

Резкую популяризацию рассказа в литературе можно объяснить его малыми формами, способностью ограничить содержание отдельными событиями, персоналиями, случаями. Так, одна из целей рассказа – художественное описание событий, имеющих место в конкретном обществе, государстве в краткий временной отрезок.

Отражением нестабильного положения турецкого общества является рассказ Азиз Несина «Дом на границе» (*'Sınır üstündeki ev*'). Во вновь созданном государственном образовании существует множество проблем: одна из них административно-территориальное деление. Такое, к сожалению, случается и в наше время. Описание дома, который сняли герои, расположенного на границе между разными районами, говорит о неустроенности Турецкого государства. Герои пассивны в решении своих проблем. Они не пытаются ускорить процесс разреше-

³ Ahmet Kabaklı Türk edebiyatı, 1.cilt, s.485

⁴ Белинский В.Г. Сочинения, том 1, с. 271

⁵ Türk Ansiklopedisi cilt XIX, s.231

ния спорного вопроса. Положившись на судьбу, они продолжают жить в этом доме, но не одни. Они дают приют ранее приходившим ворам, чтобы предотвратить приход новых (наказывать ворах некого, дом находится на границе нескольких районов), до разрешения вопроса о принадлежности дома.

Довольно ярким произведением, описывающим одну из проблем турецкого общества в начале XX века, является рассказ «*Удостоверение личности*» ('*Kafa kağıdı*') *Сабахаттина Али*. Структура рассказа необычна, напоминает «рассказ в рассказе». Однако подобным приемом в турецкой литературе пользовались Халиде Эдип Адывар в рассказе «Злой дух поселившийся в девочке Дженнет» ('*Cennet kızın cinneti*') и Фахри Желал Гоктулджа «Мировой парень Мустафа Эфенди» ('*Eldebir Mustafaefendi*').

Ситуация описываемая в рассказе С. Али парадоксальна. С установлением буржуазно-национального общества в Турции после Кемалистской революции (1923 г.), страна становится бюрократической. Это ярко выражено в данном рассказе. Ведь дедушка, которому было за 80 лет, жил по документам сына. Его задержали за неоплату проезда. Служащим жандармерии не было дела до того, что перед ними сидит старик, а не молодой человек 29-ти лет как было указано в документах. Задержать пожилого они не имели права, так как «тем, кому больше шестидесяти лет оплата проезда не требуется»⁶.

Чтобы лучше донести до читателя, как парадоксальность, так и комичность ситуации, автор прибегает к сатире. Нежелание жандармерии разбираться в подлинности документов, говорит нам о том, что турецкий народ в пост-реформаторский период был обездолен, властям не было до него дела. В связи с тем, что Турция как государство находилось на начальном этапе своего становления.

Орхан Кемаль также работает над темой отражения социальной действительности турецкого общества в первой половине XX века. В рассказе «*Лотерейный билет*» ('*Piyango bileti*') раскрывается проблема неравенства прав женщин и мужчин.

Одной из мер политики секуляризации турецкого общества стало уравнивание в общественных правах женщин с правами мужчин. Среди важных этапов решения данного вопроса стоит отметить «запрет многоженства, признание равных прав в семье, в получении образования, во время выборов в органы власти»⁷. Документ, провозглашающий все вышеперечисленное, был принят в Турции в 1926 году. Орхан Кемаль

⁶ Güzel Yazılar. Hikayeler, cilt 1, s. 154

⁷ Киреев Н.Г. История Турции XX век, с.163-164

пишет свой рассказ несколько позже. Этот факт позволяет говорить нам, что произошло лишь формальное уравнивание в правах.

Современному читателю желание жены героя потратить выигранные деньги на покупку одежды, принадлежностей для дома может показаться странным. Однако видимо у большинства женщин не было возможности распоряжаться финансами. Главенство в семье все еще неоспоримо принадлежало мужу. Привлекают внимание читателя диалоги семейной пары. Они не слышат друг друга и не пытаются услышать. Не вникая в последующую реплику собеседника, каждый продолжает свою мысль:

«- Мне кажется что кафе, лучше столовой.

- Хотя бы сшить новое манто, а вместо старого новый женский костюм.

- Да, оставь ты эти разговоры об одежде... Кафе лучше столовой, не так ли?»⁸

Да, деньги будут потрачены по желанию жены. Однако скольких усилий стоила эта договоренность. Обрела ли она душевный покой, когда муж согласился распорядиться выигрышем как она того хотела: «Муж укутался одеялом с головой. Жена, укрывшись, смотрела в темноту»⁹. Она переживает, она не спокойна. Ее победа в споре в следующий раз не гарантирована.

Три вышеперечисленных рассказа являются подтверждением теоретической информации о жанре «рассказа» как наиболее «оперативной» литературной форме. Несмотря на небольшой объем, рассказ емко вмещает в себя описание существующих глубоких противоречий турецкого общества на этапе его зарождения и развития. Так, появление данной малой формы в литературе позволило писателям обратиться к проблемам волнующим общество, выразить свою критику и своевременно донести переживания до народа.

Литература

1. Белинский В.Г. Сочинения, том 1, изд. АН СССР, М., 1953, с. 574.
2. Киреев Н.Г. История Турции XX век. М., 2007, с. 608.
3. Güzel Yazılar Hikayeler. Cilt 1. Ankara, 2000, s. 342.
4. Kabaklı Ahmet Türk edebiyatı. 1. Cilt. İstanbul, 1994, s. 622.
5. Türk Ansiklopedisi. Cilt XIX. İstanbul, 1989, s. 514.

⁸ Güzel Yazılar. Hikayeler, cilt 1, s. 286

⁹ Там же, s. 288

Образ рая в касыде Ибн Каййима ал-Джаузийи

Навроцкая Любовь Борисовна

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

В нашей работе мы рассматриваем стихотворение (касыду) средневекового ученого-теолога Ибн Каййима ал-Джаузийи (1292-1350) из введения к его фундаментальному труду «Ведущий души в края радостей¹⁰», посвященному раю.

В классической арабской традиции система текстов центрична: ее ядро составляет религиозный канон и околосканоническая литература, второй круг – это ученые и философские труды, третий – собственно изящная словесность¹¹. Особенностью рассматриваемого нами стихотворения является то, оно является органичной частью богословского трактата: помимо эстетической, оно выполняет и прагматическую функцию, сочетая в себе различные элементы образа рая и предвзярая своим содержанием основную часть книги.

Мы провели сопоставительный анализ коранических контекстов и хадисов¹² из наиболее авторитетных сборников преданий с касыдой Ибн Каййима, чтобы выяснить, какие именно образы из этих источников нашли в ней свое отражение и как статус религиозного канона повлиял на форму воплощения образов в стихотворении.

Прежде всего, сделаем краткий обзор отдельных элементов описаний рая в Коране и предании.

В Коране описания пространства рая сосредоточены, в основном, на природных элементах ландшафта. В частности, говорится, что в раю есть цветники (42:22), виноградники (78:32), такие растения, как пальма (55:68), гранат (55:68), лотос (56:28), талх¹³ (56:29). В Коране также встречаются упоминания шатров (55:72), комнат¹⁴, дворцов (25:10). У праведников в раю есть супруги¹⁵. Обитатели рая могут лицеизреть¹⁶ Аллаха.

¹⁰ Hādī al-arwāh ilā bilād al-afrāh. Здесь и далее дается упрощенная транскрипция арабских слов.

¹¹ Брагинский, с. 171.

¹² Хадисы – это предание о словах и деяниях пророка Мухаммада. Оно имело устное бытование вплоть до VIII в., когда омейядский халиф ‘Умар ибн ‘Абд ал-‘Азиз (717-720) официально разрешил записывать хадисы.

¹³ В комментарии Крачковского говорится следующее: талх – акация, мимоза или банан. (Коран, пер. И.Ю. Крачковского, с. 619).

¹⁴ 25:75, 29:58, 34:37, 39:20.

¹⁵ 2:25, 3:15, 4:57, 78:33, 52:20; 56:22-24, 35-37; 55:56, 58, 70, 72, 74.

¹⁶ 75:22-23.

Хадисы базируются на понятиях и образах, встречающихся в Коране, однако далеко не исчерпываются ими. Относительно устройства рая, в частности, говорится, что земля там – из мускуса. В хадисах не раз упоминается собрание праведников в раю, где для одних там приготовлено возвышенные места (minbar) из света, или жемчуга, или яхонта, или хризолита, или золота, или серебра, а другие будут сидеть на бархане мускуса и камфары. О лицеизрении Аллаха в хадисах говорится неоднократно и подробно.

Теперь перейдем непосредственно к параллелям, найденным нами в касыде: в 4 строке стихотворения упоминаются шатры и цветники. О шатрах как жилищах обитателей рая говорится в Коране (55:72), а также в хадисах¹⁷. Упоминание цветников встречается в контексте 42:22 и в предании¹⁸.

Значительное место в рассматриваемом нами стихотворении занимает тема приближенности обитателей рая к Всевышнему. Так, в 8 строке говорится, что там «взоры лицеизреют Аллаху открыто (jahratan)». Об этом упоминается в Коране¹⁹ и предании²⁰.

Важной частью касыды является описание возлюбленной, которая в рамках данного контекста, по-видимому, отождествляется с райской супругой. Так, в 10 строке дается следующее описание: «...Если она улыбнется, свет озарит его [рай – Л.Н.] восхода ярче». Сияние как один из неотъемлемых атрибутов обитателей рая упоминается в Коране²¹, а также предании²².

Описание рая встречается в 16-17 строках: «Глаз радуется ему [раю – Л.Н.], когда смотришь на него: фруктам различным <...>, гроздям винограда, райским яблокам и гранатам ...». Об изобилии различных плодов говорится в Коране (77:42, 56:20, 32-33; 52:22).

В строках 34-35 идет речь о месте собрания праведников в раю, где «что хочешь бери без платы за это». Об этом говорится в хадисах²³.

Развернутое описание рая встречается в строках 37-39: «Спешите туда в долину благоуханную: земля в ней – из самого ароматного мускуса. Возвышенные места (manābir) там из света, серебра и чистейшего золота, которые не разрушаются, и барханы мускуса, сделанные для

¹⁷ Хадис в передаче Абу Зарра. Сахих Бухари. Сахих Муслим.

¹⁸ Хадис в передаче Абу Хурайры. Суанн Ибн Маджа.

¹⁹ 75:22-23. Сюда же примыкают контексты 2:55-56 и 4:153.

²⁰ Более подробно об этом см. ниже в комментарии к строкам 40-43.

²¹ 75:22, 83:24.

²² Хадисы в передаче Абу Хурайры. Сахих Бухари. Сахих Муслим. Суанн Тирмизи. Суанн Ибн Маджа.

²³ Хадис в передаче Абу Хурайры. Суанн Ибн Маджа.

сидения тем, кто ниже обладателей возвышенных мест (manābir)...». Об этом говорится в предании²⁴.

В строках 40-43 снова говорится о лицезнении Аллаха: «В то время, как они увлечены своей жизнью и радостью <...>, вдруг сияющим светом озарились сады со всех сторон <...>: явился им Господь небес открыто...». Похожее встречается в предании²⁵.

Далее, в строках 44-46, говорится: «Он <Аллах> сказал: "Просите Меня, о чем пожелаете, ведь всё, чего вы захотите, – у Меня <...>". О том, что для праведников в раю – всё, что они пожелают, говорится в Коране²⁶, а также в хадисах²⁷.

Как явствует из проведенного сопоставления, рассмотренное нами поэтическое произведение с точки зрения лексики опирается на Коран, тогда как развернутые описания рая большей частью основываются на хадисном материале. Кроме того, все проанализированные нами образы, составляющие картину рая в этом стихотворении, по своему содержанию и даже структуре практически не отличаются от тех, которые зафиксированы в религиозном каноне, что позволяет отнести данную касыду к произведению, в котором превалирует прагматическая функция.

Литература:

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 2001.
2. Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.
3. Брагинский В.И. Проблемы типологии средневековых литератур Востока. М., 1991.
4. Al-Bukhārī, Sahīh, <http://www.al-eman.com/hadeeth/viewtoc.asp?BID=13>.
5. Ibn Māja, Sunan, <http://www.al-eman.com/Hadeeth/viewtoc.asp?BID=4>.
6. Ibn Qayyim al-Jawziyya, Hādī al-arwāh ilā bilād al-afrāh, <http://islamport.com/w/qym/Web/3184/1.htm>.
7. Lane E.W. An Arabic-English Lexicon, <http://www.studyquran.co.uk>.
8. Al-Qurʿān al-karīm, Dimashq, 1984.
9. Muslim, Sahīh, <http://www.al-eman.com/hadeeth/viewtoc.asp?BID=1>.
10. At-Tirmidhī, Sunan, <http://www.al-eman.com/Hadeeth/viewtoc.asp?BID=9>.

²⁴ Хадис в передаче Абу Зарра. Сахих Бухари. Сахих Муслим.

²⁵ Хадис в передаче Джабира ибн 'Абдаллаха. Суанан Ибн Маджа.

²⁶ 16:31, 25:16, 39:34, 21:102, 50:35.

²⁷ Например, хадис в передаче Бурайды ибн ал-Хусайба. Суанан Тирмизи.

Особенности развития японской поэзии танка в эпоху Муромати

Ремизникова Елена Владимировна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Эпоха Муромати (1392-1573) стала последним значительным периодом в истории развития классической поэзии пяти строк – танка. Между тем, это время было отмечено многими изменениями в художественной форме стихотворных произведений и появлением немалого числа литераторов, привнесших новые взгляды в поэзию вака. Стили школ Рэйдзэй и Кёгоку, сформировавшиеся в это время, представляли собой альтернативу ортодоксальному стилю школы Нидзё. В произведениях этих школ сделан акцент на поисках новых методов выразительности, живой, непосредственной художественной формы, в них начинается ощущаться сдвиг от отрешённого мировосприятия в сторону большего внимания к внешнему миру и к внутреннему миру субъекта.

Одним из писателей этого времени, чьё творчество до настоящего времени вызывает противоречивые отклики, является Сётэцу (1363-1459), выходец из поэтической школы Рэйдзэй. В настоящее время большинство литературоведов признают Сётэцу значительной фигурой своего времени, ставя его в один ряд с другими выдающимися писателями и драматургами того же периода. Однако интерпретация наследия Сётэцу и его влияния на последующую литературу до сих пор представляет сложность. Можно встретить взаимоисключающие примеры критики, например, обвинения в эпигонстве наряду с обвинениями в чрезмерно вольном обращении с традицией и в новаторстве. В связи с этим целесообразным представляется уделить больше внимания анализу его художественного метода, тем поискам, которые у него предпринимались.

Творчество Сётэцу, в действительности, содержало в себе много противоречий, порождённых переходным характером самой эпохи. Воспринятый ещё от школы Рэйдзэй реформаторский настрой, поиски в направлении совершенствования художественной формы воссоединились у Сётэцу с его личной установкой на поддержание преемственности с классической традицией, на создание крепкой связи с её корнями.

Сам Сётэцу позиционировал себя как классика, возрождающего исконный облик поэзии. Сётэцу расценивал современное ему состояние поэзии Вака как упадок, и его не устраивал ни чрезмерно формализовавшийся ортодоксальный стиль школы Нидзё, ни крайне радикальный подход к видоизменению поэтической традиции в школах Рэйдзэй и

Кёгоку. В связи с этим Сётэцу поставил перед собой задачу возродить исконный облик поэзии, вернуть поэзию в русло развития и трансформации через возвращение к классической традиции в её неискажённом виде.

Между тем, творчество Сётэцу не стало чистым копированием классических авторов, он создал свой обособленный художественный метод. Его стихи отличает любовь к изобретению новых сравнений и метафор, ранее не существовавших в поэтической традиции. Также он часто прибегал к усложнённой фразеологии и замысловатому сплетению образов, что делало его стихи трудными для восприятия. Раздробленность композиции, в которой писатель пытался совместить разноплановые мотивы, - ещё одна из черт его стихов, которая придавала им содержательную неопределённость. В идейной плане отмечается глубокое проникновение дзэнской философии.

В особенности важную роль в формировании художественного метода Сётэцу играло его обращение к творчеству Фудзивара Тэйка (1162-1241). Сётэцу многое объединяло с Тэйка, это и переходный характер их творчества, попытка реформировать существующий строй поэзии и даже положение, занимаемое ими в литературных сообществах своего времени, отношение к ним их современников. Сётэцу сознательно попытался реконструировать художественный метод Фудзивара Тэйка, воспользоваться его опытом для трансформации поэзии. Сходство между ними можно обнаружить в использовании поэтического приёма «хонка-дори» (опора на изначальных стих) и в композиционном строе поэзии, интересе к песням «дарума-ута».

У Сётэцу много параллелей и с эпохой Хэйан (794-1185) в целом. В своих работах он вооружается методами раннесредневековой литературы, создаёт новые метафоры и сравнения, переосмысляет хэйанское субъективное начало в поэзии, вновь привносит в поэзию антропоморфизм и даже элементы звукового строя древних стихов. Кроме того, он возрождает раннесредневековую концепцию «югэн», вновь выдвигая её на высшую ступень среди эстетических категорий.

Сётэцу не просто заимствует различные аспекты ранних этапов литературы, в каждый из них он привносит и зёрна новых художественных тенденций. В произведениях Сётэцу важную роль начинает играть поэтика контраста и диссонанса. Достижения Сётэцу лежат и в сфере расширения тематического диапазона поэзии Вака. Сётэцу начал свободно избирать поэтические мотивы для своих стихов и привносить в них соответствующие своему замыслу концепции и идеи. Сётэцу ещё не пытался обратиться к принципиально новым темам, однако ему часто удавалось обнаружить неочевидные аспекты тем или вернуться к старым темам с их последующим развитием и трансформацией. Мно-

гие темы благодаря творчеству этого автора приобрели совершенно новое звучание, во многие он привнёс красочность и фантазийность, углубил их религиозную семантику. К непреднамеренным открытиям Сётэцу относятся и его случайные опыты реалистического отображения действительности, стихи в стиле «ари-но мама».

Особый пласт наследия Сётэцу – это результаты проведённой им исследовательской работы. Сётэцу внёс большой вклад в разъяснение исконных значений поэтической лексики и «заданных тем», выступил как первый систематизатор «заданных тем» и поэтических мотивов.

Многие вышеприведённые аспекты творчества Сётэцу в его время казались экстравагантными или даже порождёнными неверным истолкованием классических памятников. Между тем, в последующие века, для поэтов рэнга и хайкай, именно они зачастую оказывались наиболее актуальными и получали дальнейшее развитие.

Литература

1. *Инада Т.* «Исследования Сётэцу» (Сётэцу-но кэнкю). Тикумасёин, 1978.
2. *Конрад Н.И.* Японская литература. М.: Наука, 1974.
3. *Окадзаки Ё.* О стиле Сётэцу (Сётэцу-но футай). Иванами, 1935.
4. *Фудзихира Харуо.* Исследования поэтических трактатов (Карон-но кэнкю). Пэриканся, 1988.

Музыка и музыканты в персидской касыде XI в.

Слепцов Руслан Николаевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В работе представлены результаты исследования связи музыки и поэзии в персидской касыде XI в., проблемы довольно малоизученной в рамках ближневосточных литературоведческих штудий. Основным источником послужили избранные касыды из Собрания стихов (*дивана*) одного из наиболее ярких представителей персидской литературы XI в. придворного поэта династии Газневидов Манучихри (ум. 1040). Творчество Манучихри было неразрывно связано с дворцовыми праздничными церемониалами и часто служило их поэтическим оформлением, поэтому позволяет наиболее полно проследить характер функционирования мотивов музыки и музыкантов.

С использованием методов контент-анализа в работе выявлены и систематизированы контексты упоминания музыки как одного из постоянных мотивов жанра поздравительных касыд. Мы провели классификацию музыкальных инструментов, ладов, названий песен по час-

тоте их упоминаний в касыдах, а также дали их подробное описание, чтобы нагляднее продемонстрировать традиционный набор музыкальных мотивов, а также их формальные и художественные функции в касыде.

На основе проведенного анализа, можно установить значительную роль музыки в становлении основополагающих жанров ближневосточной поэзии: касыды, газели и маснави, а также в сохранении исконно иранских музыкально-поэтических форм. Музыкальный пласт играет определяющую роль в арабо-персидском синтезе, сформировавшем классическую персидскую поэзию, сохраняя в себе и трансформируя доисламские традиции, этикет и церемониалы древней Персии.

Литература:

1. Divan-e Manuŕehri Damqani. Tehran, 2004
2. *Бертельс*, История персидско-таджикской литературы, М., 1960, 345-346.
3. *Бертельс*, Поэзия в Бухаре X в., История литературы и культуры Ирана, с. 404-406.
4. *Газарян*, В мире музыкальных инструментов, Москва, 1989.
5. *Хакимов*, Музыкальная культура таджиков. Худжанд, 2001.

Оценки влияния конфуцианской этики на поэзию традиционного Китая в современной отечественной синологии

Фролова Елена Сергеевна

Пермский государственный педагогический университет

Хронологические рамки исследования: IV в. до н.э. – VII в. н.э. В центре его внимания – влияние конфуцианской этики на поэзию традиционного Китая на протяжении нескольких веков и даже эпох. Эпоха Чжаньго – «Борющихся царств» (475-221 гг. до н.э.), Хань (206-220 гг. до н. э.), Тан (618-907). Именно в эти времена китайская поэзия достигала наивысшего расцвета.

В научной литературе не существует четкого определения понятия конфуцианская этика. Исследователи употребляют его в более обширном контексте конфуцианства - учения Конфуция (551-479 гг. до н.э.), возникшего в Китае в VI в. до н.э., в котором конфуцианская этика является своего рода синтезатором всего этического, что есть в учении.

Под конфуцианской этикой понимается не столько наука, изучающая общественные нормы поведения и ценностные ориентации, сколько социальная практика. Вспомним родоначальника этики – Аристотеля, ведь именно он обращает внимание на то, что целью этики являются

ся не знания добродетели, а её практическое применение. Конфуцианская этика ориентирована на изучение древних этических норм и реализации их на практике. «Тремя китами» конфуцианской этики являются следующие категории: «жэнь» (добродетель, человеколюбие, гуманность), «и» (долг, справедливость) и «сяо» (сыновняя почтительность).

В трудах самых известных синологов, изучавших литературное творчество Поднебесной, встречаются лишь упоминания о влиянии конфуцианства на литературное творчество китайских поэтов. Проанализировав их, мы смогли выделить общую картину оценки конфуцианства (соответственно и конфуцианской этики) в поэзии Китая, её двойственный, дуальный характер. С одной стороны конфуцианские этические идеи, считают исследователи, тормозят развитие поэзии, с другой стороны именно благодаря конфуцианству она смогла существовать и развиваться.

Первое упоминание, которое дает нам шанс оценивать идеи Конфуция, их этическую сторону как источник творчества китайских поэтов встречается у академика В.М. Алексеева: «В результате его (Конфуция) усилий наступает царство слова, выводящее человека из будничного прозябания в духовную тревогу, сопряженную с любованием и эстетической эмоцией».

Однако именно с его позиции о том, что китайского поэта нельзя называть конфуцианцем, начинает развиваться двойственность оценок. Вслед за ним А.С. Малявин, М.Е. Кравцова, А.С. Мартынов развивают идею о «феномене вариативности индивидуального вероисповедания». Суть этого феномена состоит в том, что человек практически одновременно следовал идеалам и ценностным ориентирам, предлагавшимся столь различными по всем показателям учениями и вероучениями как конфуцианство, даосизм и буддизм. Этот феномен в наибольшей степени нашел свое отражение в жизни и творчестве китайских поэтов.

Китайский поэт эпохи Хань и Тан - это одновременно и высокопоставленный чиновник, почитаемый современниками воплощением конфуцианской благородной личности, даосский адепт, занимавшийся алхимическими практиками и мирской последователь буддизма. Такое положение дел очень затрудняет выявление роли того или иного учения в творчестве китайских поэтов.

Так, например, М.Е. Кравцова считает, что конфуцианские мыслители относились к литературе с позиции «догматико-прагматического подхода». Догматы – нормы и ценности конфуцианской этики, прагматизм – её распространение через «средства массовой информации», письменное слово. Как мы знаем, уже после смерти своего основателя (в эпоху Хань и Тан) конфуцианство стало господствующей идеологи-

ей в Китае. Последователи «Великого Учителя» старались распространить его учение во все сферы общественной жизни.

Произведения искусства наделялись следующими основными функциями: 1) воспитания личности в духе морально-этических ценностей, 2) обязательность, для каждого, кто участвовал или претендовал на участие в делах управления страной (в определенные исторические периоды написание сочинения в форме поэтического произведения входило в программу экзаменов на чиновничий чин, без сдачи которых человек не принимался на государственную службу), 3) содействие упрочению правящего режима через воспевание его достоинств, критику недостатков и пропаганду морально-этических ценностей. Тем самым, в конфуцианстве был строго определен круг художественных тем и мотивов: изложение положений самого конфуцианского учения, показ на примере конкретных исторических прецедентов или современных автору событий «добрых поступков» и «злодеяний», «правильных» и «неправильных» взаимоотношений между людьми.

Произведения искусства, содержание которых не соответствовало этим тематическим ограничениям, не признавались конфуцианскими критиками в качестве таковых или резко порицались. Хрестоматийный пример – их отношение к поэзии любви. Так как чувство любви полагалось эмоцией, наиболее неподконтрольной разуму, а, значит, пагубной для благородной личности, произведения, повествующие о любовных переживаниях мужчины, однозначно считались «развратными» и нарушающим и все нормы благопристойности.

Такой, подход, как сообщает сама М.Е. Кравцова, приводит к несвободе писателя, отвержению индивидуальных, эмоциональных начал в художественном творчестве, ограничению тематики произведений, вплоть до навязывания шаблонов.

Однако М.Е. Кравцова не отрицает и положительных оценок конфуцианства, ведь именно конфуцианским «поэтологическим взглядам» китайская художественная культура обязана своей вековой историей (если считать начало поэтического творчества с момента создания "Канона поэзии", в котором Конфуцием были собраны стихотворные гимны и народные китайские песни IV в. До н.э.).

В поддержку данной позиции выступал А.С. Малявин. В своем фундаментальном труде «Китайская цивилизация» он опровергает теорию несвободы утверждением особой манеры толкования, которая «обязывала видеть в лирике скрытые политические и назидательные мотивы: плач жены, оставленной мужем, воспринимался как протест высоко нравственного мужа против беззакония, картины цветущих персиков и слив – как намек на процветание династии». Соответственно, конфуцианство не отвергало индивидуальные и эмоциональные пере-

живания в поэзии, а лишь придавало им назидательный, этический характер. Другим доказательством, в пользу конфуцианской этики как стимулятора в развитии поэзии, на наш взгляд, можно считать то, что авторы – переводчики китайской поэзии (А.И. Гитович, Л.З. Эйдлин) выделают в них четкую гуманистическую направленность. А именно гуманность – Жень, является основой конфуцианской этики.

Литература

1. *Алексеев В.М.* Китайская литература. М., 1978.
2. *Иванов В.Г.* История этики Древнего мира. СПб., 1997.
3. *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб., 1999.
4. *Кравцова М.Е.* Поэзия древнего Китая: Опыт культурологического анализа. СПб, 1994.
5. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000.
6. *Мартынов А.С.* Конфуцианство. Лунь Юй. В 2 томах. СПб., 2001.
7. *Сухой тростник: Поэзия эпохи Тан.* Пер. Эйдлина Л.З. СПб., 1999.

Основные тематические направления в творчестве китайского поэта Хай-цзы (1964-1989)

Цыбикова Валентина Владимировна

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Одним из ярких представителей китайской литературы 1980-х гг. XX в. является поэт Хай-цзы. Несмотря на короткий жизненный путь, поэт оставил огромное поэтическое наследие и, тем самым, внес заметный вклад в развитие современной китайской литературы. Это один из немногих поэтов, чье творчество по сей день вызывает споры и полемику у многих китайских и зарубежных литературных критиков. Хай-цзы обладал своеобразной философией, которую смело воплощал в своем творчестве.

Касаемо его тематической направленности и художественного своеобразия, здесь наиболее ярко выделяются три аспекта. Ведущей темой его творчества является тема родины. Главным фактором, определившим выбор данной тематики, является происхождение поэта. Он родился в уезде Хуэйнин провинции Аньхой, где и прожил пятнадцать лет вплоть до поступления в университет. Чувства поэта, связанные с родиной, деревней, воплощаются в его творчестве очень богато и разнообразно, а порой даже и противоречиво, приобретая двусмысленность. С одной стороны, родина для поэта была основой его жизни и творчества, началом начал. Хай-цзы олицетворяет деревню с матерью-

землей, сестрой-красавицей, священной землей, тем самым, выражая свою почтительность и уважение.

...В деревне живут
Мать и сын
Сын потихоньку вырос
Мать потихоньку смотрела
Пух камышовый бурьяном
Деревня – это белая лодка
Мою сестренку зовут камыш
Моя сестренка очень красива...

(«Деревня»)

С другой стороны, это одинокая и нагая родина, наполненная чувством печали и горести, тоски и отчаяния. Вышедший из деревенской среды Хай-цзы, конечно же, знал и пережил все трудности и беспроблемные тяготы крестьянской жизни:

...Зерно пшеницы земли нагота
Нагота земли на родине так одинока
Сижу на земле, позабыл о провизии, неурожай или полнота горести
Глубь житницы выплюнула одно искреннее стихотворение
Вопрос родного человека
Счастье не свет лампы
Счастье не может осветить большую землю
Даль земли прозрачно вырезала
Горечь...

(«Поле пшеницы»)

Другая не менее важная тема его творчества – тема любви. Ранним произведениям данного направления присуща влюбленность, легкость и эйфория. Однако же в стихотворениях позднего периода творчества Хай-цзы раскрываются истинные чувства, в основном это: горечь, печаль, тоска, безысходность. Возможно, это результат неудачного опыта любви в реальной жизни поэта.

...Твои руки
на нем
озаряют их
Потом было утро после расставания
В свете зари
Я поднес чашку каши
Вспомнил разделяющий горы и реки
Север...

«Твои руки»

... Попытался сохранить первую каплю росы
Конечно, связанную с твоим любимым человеком...

...приостановил мгновение,
Тоже связанное с ней...

(«Твои руки»)

Своеобразно выражается в творчестве Хай-цзы и третий аспект – тема смерти. Смерть в философии поэта была лучшим способом жизни и, рассматривается как продолжение лучшей жизни, что есть на земле. В стихотворениях о смерти часто встречается художественный образ солнца, который, в свою очередь, олицетворяет образ короля небесного царства поэзии.

...Бутоны расцветают в священной родине

Как поэт, у которого сон - это лошадь

И безграничной ночью длиною в жизнь этот огонь достигнет нирваны

Стать солнцем жизни – вот мой долг

Солнце всегда несравненно

Его блеск неподражаем

Солнце – несравненный блеск несравненный

Свет

Как поэт, у которого сон – это лошадь

А затем меня разбудит священное и нетленное солнце сумрака

Солнце – это мое имя

Солнце – это моя жизнь

Вершина солнца погребена тело поэзии – вечное царство...

(«Родина, или сон-это лошадь»)

Произведения данной тематики отражали жизненные и творческие устремления поэта, сводившиеся к единому: стать королем небесного царства поэзии. В этом поэт видел смысл своей жизни и смысл своей смерти.

Литература

1. Гао Бо. Цзеду Хай-цзы (Толкование Хай-цзы). Куньмин, 2003.
2. Завидовская Е.А. Постмодернизм и современная китайская литература. // Проблемы Дальнего Востока, №2, 2003.
3. Ли Синьюй. Чжунго дандай шигэ ишу яньбяньши. (Эволюция современной китайской поэзии). Ханчжоу, 2000.
4. Цыренова О.Д. Китайская литература 1980-х годов. // Вестник Бурятского государственного университета. Серия 18. Востоковедение, №1, 2005.
5. Хай-цзы. Хай-цзы дэ ши (Стихотворения Хай-цзы). Пекин, 2006.

Путевые заметки как вид литературы на языке хауса

Ширенкова Екатерина Викторовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Литература на языке хауса 30-х гг. XX в. имеет большое значение в истории становления хаусанской словесной традиции. Еще до установления британской колониальной власти, в обществе хауса существовала устная традиция. Произведения устного творчества делились на сказки (*tatsuniya*), поэтическое творчество (*waka*) и фантастический рассказ (*labari*). Нам известно о письменных литературных произведениях хауса, созданных Усманом дан Фодио, его братом Абдуллахи, сыном Мухаммадом Бело и дочерью Нана Асмау, в первой половине XIX в.

С 1930-х гг. началась работа над созданием «массовой» художественной литературы на языке хауса.

В 1930 г. было создано Бюро переводов в Зарии, под руководством Руперта Иста. Ист предложил сотрудникам и учащимся колледжа Кацины (единственного в то время колледжа Северной Нигерии) написать повести, а затем лучшие из них опубликовать. Они же и стали первыми оригинальными произведениями художественной литературы на языке хауса. Самыми известными из опубликованных произведений стали «Живая вода» Абубакара Имама, «Гандоки» Бело Кагара, «Шейх Умар» Абубукара Тафава Болева.

Благодаря работе Бюро, читатели-хаусанцы познакомились с произведениями европейской художественной литературы, например, «Двенадцатая ночь» В.Шекспира.

В настоящее время существует большое количество художественных произведений на языке хауса, включая социальные, любовные романы, детективы, пьесы, идущие на сцене местных театров, стихотворения, поэмы. Местные радиостанции уделяют большое внимание знакомству слушателей с этими произведениями. В Нигерии существует Союз писателей, пишущих на языке хауса, который издает два журнала: «Творчество» («Magubuciya») и «Читатели» («Makaranta»).

Первым произведением на языке хауса с которым познакомились европейские читатели, помимо фольклора, был записанный немецким исследователем Фридрихом Шеном, рассказ хаусанца Доругу о его путешествии в Мекку.

В 1950 г. были опубликованы путевые заметки основоположника современной литературы хауса Абубакара Имама, о его путешествии в Англию.

Но наиболее ярким подобным произведением является книга Амину Кано «Движение лучше сидения на месте». Автор (род. в 1920 г.)-

политический деятель, по происхождению фулани, в прошлом лидер партии Союз прогрессивных элементов Севера. Окончив после войны учительский колледж в Кадуне, Амину Кано некоторое время преподавал в таком же колледже в Баучи, а осенью 1946 г. был послан в Европу, где одновременно в продолжении учебы представлял Нигерию в международной организации скаутов. По возвращении он целиком посвящает себя общественной деятельности (становится секретарем Союза учителей Северной Нигерии). Он участвует в лондонской конституционной конференции 1951 г. и играет заметную роль в политической жизни Северной Нигерии как до переворотов конца 60-х гг., так и после них.

В его книге «Движение лучше сидения на месте» показано столкновение двух разных мировоззрений: с одной стороны, африканский общинный коллективизм, а с другой, западная разобщенность людей, погруженность каждого в свои собственные дела, и отсутствие интереса к окружающим. «Даже никто и не подумал нас встретить в аэропорту» – первое на что обращает внимание автор прибыв в Лондон. Амину Кано делится: «Что с самого начала удивляет в их характере - это молчаливость. Всякий только своим делом и занят и ни на что больше внимания не обращает. Например, едут человек сто в поезде или в автобусе, но лишь некоторые разговаривают друг с другом. А если ты вдруг к ним обратишься, то они даже сердятся. Ты ведь привык к чему? Встречаешься с человеком, ты его даже не знаешь, и он тебя тоже, а ты его приветствуешь. Но если ты так поступишь в Англии, то тебе вряд ли ответят. А если и ответят, то сквозь зубы и не глядя». Так же молодого нигерийца задело безразличие лондонских таксистов, вот что он пишет об одном из них: «Этот шофер был словно глухонемой. Нет, что б ему обернуться и посмотреть здесь ли мы, все ли с нами в порядке? Даже этим он нас не порадовал».

Амину Кано отмечает: «Куда ни посмотришь – дома, и все закрыты», и что в лондонском пригороде « у каждого свой дом, отгороженный от дома соседа». Автор так же отмечает и положительные стороны: «Какой бы пост человек не занимал, с ним легко можно было встретиться».

В Лондоне он любит путешествовать по городу: он обошел практически весь магаполис, так что в конце концов становится одним из лучших знатоков английской столицы. Автор с гордостью отмечает, что однажды даже помог своему преподавателю – жителю Лондона добраться до нужного ему места.

О жителях Лондона Амину Кано пишет: «Есть у них и хорошие привычки, есть и плохие... Вот, скажем, их манера курить трубки. Едешь в поезде, теснота, духота, и тут каждый обязательно вытащит

изогнутую трубку и давай пускать дым. Другой источник вреда – спички. Я не видывал людей столь небрежно обращающихся со спичками. Человек чиркает по пять спичек подряд, они гаснут, трубка не зажжена, а он болтает...»

Однако неприятие некоторых сторон жизни европейцев не мешает ему устанавливать с ними дружеские контакты: «В лондонских пригородах у меня было бесчисленное множество друзей и знакомых. Я был в домах крестьян, торговцев, учителей, рабочих, пенсионеров. Амину Кано подолгу гостит в семьях этих людей, помогает по хозяйству. Преодолевая замкнутость англичан, он знакомится с ними даже на улицах.

Особо следует отметить язык произведения, в котором присутствует большое количество инверсий, риторических вопросов, метафор, восклицаний, что и делает рассказ Амину Кано незабываемым. Недаром эта книга выдержала восемь изданий и известна практически любому образованному нигерийцу.

О языке Азари и древнем населении Азербайджана

Абилов Джейхун Вафаил оглы

Волгоградская Академия государственной службы

Сведения о населении исторического Азербайджана и языке его жителей до отуречения области в эпоху Сельджукидов (с XI в.) и более поздних тюрко-монгольских миграций в регион, немногочисленны и относятся, главным образом, к рубежу I и II тыс. н. э. Дошедшие до нас упоминания арабских географов о характере населения Азербайджана позволяют сделать ряд предположений. Во-первых, имея в виду данные Ибн-Хаукаля (977 г.), который противопоставляет «фарси» и «азари» языкам горцев Кавказа, можно сделать вывод о том, что язык населения Азербайджана принадлежал к иранской группе. К другим данным, подтверждающим этот тезис, относится перечисление арабским историком Ма'суди (943 г.) иранских наречий региона, где наряду с «дери» и «пехлеви» стоит и «азари». Между тем мы можем говорить и о том, что иранский язык «азари» был отличен как от среднеперсидского, так и новоперсидского языка мусульманского Ирана. В пользу этого утверждения уместно привести высказывание арабского писателя более позднего периода Якута (1179-1229 гг.) о том, что язык азербайджанцев, называемый «азари», непонятен никому, кроме них самих.

Другой задачей, решение которой – цель данной работы, является определение изоглоссы языка «азари» на территории Азербайджана. Одним из первых, кто сделал предположение на эту тему, был советский иранист Борис Всеволодович Миллер, автор монографии «Талышский язык» (1953). Ученый утверждал преемственность талышского языка (а также других диалектов тати-талышской группы: хельхали, каджали и др.) и языка «азари». Ученый локализует язык в регионе восточного и северо-восточного Азербайджана, но не западного. Однако точка зрения о расселении иранцев Азербайджана исключительно на востоке не может быть принята сегодня как верная.

Иранские диалекты Азербайджана, за исключением прикаспийского региона Талеш (Республика Азербайджан и ИРИ), представляют собой анклавы среди абсолютного тюркского большинства (азербайджанцы-тюрки Ирана). Эти диалекты: Хельхали (округ Хельхал), Шахруди, Каджали, Гелин-Кайа, Харзанди и некоторые другие, объединяемые в группу под названием «тати» (не путать с татским языком Ширвана). Иранские диалекты существуют и намного восточнее: в округе Казвина. Все они большинством иранистов (Эхсан Яршатар,

Хеннинг) признаются диалектами, чрезвычайно близкими талышскому языку. При этом особенно важно отметить, что, скажем, диалект Харзанди, представляет собой анклав западнее Ардебилля. Если учитывать за языками тати-талышской группы преемственность по отношению к языку «азари», то тезис о восточной локализации ставится под сомнение. Но пунктом более значительным, окончательно опровергающим гипотезу Миллера, является существование вплоть до 19 века в Нахичевани килитского языка. Этот язык, выявленный Зелинским в 19 веке, обнаруживает чрезвычайную близость с талышским, при этом являясь самостоятельным языком. Анализ языка проведен в статье М. Керимова «Килитский язык». Исходя из полученных данных становится совершенно ясно, что ареал распространения языка «азари» не ограничивается востоком Азербайджана, но расширяется далеко на запад, по крайней мере до Ордубадского района Нахичеванской области, где килитский язык был выявлен. Примечательно, что даже система числительных в килитском языке сохраняет характерные древние черты, например, число три: *xe* показывает характерное северо-западное развитие *x* (*h*) от протоиранского *thr-* в отличие от юго-западного *s* (ср. заимствованное из персидского талышское *se*).

Важнейшей задачей данной работы, несомненно, является систематизация сведений о языке «азари» и обоснование его связи с языком талышским. Мы не располагаем сегодня какими-либо серьезными текстами на языке «азари». Скудные данные, выявленные иранским ученым начала XX века Ахмадом Сейидом Кесрави, представляют собой 18 коротких текстов, 14 из которых (рубай) приписывают ардебильскому суфийскому шейху, основателю династии Сефевидов – Сефи-уддину Исаху (1252-1334 гг.), один – хельхальцу, жителю Хельхаля, население которого талышеязычно и сегодня, и, наконец, последний – женщине из округа Ардебилля. Тексты были обнаружены в Сафват-ус-Сафа – сочинении-биографии Сефи-уд-дина, а также в «Сильсилей-насабе-Сафавийей» Ибн Баззаза Таваккуля, сочинении, которое описывает генеалогию Сефевидов (правление с1501/1502 по 1722), персидской династии, теснейшим образом связанной с Ардебилем.

Согласно исследованиям Эхсана Яршатера, на труд которого мы опирались в работе, талышский язык и диалекты тати являются прямыми потомками языка «азери». В *Encyclopaedia Iranica* (Chapter VII The Iranian Language of Azerbaijan), ученый, после подробного анализа лингвистических особенностей «азари» (*Ādārī*), заключает: «Диалекты Азари наших дней. Несмотря на продолжавшийся в течение веков упадок, Азари не исчез вовсе, и его потомки обнаруживаются в современных диалектах, преимущественно называемых Тати, которые имеют широкий спектр фонетических и грамматических особенностей. Пере-

числя с юга на запад, это: <...>, диалекты округа Хельхаль, селений Шахруда, <...>, талышских диалектов Шандермана и Советского Талыша...»

Данная тема представляется актуальной по той причине, что общего системного исследования в этой области произведено не было. История ираноязычных народностей Azerbaijan была обойдена вниманием востоковедов. Исключение составляют лишь немногие труды, без опоры на которые, данная работа была бы невозможна. Исследования в этой области могут помочь в восстановлении общей картины истории и культуры иранцев исторического Azerbaijan, основное население которого сегодня составляют азербайджанские турки. Эти исследования могут также пролить свет и на этногенез современных азербайджанцев, которые являются ассимилирующим этносом и в наши дни.

Литература

1. Керимов М. Килитский язык. www.lingvoforum.net
2. Миллер Б.В. Талышский язык. М., 1953
3. Henning W.B. The Ancient Language of Azerbaijan. // Transaction of the British Philological Society, p. 157-177, 1954
4. Yarshater, E. Encyclopaedia Iranica: Chapter VII The Iranian Language of Azerbaijan.

Аспекты оптимальной языковой глобализации (на примере армянского языка)

Акопян Арменуи Ашотовна

Международный институт менеджмента ЛИНК

Данная работа ставит своей целью систематизировать уже имеющиеся исследования о происхождении, развитии, употреблении западноармянского и восточноармянского языков и провести сравнительный анализ, а также оценить возможность принятия одного из них, как единого языка для всех представителей нации, тем самым представить его как основу для оптимальной языковой глобализации армянского языка.

Одним из аспектов языковой глобализации является то, что все носители этого языка, вне зависимости от того, на каком диалекте они говорят, имеют конкретные представления и знания о литературной норме этого языка, образцовой и устойчивой.

В настоящее же время в масштабе армянского языка существует некое размывание литературной нормы, так как существуют две формы новоармянского литературного языка (или две диалектные группы

армянского языка): западный (аревмтахайерен) и восточный (аревелатахйерен). Исторически сложилось так, что границы их употребления в мире чётко установлены: западный вариант – Ливан, Сирия, Турция, Египет, Ирак, США, Канада, Бразилия, Уругвай, европейские страны; восточный вариант – Армения, территория СНГ, Иран. И это в некоторой степени усложняет вопрос об употреблении единого нормированного литературного языка всеми представителями армянской нации вне зависимости от отдалённости их пребывания от исторической родины.

Расхождения между восточным и западным литературными языками незначительны (в отличие от разговорных диалектов). Главное различие между западным и восточным вариантами языка в том, что в западноармянском произошло вторичное оглушение звонких взрывных: *b, d, g* перешли в *p, t, k*.

В соответствии с различными подходами к классификации диалектов насчитывают от 36 до 51 диалектов армянского языка. Но для подавляющего числа диалектов армянского языка характерны: консонантизм (созвучие согласных в слове); 7 падежей, 8 типов склонения, 5 наклонений, 2 типа спряжения, 7 причастий; 3 залога (активный, пассивный, средний), 3 лица (вкл. двоичное), 3 числа; 3 рода (м.р., ж.р., ср. р.) в западном диалекте; в восточном диалекте категория рода отсутствует; 3 вида действия у глаголов (совершенное, несовершенное, подлежащее совершению). В парадигме имени преобладают синтетические формы выражения грамматического значения, а в парадигме глагола – аналитические.

На территории современной Республики Армения (РА) существуют многочисленные диалекты армянского языка, сильно отличающиеся на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях как друг от друга, так и от литературного языка. Но носители различных диалектов осознают, что это лишь разновидности единого восточноармянского языка, который является государственным для РА. Что же касается многочисленной диаспоры, то из-за отсутствия образования и общения на восточноармянском языке, она не воспринимает свои диалекты как ответвления единого нормированного языка.

Определение аспектов оптимальной языковой глобализации, а также той ступени глобализации, на которой находится язык, позволит выявить, какие шаги должны быть предприняты для полной реализации функций литературного языка.

Литература:

1. Джаукян Г.Б. Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978.
2. Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. Москва, 1971.

3. Godel R. An introduction to the study of classical Armenian. Wiesbaden, 1975.
4. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
5. Бенвенист Э. Проблемы армянского консонантизма. М., 1961.

Некоторые аспекты стандартизации письменной и устной речи в современном хауса. Роль английских и французских заимствований

Вереземская Александра Сергеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель данной работы – проследить специфику взаимодействия языка хауса с государственными языками Нигера и Нигерии, т.е. тех стран, где он широко распространён, а именно с английским и французским языками. В результате этого взаимодействия в среде образованных людей, которые по большей своей части являются билингвами, возникают особые формы речи, которые воспринимаются средствами массовой информации в качестве эталонной речи конкретного района. Всё это придаёт используемому языку хауса различные стилистические и лексические ареальные характеристики, на которых хотелось бы подробно остановиться.

Язык хауса является вторым по распространенности в Африке. Страны с наибольшим количеством носителей – Нигерия и Нигер, причём Нигерия ранее являлась английской колонией, Нигер – французской.

Своим широким распространением за пределами этих двух стран хауса обязан активному торговому потенциалу этноса, а также, по мнению некоторых исследователей, высокой способностью к межэтнической коммуникации. На сегодняшний день носители языка хауса живут также в Гане, Того, Бенине, Судане, Камеруне и Буркина-Фасо. Кроме того хауса широко используется как язык межэтнического общения практически во всей Западной Африке.

Так как основная масса носителей хауса проживает на территории Нигерии и Нигера, то речь пойдёт о развитии и стандартизации письменной и устной речи именно в этих странах. В первой половине XX в., в период колониальной зависимости, и в постколониальный период в хауса активно проникали разнообразные заимствования, в основном необходимые для описания тех реалий, которых ранее не было в данном социуме (т. н. «культурные заимствования»). Характер этих заимствований на территории Нигера и Нигерии, естественно, различа-

ется – в первом случае заимствования происходят из французского, во втором – из английского языков.

Специфика заимствования слов и выражений может зависеть от особенностей колониального правления – прямого (английский вариант) и косвенного (французский). В то время как английскими властями активно поощрялось собственно изучение и развитие местных языков, французская система не уделяла этому внимания, что и привело к гораздо большему количеству прямых культурных заимствований в нигерском хауса. В то же время в нигерийском хауса существует огромное количество описательных переводов и калек с английских понятий и выражений, что предохраняет его от переполнения видимыми заимствованиями (также и с фонетической точки зрения). Примеры:

Нигер - Нигерия - перевод:

abiyoo (фр. avion) - jirgin sama (лодка неба в дословном переводе) - самолёт;

akasidan (фр. accident) - had'ari - авария, несчастный случай;

tambur (фр. timbre) - kan sarki (голова эмира, правителя в дословном переводе) - почтовая марка;

askaliye (фр. escalier) - mataki (имя места от глагола ступать) - лестница.

Все больше увеличивающееся различие между активной культурной лексикой нигерского и нигерийского хауса, связанное с отличием языков-суперстратов, приводит к тому, что рядовые носители языка перестают понимать друг друга (или недопонимают) в некоторых сферах жизни. Примеры:

Нигер – Нигерия – перевод:

lokotoro (фр. le docteur) – likita (англ. doctor) – врач;

beeloo (фр. velo) – keke (англ. bicycle) – велосипед;

ut (фр. aout) – ogast (англ. august) – август;

aboka (фр. avocat) – lauya (англ. lawyer) – адвокат;

arazuwar (фр. rasoir) - reza (англ. razor) – безопасная бритва;

suhule (фр. sifflet) – usir (англ. whistle) – свисток, и так далее.

Вопросы терминологии при изучении японских «айдзути»

Горохова Т.Н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В традиционном понимании «айдзути» – это своеобразные контактоустанавливающие и некоторые другие элементы. Они не являются уникальным явлением, свойственным исключительно японской устной диалогической речи. Однако именно в японском языке их характеризу-

ет богатый лексический состав и высокая частота употребления коммуникантами в ходе диалогического общения, что позволяет считать «айдзути» одной из отличительных особенностей японского языка.

Тем не менее, среди исследователей данного явления все еще отсутствует единая терминология и нет консенсуса относительно того, какие действия коммуникантов следует рассматривать в качестве «айдзути».

При выработке рабочего определения с целью дальнейшего изучения «айдзути» японского языка автором были рассмотрены наиболее близкие теме исследования работы отечественных и зарубежных лингвистов.

Большинство определений отечественных ученых не подходит по следующим причинам:

1. В них отсутствует разделение на «слушающего» и «говорящего» при употреблении в диалоге «релятивов» («коммуникативов», «контактоустанавливающих элементов» и др.) – данным инструментом устной диалогической речи может воспользоваться как «слушающий», так и «говорящий».

2. Происходит смешение «релятивов» («коммуникативов», «контактоустанавливающих элементов» и др.) с формулами речевого этикета.

3. Не проводится граница между «релятивами» «слушающего» («коммуникативами», «контактоустанавливающими элементами» и др.) и его ответами на вопрос собеседника, сигнализирующими о происходящей смене ролей коммуникантов.

В свою очередь, японские исследования опираются, главным образом, на народные представления об «айдзути»: изучаются короткие ритмичные положительные вокализации «слушающего» в ходе устного диалогического общения, а также его утвердительные кивания головой.

В то же время, среди японских лингвистов встречаются независимые от народных стереотипов подходы к категории «айдзути», акцентирующие внимание на функции управления разговором со стороны «слушающего».

Основными преимуществами работ англоязычных исследователей представляются их попытки разграничить «слушающего» и «говорящего» при употреблении «сигналов второстепенного канала информации», использование комплексной методологии с привлечением данных социологии и психологии.

При составлении своего собственного определения автор опирался на теорию американского ученого В. Ингве о «*back channels*» («сигналы второстепенного канала информации», англ.), идеи японской исследовательницы А.Миядзи об «укэкотаэ» («ответные реакции слушаю-

щего», яп.), а также тщательный анализ работ отечественных и других зарубежных исследователей.

В результате анализа существующих концепций мы сочли возможным предложить термин «сигналы слушающего» и определение этой категории для изучения японских «айдзути» (а также аналогичной им категории в других языках):

Сигналы слушающего – это система вербальных и невербальных знаков, используя которую слушающий, принимая во внимание (но не подчиняясь им!) контактоустановительные действия говорящего и стиль его рассказа (в первую очередь, ритмику дыхания, фонетические минимальные предикации, заключительные паузы, просодию, тематику разговора, мимику, изобразительную и прочую жестикуляцию) влияет на дальнейшее развитие разговора, не выходя при этом за рамки коммуникативной роли «слушающего». Сигналы слушающего не обладают функцией захвата инициативы ведения разговора, не являются ответами на вопрос, этикетными формулами приветствия, благодарности, прощания и т. п.

В качестве вербальных сигналов слушающего используются: первообразные односложные и многосложные междометия (собственно лексические единицы айдзути), эмотивно-оценочные междометия, реплики-реакции на услышанное, уточняющие вопросы, переспрашивания, подсказывания, повторы за говорящим, междометия или слова, сигнализирующие о желании слушающего прекратить обсуждение затрагиваемой тематики, но при этом не являющиеся требованием «передать слово» с целью высказаться самому. К последней группе принадлежат и «нулевые» сигналы слушающего – своеобразная «блокада» говорящего, вплоть до его полного игнорирования.

В качестве невербальных сигналов используются движения головы, улыбка, смех, взгляд, мимика, жесты.

Литература

1. *Раздорский А.И.* Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1981.
2. *Yngve, Victor H.* On getting a word in edgewise. Chicago Linguistic Society, 6th, 1970, p. 567-568.
3. *Кубота Маюми.* Айдзути ва хито-о икасу. Атарасий комюникэсён-но сусумэ. Косайдо сьуппан, 2001.
4. *Мидзутани Нобуко.* Айдзути рон. Нихонгогаку. 12 гацуго. Vol. 7, 1988. Мэйдзи сёин.
5. *Миядзи Ацуро.* Укэкотаэ. Кокугогаку. 39, 1959.

Сленг в Кении: Особенности номинаций лиц в шенге

Дорохина Мария Олеговна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Молодежный сленг является средством общения большого количества людей, условно объединенных возрастом. Носителями сленга являются, как правило, люди 12-30 лет. Сленг охватывает практически все области жизни, описывает практически все ситуации. Сленговое слово рождается как результат эмоционального отношения говорящего к предмету разговора. Сленг – это постоянное словотворчество, в основе которого лежит принцип языковой игры. Нередко именно комический, игровой эффект является главным в сленговом тексте. Молодому человеку важно не только «что сказать», но и «как сказать», чтобы быть интересным рассказчиком.

Разумеется, такая речь, имеющая множество подтекстов, часто непристойного свойства может использоваться только в неформальном общении равного с равным, т. е. имеет довольно строгие границы уместности и адекватности.

Ярким примером сленга в рамках языка суахили¹ является шенг, появившийся и стремительно развивающийся в городах Кении. Можно сказать, что это некий гибридный язык, основанный на суахилийской грамматике.

Шенг охватывает огромное количество номинаций со значением лиц, так как использование такого языка является признаком принадлежности к особенной группе людей, члены которой должны быть четко охарактеризованы в самом сленге. Так, в шенге используется более тридцати слов для названия девушки (banana, mkuki, kirenge, kipusa, kago, chikii и т.д.), более двадцати терминов, относящихся к представителям полиции (sonyi, ponyi, karai, flik, ako, pai и т.д.²).

Такое разнообразие слов, имеющих сходное значение, связано с секретной функцией номинаций в шенге. Как только данная номинация становится известна большому количеству людей, создается новая, которая может в течение некоторого времени служить своеобразным секретным кодом.

В целом номинации, обозначающие человека, представленные в шенге можно разбить на несколько тематических групп:

- номинации, называющие родственников, как правило, родителей (badili «отец», anti «тетя»)

¹ Суахили – один из крупнейших языков Восточной Африки, принадлежащий к группе банту.

² Ileri Mbaabu, Kipande Nzunga, Sheng-English Dictionary, TUKI, Dar es Salaam, 2003.

- номинации со значением профессии
(*mati* «медсестра», *hadii* «директор школы»)
- номинации, обозначающие лиц противоположного пола
(*kashano* «девушка», *amaĵi* «парень, молодой человек»)
- номинации, подчеркивающие личные качества человека
(*makhonyu* «обжора», *danda* «глупый человек»)
- номинации, концентрирующие внимание на внешнем облике человека
(*peschu* «красивая девушка», *kibabi* «человек, который носит немодную одежду»)
- номинации со значением социального статуса человека
(*shugamami* «богатая женщина», *fariso* «мужлан»)
- номинации со значением национальности
(*mlami* «белый человек», *mpointi* «мулатка»)

Древнетюркские элементы в падежной системе якутского языка

Иванова Мария Юрьевна

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

В якутском языке следы древних тюркских языков проявляются не в единичных явлениях, а во всем грамматическом строе языка, что позволило думать, что в основе якутского языка был какой-то древний тюркский язык, близкий языку рунических орхонских памятников.

По-видимому, древний тюркский язык имел большое распространение. Об этом говорит то, что памятники древнетюркской рунической письменности встречаются на обширной территории (бассейны Орхона, Селенги, верхнее течение Енисея) и относятся к длительному позднему времени³.

Сравнительный обзор падежных систем якутского и древнетюркского языков позволил сделать несколько выводов и предположений:

1. Падежная система якутского языка обнаруживает значительное количество схожих черт с тем же явлением древнетюркского языка. Однако, очевидно и то, что якутский язык претерпел ощутимые изменения, которые в настоящее время представляют собой ее оригинальную особенность.

Современное значение частного падежа могло выработаться из более древнего значения исходного падежа. Доказательством тому может служить то, что для обозначения части вещества в якутском языке, как

³ *Убрятова Е.И.* Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985, с. 24.

и в других тюркских языках, употребляется иногда форма исходного падежа. Отсутствие подобной падежной формы в других родственных языках, приводит к мысли о том, что частный падеж является одним из характерных черт современного якутского языка.

2. Значения формально отсутствующих в якутском языке падежей древнетюркского языка, например местного и направительного, стали выражаться формами других падежей (дательный и частный в якутском), либо другими формальными средствами, такими как послелог (др. тюрк. количественный падеж = послелог *са5а*, *курдук* в якутском и т. д.) В якутском языке произошли процессы, которые также привели к перестановке значений падежей между собой (дательный, орудный).

3. Некоторые падежные формы сузили сферу своих значений в пользу их конкретизации, на базе значений одного древнего падежа возникли новые, например, значение местного-исходного падежа древнетюркского (*-та*, *-тэ*, *-да*, *-дэ*) в якутском языке могут выражаться отчасти формами частного (*бардах-м/ы/на⁴*, *тыа/таа/5ы*), дательного (*манна* - *здесь*, *онно* - *там*, *ханна* - *куда*)⁵ падежей.

4. Судя по совмещению значений местного и исходного падежей древнетюркского языка, можно предположить, что граница между падежами не была столь конкретной и определенной. В современном же якутском языке каждый падеж имеет свое собственное закрепленное за ним значение.

5. В современном якутском языке отмечается заметное расширение значений отдельных падежей, в то время, как падеж в древнетюркском располагал лишь двумя-тремя значениями.

6. Падежная система якутского языка развивалась обособленно от других тюркских языков. Вероятно, якутский язык утратил общетюркский облик падежной системы в глубокой древности. Такие формы представляют собой непродуктивные «омертвелые» образования.

Литература

1. Антонов Н.К. Былыргы тюрк тыла (VI-VIII үйэлэр). Якутск, 1970.
2. Винокуров И.П. Саха тылыгар падеж системата. Якутск, 1977.
3. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л., 1980.
4. Левин Г.Г. Былыргы тюрк тыла (морфология). Якутск, 2000.
5. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
6. Широбокова Н.Н. Об отношении якутского языка к языкам древнетюркских памятников. // Исследования по языкам народов Сибири. Новосибирск, 1977, с. 108-116.

⁴ Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – Якутск, 1961, с. 185.

⁵ Бетлинг О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990.

Лексика боли в языке хинди

Козлова Екатерина Владимировна⁶

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В рамках совместного исследовательского проекта РГНФ и НАН Украины была проведена лексико-типологическая работа по изучению лексики, описывающей боль и сходные неприятные физиологические ощущения в разных языках мира⁷. В каждом языке есть предикаты собственно боли (как рус. *болеть*, англ. *ache, hurt*) и есть заимствованные единицы из других семантических зон (ср. русск. *в боку режет*) – результат метафоризации. Поля-источники метафор можно разделить на три типа. *Универсальные* – представленные во всех языках («горение», «воздействие инструментом»: всегда есть '*гореть*', '*колоть*'); *не универсальные* (во фр. нет поля «звук»); *редкие*, то есть представленные в небольшом количестве языков («человеческое поведение» - агульск. '*голова сошла с ума*'). Семантические поля можно также оценить на основе количественного соотношения входящих в них предикатов. С лексической точки зрения выделяются «бедные», «богатые» и «средние» системы-группы нахождения болевых метафор (Майсак, Рахилина, 2007).

Цель проекта – найти болевые метафоры в рассматриваемых языках, в том числе и в хинди, определить, являются ли болевые метафоры источником для вторичных, установить механизмы семантического перехода и выяснить, какие синтаксические конструкции образуют болевые метафоры. Материалом для анализа послужили словари, анкеты, художественная литература, сведения, полученные от информантов.

В рамках проекта в хинди рассмотрены предикаты из следующих семантических групп:

«горение» (*глаза горят* – от высокой температуры, дыма)

«разрушение»

⁶ Автор выражает признательность научному руководителю, доценту Хохловой Л.В. за помощь в подготовке тезисов.

⁷ В проекте рассматривалось около двадцати языков: русский, болгарский, сербский, чешский, литовский, английский, немецкий, французский, испанский, хинди, арабский, японский, китайский, агульский, грузинский, балкарский, эрзянский, португальский, шведский, украинский, польский.

- квазиинструментальное воздействие (*в животе мышцы грызут* – о чувстве голода)

- инструментальное воздействие (*глаз втыкается* – болит от попадания песчинки внутрь)

- саморазрушение (*суставы ломаются*)

«движение» (*голова кружится*)

«звук» (*уши звенят*)

«потеря функциональности» (*нога заснула* – затекла).

«Бедными» системами, представленными в хинди одной или двумя лексемами, являются группа «мягкой деформации структуры», куда входит единственный предикат *dabānā* ‘давить, нажимать, сдавливать’, и группа «квазиинструментального воздействия», включающая два глагола - *kutarnā* ‘откусывать, отгрызать’ и *Dasnā* ‘жалить’.

«Средние» системы различают лексически только основные зоны значений и не обладают специальными средствами для выражения более «тонких» противопоставлений. К таким относится «движение», состоящее из четырех глаголов, образующих болевые метафоры (*kūdnā* ‘прыгать, скакать’; *čakrānā* ‘кружиться’; *ghūmnā* ‘кружиться, вращаться, гулять, поворачивать’; *maroR uThnā* / *ānā* ‘скручиваться’).

На основе исследованного материала хинди можно утверждать, что «богатые» системы в хинди – это такие системы, которые включают квазисинонимы, маркирующие тонкие смысловые оппозиции. Самой «богатой» областью нахождения болевых метафор в хинди является семантическое поле «звук». Сюда входят двадцать предикатов, обозначающих неприятные или болевые ощущения, которые могут уподобляться различным звукам: механическим звукам (в том числе и музыкальным), человеческим и животным звукам. К «боатым» системам можно отнести также «горение», «потерю функциональности», «инструментальное воздействие», отличающееся разнообразием глаголов «прокалывания, протыкания», и «саморазрушение», состоящее из трех предикатов, очень различающихся в своем употреблении.

Различные болевые метафоры оформляются различными синтаксическими конструкциями. В конструкциях с собственно-болевыми глаголами ни сочетаемость, ни оформление участников не зависит от части тела, органа (ср.: глаза болят, сердце болит). Важное отличие производных болевых глаголов от собственно-болевых заключается в ограничении на сочетаемость с конкретным списком частей тела, органов: в хинди «хныкать» может только зуб, в отличие, например, от русского, где «ноет» зуб, спина, рука, палец; с *bajnā* «звенят» не только уши, но и зубы. В именных конструкциях название органа или части тела оформляется локативным послелогом (в сердце «укалывание» есть), в

глагольных конструкциях лексема, обозначающая орган или часть тела, как правило, является подлежащим (голова кружится; уши «шумят»), но возможно исключение, когда подлежащим является стимул (в сердце шип побаливает; ботинок режет ногу).

Почти во всех языках есть универсальные поля-источники метафор и определенный набор часто используемых глаголов. В то же время в разных языках наблюдаются разные метафоры болевых ощущений, способы передачи физической и душевной боли являются отличительными, своеобразными для каждого народа, языка. Например, при ощущении чувства голода в хинди живот «прыгает» или «в животе грызут мыши»; при состоянии, близком к потере сознания, обмороку, сердце «начинает тонуть» или «улетать»; от холода пальцы могут стать «пустыми».

Первоначальная гипотеза о том, что болевые метафоры являются источником для вторичных, так как в языке наблюдается такая цепочка переходов: физическое действие (дом горит) → отрицательное физиологическое состояние (лоб горит от температуры) → отрицательное эмоциональное состояние (глаза горят от злости). В хинди встречаются также эмоциональные метафоры без физиологических (например, сердце «садится» от волнения, разочарования или беспокойства, которое испытывает субъект), следовательно, возможная гипотеза о том, что эмоции происходят от болевых метафор, не работает. Можно предположить, что хинди не различает физическую и душевную боль, либо метафоризация не зависит от последовательности переходов, то есть и для первичных, и для вторичных метафор существует общий источник.

Литература

1. Майсак Т.А., Рахилина Е.В. Глаголы движения в воде: лексическая типология М., 2007.
2. Литеровский В.П. Глагол в языке хинди. М., 1984.
3. Бескровный В.М. Хинди-русский словарь (75 тыс. слов). М., 1972.
4. Ульциферов О.Г. Современный русско-хинди словарь. М., 2004.
5. Bholanāth Tivārī. Hindī muhāvraṁś. Delhi, 1984.

Тувинские и монгольские элементы в древнетюркско-якутских параллелях (на материале основ, обозначающих наименования частей тела и организма)

Малышева Нинель Васильевна

Якутский государственный университет им. М.К.Аммосова

Целью данной работы является выявление фонетических и семантических особенностей тувинских и монгольских элементов в древнетюркско-якутских параллелях. Предметом исследования являются основы, обозначающие наименования частей тела и организма.

Всего обнаружено 32 [14/16/2] древнетюркско-якутских параллелей. Из них имеют репрезентации в тувинском языке – 24 [12/10/2](71,8%), в монгольском языке – 18[8/8/2](53,1%) основ.

В якутско-древнетюркских параллелях наблюдаются фонетические явления:

-соответствие гласных в односложных корнях: [u~uu]: др.тюрк. *but* ~ як. *buut*;

-соответствие согласных в анлауте: [j~s]: др. тюрк. *jürek* ~ як. *süreq*;

-образование дифтонга при выпадении [ǰ]: др.тюрк. *baǰır* – як. *bīar*;

-образование долгих гласных при выпадении [g]: др. тюрк. *ālig* – як. *ilii*;

-выпадение согласного [s] в анлауте: др. тюрк. *sūnük* – як. *unuox*;

-соответствие гласных в середине слова: [ä~ii]: др. тюрк. *bāl* ~ як. *bīil*;

-соответствие согласных в инлауте: [q~ǰ]: др. тюрк. *arqa* ~ як. *arǰas* [1].

В исследуемых тувинском и монгольском языках также выявляются фонетические изменения или сохранения гласных и согласных фонем.

В отношении якутского языка отмечаются следующие фонетические явления:

б) в тувинском языке:

-сохранение начальных гласных в односложных корнях: як. *āt* – тув. *āt*;

-соответствие согласных в анлауте: [t~d]: як. *tǰǰırax* ~ тув. *dirgax*;

-сохранение гласных в первом слоге: як. *atax* – тув. *adax*, як. *arǰaa* – тув. *arga*;

-соответствие согласных в инлауте: [ǰ~g]: як. *arǰaa* ~ тув. *apga*.

в) в монгольском языке:

-соответствие гласных в односложных корнях: [üü ~ ü]: як. *süüs* ~ монг. *zūs*;

-соответствие гласных в односложных корнях: [oo~o]: як. *bood* ~ монг. *bod*;

-соответствие согласных в инлауте: [t~d]: як. *atax* ~ монг. *adag*;

-соответствие согласных в анлауте: [k~x]: як. *kulgaax* ~ монг. *xulki*.

В отношении древнетюркского языка выявляются фонетические явления:

а) в тувинском языке:

-фарингализация гласных: тув. *ɕʰash, äʸt* [2];

-образование долгих гласных при выпадении [ɣ] и [ǧ]: тув. *baar, aas*;

-соответствие согласных в анлауте: [t~d]: др. тюрк. *til, tiš* ~ тув. *dil, diš*;

-соответствие согласных в ауслауте: [d~t]: др. тюрк. *öd* ~ тув. *öt*;

-сохранение согласных в инлауте: [d~d]: др. тюрк. *adax* – тув. *adak*;

-образование долгих гласных при выпадении [ŋ]: др. тюрк. *janax* – *ɕaax*;

-сохранение гласных во втором слоге: [a~a]: др. тюрк. *adağ* – *adak* [3].

б) в монгольском языке:

-сохранение слова: [bod]: др. тюрк. *bod* – монг. *bod*;

-сохранение согласных в анлауте: [t~t]: др. тюрк. *til* – монг. *tol*;

-сохранение гласных в слове: [a~a]: др. тюрк. *adak* – монг. *adag*;

-сохранение гласных в первом слоге: [u~u]: др. тюрк. *kulkak* – монг. *xulki*;

-сохранение согласных в инлауте: [d~d]: др. тюрк. *kudursuq* – монг. *xudraga*;

-сохранение согласных в инлауте: [l~l]: др. тюрк. *ilig* – монг. *iläx*.

В отношении древнетюркского языка без фоно-семантических изменений остались формы: як. *ät, til, xarax*; тув. *bas, but*. Сохранение фонемы [t] в структуре CVC является показателем древности форм як. *til* и тув. *but* [1].

В двух основах *buut* «бедро» и *uos* «губы» отмечается сужения лексических значений. В древнетюркском языке данные формы имеют более расширенное значение, соответственно, «нога, бедро», «рот, уста, губы». В тувинском языке наблюдаются незаметные семантические изменения, в частности, в основах *ɕʰash* «коса», *äʸt* «мясо» характерны сужения значений слов. В древнетюркских аналогичных формах *caç, ät* наблюдаются общетюркские вторичные значения «коса», «рост, мясо». В формах як. *tinirax* и тув. *dürgax* выявляется расширенное значение «коготь, ноготь, лапа». В монгольском языке заметные лексические изменения наблюдаются в следующих формах: монг. *bod* «предмет,

материя, вещество”, монг. *tolb* “словарь”, монг. *agt* “зуб мудрости”, монг. *töṽ* “центр, центральный”, монг. *iläx* “ласкать”.

Основные выводы:

1. В древнетюркско-якутских параллелях имеется множество монгольских рефлексов [53%].

2. В тувинских репрезентациях выявляются характерные фонетические и структурные изменения. Заметные фоно-морфологические изменения отмечаются в монгольских формах.

3. Устойчивость семантики параллелей отмечается: а) в отношении древнетюркского языка - в тувинском языке в 17 (70,8%), в монгольском языке в 5(27,7%) случаях; б) в отношении якутского языка - в тувинском 14(63,6), в монгольском – 3(17%) случаях.

4. Более заметные семантические изменения наблюдаются в монгольском языке, в тувинском языке отмечаются лексические изменения, характерные к тюркским языкам.

5. Фоносемантический анализ выявляет, что тувинские и монгольские элементы более близки к древнетюркскому языку, чем к якутскому.

Литература

1. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
2. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
3. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. М., 2000.

Глаголы *ci* и *sha* в составе фразеологизмов хауса

Минеева Ксения Сергеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Объектом настоящего исследования являются фразеологические единицы, имеющие в своем составе глаголы *ci* *есть* и *sha* *пить*.

Основная цель работы – это описание и систематизация указанных выше типов глагольных фразеологизмов, а также их типологический анализ.

В хауса фразеологические обороты могут представлять собой законченное высказывание, например:

Ina ruwanka *какое тебе до этого дело?* (досл. *Где твоя вода?*),

Sanyı ya kama ni *я простудился* (досл. *Холод поймал меня*).

Фразеологизмы могут занимать в предложении позицию подлежащего или дополнения. В этом случае они являются именными фразео-

логизмами, поскольку занимают те позиции, которые может занимать имя:

Bakan gizo – радуга (досл. *оружие наука*),

Abokin gaba – враг (досл. *друг вражды*).

Фразеологизмы, занимающие в предложении позицию глагола, являются глагольными фразеологизмами

Ci nasara - выигрывать, побеждать (досл. *съесть победу*),

Sha kashi - потерпеть поражение (досл. *выпить экскременты*).

Типологический анализ глагольных фразеологизмов хауса:

Компоненты данных фразеологизмов:

Глаголы, входящие в состав глагольных фразеологизмов (ci (*есть*), sha (*нать*)), которые в сочетании с другими лексическими единицами принимают совершенно новые для них значения.

Вторым (неглагольным) элементом фразеологизмов чаще всего является существительное (ci bashi (bashi – денежный долг), sha kud'i (kud'i – деньги)), в том числе и отглагольное. Также в качестве одного из элементов могут выступать квантификаторы, идеофоны и другие части речи.

Роль и функции глагольных фразеологизмов в предложении:

Позиция второго элемента фразеологизма рассматривается на примере фразеологизмов ci karo в предложении «Suka kai jihadi har Barno, amma nan suka ci karo da Muhammadu el Kanem» (*в проведении священной войны они зашли так же далеко, как и Борно, но там они столкнулись с Мухаммаду эль Канем*) и sha wuya в предложении «Lalle a lokacin yak'i mutane suka sha wuya» (*несомненно, во время войны народ боролся с многочисленными трудностями*)); второй элемент чаще всего следует сразу же после первого.

Возможно образование отглагольных существительных от входящих в состав фразеологизмов глаголов с использованием генитивной связки (ci sarauta «взять власть» => cin sarauta – «захват власти»),

Устойчивые глагольные образования используются также в предложениях с измененным порядком слов (wahalar da ta sha).

Глагольные фразеологизмы в грамматической системе хауса;

их синтаксические особенности рассматриваются на примере употребления фразеологизма ci gaba (kuma shi adabin gargajiya abu ne mai rai da ya ke ci gaba a kowane lokaci – *поскольку традиционной (национальной) литературой интересуются, она продолжает свое развитие*).

Рассматриваемые фразеологизмы могут быть классифицированы в соответствии с их основными значениями; получившиеся группы включают в себя фразеологизмы, имеющие в составе один и тот же глагол. Например, значение «победить, преодолеть» чаще всего выра-

жается при помощи глагола *сi*, основное значение которого – «есть» (eat).

В работе представлена классификация основных значений глаголов *сi* и *sha*, служащих главным компонентом рассматриваемых фразеологизмов:

I. Глагол «*сi*» («есть»):

1) собирать, накапливать, брать: *сi kud'in haraji* – взимать налоги («*haraji*» – налог), *сi bashi* – залезть в долги («*bashi*» – долг), *сi rashawa* – принять взятку («*rashawa*» – взятка), *сi ado* – одеваться («*ado*» – украшения), *сi kago* – столкнуться с кем-то, неожиданно встретить («*kago*» – столкновение);

2) побеждать, преодолевать: *сi jargabawa* – сдать экзамен («*jargabawa*» – экзамен), *сi nasaga* – победить («*nasaga*» – победа), *сi sasa* – выиграть в игре («*sasa*» – азартная игра), *сi kwaf* – выиграть кубок («*kwaf*» – кубок), *сi mil uku* – пройти расстояние в 3 мили («*mil uku*» – 3 мили), *сi gaba* – продолжать («*gaba*» – передняя часть);

3) повреждать, терять, уничтожать: *сi amana* – обмануть доверие («*amana*» – доверие), *сi fuska* – унижать («*fuska*» – лицо);

4) получать, достигать: *сi duniya* – наслаждаться жизнью («*duniya*» – жизнь), *сi sarauta* – получить власть, стать правителем («*sarauta*» – вождь);

5) выражение интенсивности действия: *сi tafiya* – путешествовать («*tafiya*» – дорога), *сi gudu* – бежать быстрее, продолжать бежать («*gudu*» – бег), *сi aiki* – работать усердно («*aiki*» – работа).

II. Глагол «*sha*» («пить»):

1) страдать, иметь неудачный опыт в чем-либо: *sha wahala* – испытывать трудности («*wahala*» – трудность), *sha azaba* – мучиться, испытывать тоску («*azaba*» – горе, страдание);

2) поглощать, получать, наполнять: *sha taba* – курить («*taba*» – табак), *sha iska* – гулять, прогуливаться («*iska*» – ветер), *sha dad'i* – чувствовать себя счастливым («*dad'i*» – удовольствие, наслаждение);

3) делать что-то в большом объеме: *sha zama* – долго ждать («*zama*» – пребывание, нахождение), *sha duniya* – пребывать в городе долгое время («*duniya*» – мир), *sha ruwa* – литься как из ведра (о дожде; «*ruwa*» – вода), *sha kallo* – увидеть многое («*kallo*» – наблюдение).

Географические термины якутского и древнетюркского языков

Ноев Степан Олегович

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

Общеизвестно, что якутский и древнетюркский языки по своему происхождению восходят к общему тюркскому праязыку. В этом отношении взаимосвязь вышеуказанных языков оценивается по разному: 1) О.Н. Бетлингк, С.Е. Малов, Н.К. Антонов считают, что фономорфологическая канва якутского языка, минуя древнетюркский язык, восходит прямо к тюркскому праязыку; Е.И. Убрятова отметила, что формирование якутского языка происходило при взаимодействии древнего тюркского языка, близкого языку орхонских текстов. Ее научные взгляды позднее находили поддержку в работах Н.Н. Широбочковой и других исследователей.

Предметом нашего исследования является 14 географических терминов якутского и древнетюркского языков, которые наиболее часто фиксируются в текстах памятника в честь Кюль-Тегина (VI-VIII вв.) и в якутском героическом эпосе олонхо. В частности, др.тюрк. *arığ* - як. *arii* "остров, лесной остров", др.тюрк. *ilgerü* - як. *ilin* "восток, на восток", др.тюрк. *jazı* - як. *sihii* "равнина, степь", др.тюрк. *jaqa* - як. *sağa* "край, окраина", др.тюрк. *jol* - як. *suol* "дорога", др.тюрк. *jış* "горы, покрытые лесом" - як. *sis tïa* "нагорный лес", др.тюрк. *jer* - як. *sir* "земля", др.тюрк. *köl* - як. *küöl* "озеро", др.тюрк. *öz* - як. *üös* "русло реки", др.тюрк. *sub* - як. *uu* "вода", др.тюрк. *tag* "гора" - як. *tïa* "лес", др.тюрк. *taş* - як. *taas* "камень", др.тюрк. *qaja* "скала" - як. *qaja* "гора, скала".

Как видим, во всех словах в основном наблюдаются только фонетические и структурные изменения. Семантический сдвиг фиксируется в основе др.тюрк. *tag* "гора" - як. *tïa* "лес". Данное явление, по мнению А.Т. Кайдарова, объясняется, "тем, что во многих тюркоязычных регионах лес растет обычно в гористой местности, а в условиях Якутии - это сплошная низменность и люди, пришедшие сюда с горных массивов, покрытых лесом, могли лес (тайгу) обозначить словом гора.

Фонетические вариации: 1) согласные - а) соответствия согласных в анлауте: [j -c]: д.тюрк. *jazı, jaqa, yol, jış, jer* - як. *sihii, sağa, suol, sis (tïa), sir*; б) соответствия согласных в инлауте [q -ğ]: др.тюрк. *jaqa* - як. *sağa*; в) соответствие согласных в ауслауте [š-s]: д.тюрк. *jış, taş* - як. *sis (tïa), taas*; г) образование долгих гласных и дифтонгов при выпадении [ğ] и [g]: др.тюрк. *tag* - як. *tïa*, др.тюрк. *arığ* - як. *arii*. 2) соответствия гласных:

[a-i]: др.тюрк. *jazı* - як. *sihii*, [i-i]: др.тюрк. *jış* - як. *sis (tïa)*; [e-i]: др.тюрк. *jer* - як. *sir*; [i - ü]: др.тюрк. *jazı* - як. *sihii*. Праязыковые явле-

ния наблюдаются в следующих корнях якутского языка: *taaš* * > як. *taas*; *kööł** - як. *küöl*; *ööd** > як. *üös*.

Следует отметить, что в древнетюркские и якутские географические термины имеют общую праязыковую основу. Древнетюркские и якутские рефлексy имеют сходство, как со стороны фонетической структуры, так и со стороны семантических особенностей. Тем не менее, нужно заметить, что в некоторых якутских формах прослеживаются более древние фонетические особенности, чем их древнетюркские аналоги.

Итак, фоносемантический анализ устанавливает, что географические термины древнетюркского и якутского языка имеют тесную связь. Можно сказать, что формирование некоторых географических терминов якутского языка произошло в древнетюркскую эпоху. Например, семантические эволюции древнетюркских форм *jaqa* “воротник, край, окраина”, *jış* “равнина, степь”, *tağ* “гора” имеют прямое отношение к формированию семантических особенностей якутских форм *sağa*, *sis* (*tia*), *tia*.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, с. 162 -164.
2. Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск, 1990, с. 44.
3. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986, с. 33.
4. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, с. 6.
5. Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960, с. 13.
6. Широбокова Н.Н. Об отношении якутского языка к языкам древнетюркских памятников. // Исследования по языкам народов Сибири. Новосибирск, 1977, с. 108-116.

Политические метафоры в языке суахили

Пинчук Елена Юрьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Язык является важным фактором политического самоопределения нации. От того, в какой степени он развит, насколько полно удовлетворяет вновь образующиеся коммуникативные потребности, зависит его престиж, а значит и престиж нации, говорящей на этом языке. Общест-

венно-политические изменения, возникновение новой идеологии в стране находят отражение в общественно-политической лексике используемой в языке.

Факторами, повлиявшими на становление и развитие данной сферы терминологии, являются экономические, социальные и политические изменения в стране, повлекшие за собой два разных периода в истории общественно-политической лексики на языке суахили. Речь идет о периоде Уджамаа и периоде пост-уджамаа, а именно современном этапе развития страны.

Политика Джулиуса Ньерере, первого президента независимой Танзании, наполняет лексику политическими терминами, основанными на сугубо африканском опыте. Язык суахили в тот период играл роль национального языка, но также выступал в качестве основы для формирования концепции социальной реальности. Недостаточно просто говорить на одном языке, необходимо было завладеть умами людей и контролировать их с помощью определенного набора образов, понятных каждому и соответствующих чаяниям народа о самоопределении и эгалитарном развитии.

Для второго этапа – этапа пост-уджамаа – характерно использование метафор, не имеющих ничего общего со становлением политического строя как семейного уклада. Целью их было раскрыть понятие рыночной экономики.

Таким образом, метафоризация общественно-политической терминологии становится мощнейшим оружием в политическом дискурсе.

Метафоры, как и все другие формы дискурса, не являются нейтральными образами, а глубоко идеологизированы. Метафоры играют очень важную роль в политике, выполняя различные стратегические функции в политическом дискурсе. Например, метафоры могут выражать солидарность, убеждать, узаконивать и делигитимизировать. Политические метафоры изменяются в соответствии с требованиями сегодняшнего дня, они же формируют систему понятий.

Метафора существует в двух видах: а) явления бытующего или обсуждаемого и б) явления, способствующего выражению желаемого значения. Первый носит название источника, второй – цели. Таким образом, для понимания метафоры необходимо проследить ее путь от источника к цели и установить понятийные отношения между ними.

Как было сказано выше, в докладе рассматриваются метафоры, относящиеся к двум этапам развития нации. Первый этап мы рассмотрим на примере следующих метафор:

Нация – это африканская семья

Нация – это человек

Капиталист – животное

Метафоры, характерные для второго периода:
Предвыборная борьба – соревнования по гоночному спорту
Экономика – это игра
Нищая нация

Система личных имен в традиционном обществе хауса

Плюшкина Ксения Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Тема личных имен в различных обществах интересуют ученых на протяжении уже многих десятилетий.

Многие лингвисты убеждены: имя - это отражение той вещи, которую оно представляет, оно почти тождественно ей, и не иметь имени значит просто не существовать.

Обычный представитель традиционного общества хауса обладает 3 именами, о двух из которых расскажу я, о третьем виде – моя коллега.

По традиции общества хауса имя ребенку выбирают родители отца (*dangin warki*). Как правило, имя берется из Корана либо другой мусульманской религиозной литературы. Такое имя является официальным именем человека и называется *sunan yanka*, так как в день наречения режут барана или другое животное. Выбранное имя публично объявляется в день церемонии наречения. Утром на 7 день после рождения ребенка собираются члены семьи, родственники, друзья. Церемонию ведет *malam*, ученый человек, который после наречения молится о здоровье и процветании ребенка, его родителей и общества целом. Гостей угощают орехами кола и сладостями. Примерами *sunan yanka* являются Мухаммаду – пророк, Фатимату – дочь пророка.

Помимо *sunan yanka* ребенок получает и второе имя, или *sunan gana* – имя на каждый день. *Sunan gana* выбирается произвольно. Его выбор зачастую обусловлен тем именем, которое выбирается по Корану. Например, *sunan yanka* мальчиков-близнецов всегда по традиции *Hasan* и *Husaini*, а девочек - *Hasana* и *Husaina*. Этим именам соответствует *sunan gana* *Tagwaye* «близнецы» и *Yanbiyu* «двойняшки».

Но выбор *sunan gana* может быть обусловлен и другими факторами, например, днем или временем суток, когда родился ребенок. Так, ребенок, который, родился ночью, получает имя *Bako*

«гость», если это мальчик, и *Bakuwa* «гостья», если это девочка. Ребенок, рожденный в пятницу – *Jummai*, *Danjuma*, в понедельник – *Liti*, *Danliti*, и в среду – *Balarabiya*, *Balarabe*.

Другими факторами, влияющими на выбор *sunan gana*, могут быть положение ребенка в семье, указание на физические или умственные

недостатки ребенка. Мужское и женское имена для глухо-немого человека – Bebe и Bebiya соответственно. Ребенка, рожденного с 6 пальцами называют Cindo, прокаженного – Daru, а слепого – Makaho, Makauniya.

В случае, если в семье уже умирали дети или семейная пара долго не могла иметь детей и наконец долгожданный ребенок появился на свет, имя малыша указывает на надежду или молитву родителей к Богу. Например Kyauta – дар Аллаха, Dogara – полагающийся на Аллаха.

Чтобы отвести от ребенка сглаз, его могут назвать Ayashe ,что означает «быть брошенным» или Ajefas – оставленный.

Необходимо отметить, что зачастую аппелятивные имена вытесняют коранические из повседневного общения и даже входят в состав официального имени человека.

Арабо-персидские заимствования в татарском языке

Садыкова Юлтан Загировна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предметом данного исследования являются арабо-персидские заимствования в татарском языке.

Заимствования эти имеют многовековую историю. Как известно, еще до X в. персидские путешественники, торговцы появились на территории современного Татарстана. Усилению торговых, религиозных, культурных связей способствовало принятие Волжской Булгарией ислама. Татары почти тысячу лет (до 1927 г.) пользовались арабской письменностью. Арабский язык являлся языком богослужения, а персидский – языком литературы. Именно через персидский язык арабизмы проникли в татарский язык, причём слова заимствовались не поодиночке, а целыми тематическими пластами и полностью включались в звуковую систему татарского языка, видоизменялись в соответствии с законами татарской фонетики. Потому вполне объяснимо то, что носители татарского языка совершенно не ощущают арабизмы и фарсизмы как заимствования.

В ходе данного исследования удалось установить, что основную часть заимствований составляют общеупотребительные в татарском литературном языке слова; но есть и такие, которые уже относятся к пласту пассивной лексики литературного языка и в толковых словарях идут с пометкой «устаревшая лексика» или «книжное слово», либо вообще не находят места ни в толковом словаре, ни в словаре заимствований.

Многим известно, что с 1930-х гг. в Союзе усилились гонения на религию. У татар этот процесс связали с арабским алфавитом и арабо-персидскими словами. Они упорно изгонялись из татарского языка под предлогом борьбы с исламом, тысячи заимствований исчезли из употребления, часть заменили русскими (или европейскими), то есть новым для татарского языка пластом лексики. Это привело к нежелательному явлению: резко менялся лексический состав языка, нарушалась его целостность.

Но как только исчезла опасность осуждения, преследования за употребление арабо-персидской лексики, она стала удивительно быстро возвращаться. Такие слова как *жәмһүрият*, *инкыйлап*, *дустанә*, *икътисади*, *сәясәт*, *мәслихәт*, *бәрәкәт*, *ләззәт*, *истикляль*, *хокукый*, *хакимият*, *сәгадәт*, *мөхәррир*, *рух* и сотни других слов быстро активизировались в условиях демократизации общественной жизни.

Возникает ситуация, когда для обозначения одного слова наравне используются как русское (навязанное татарскому языку «сверху»), так и «возвращённое» арабо-персидское слово (например, считаются синонимами и используются наравне слова “экзамен” и “имтиһан”, “республика” и “жәмһүрият”, “экономика” и “икътисад”, “политика” и “сиясәт” и т.д.), причём явное предпочтение отдаётся в таком случае именно арабизму-фарсизму.

Автором также рассматривается проблема частотности употребления арабо-персидских заимствований в татарском языке, зависящая, по мнению автора, от уровня стиля речи, что и показано на примере газетной лексики. В ходе исследования была проведена работа с информантами, носителями татарского языка, которые оценивали газетные статьи по стилю, затем подсчитывалось количество заимствований в статьях. Методом дисперсионного анализа была выведена прямая зависимость между стилем речи и количеством заимствований.

Перестройка в обществе и последующие социально-политические условия активизировали процесс возвращения персидских заимствований, которые стали широко употребляться как в общественно-политической, так и в живой разговорной речи, что подтверждает актуальность и значение данного исследования.

Древнетюркские морфологические репрезентации в современном якутском языке (категория имени существительного)

Старостина Яна Егоровна

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

Общеизвестно, что якутский язык в своем историческом развитии восходит к тюркскому праязыку. Но, как предполагают многие тюркологи, формирование основной фоморфологической системы современного якутского языка происходило именно в древнетюркскую эпоху. Хотя, якутский язык претерпел сильное влияние тюркских (огузский, уйгурский) и монгольских (монгольский и бурятский) языков, его пратюркская канва сохранилась. Именно этот древний пласт якутского языка имеет близкое отношение к древнетюркскому языку.

Целью данной работы является выявление древнетюркских морфологических репрезентаций в якутском языке. В качестве объекта исследования нами выбрана категория имени существительного (словообразовательные аффиксы, падежная система, категории принадлежности и множественного числа).

Нами выявлены следующие морфологические репрезентации:

1. Словообразовательные аффиксы:

-*līg*//-*lik*: др. тюрк. *gīšlīg* / як. *kīstik* (зимовье).

-*cī*//-*cīt*: др. тюрк. *jolcī* // як. *suolcut* (проводник);

-*aq*//-*aq*: др. тюрк. *bīčaq* // як. *bīhaq*(нож);

-*ig*//-*ii*: др. тюрк. *bilig* // як. *bilii* (знание) [1];

2. Парные существительные:

др. тюрк. *at-kūs* // як. *aat-küüs* (слава, честь), др. тюрк. *aš-ton* // як. *as-taŋas* (продукты, одежды); др. тюрк. *ačsīq-tosīq* // як. *aččik-tot*, (голодный, сытый), др. тюрк. *kūnli-tūnli* // як. *kūnnäri -tūūnnäri* (днем и ночью) и т.д.

3. Категория множественного числа:

-*lar*//-*lar*: др. тюрк. *atlar* // як. *attar* (кони, лошади); др. тюрк. *öküzlär* // як. *oğustar*(быки). Например, *Tört biŋ atlarım, jülqim – Tüört tihiinča attarım, silgim* (Четыре тысячи моих коней-лошадей) [2].

4. Категория принадлежности:

Аффиксы 1, 2, 3 лица ед. ч. в древнетюркском и якутском языках идентичны. В этом отношении нужно отметить, что полное совпадение структурного оформления аффиксов принадлежности единственного числа является признаком тесной взаимосвязи между древним огузским (древнетюркским) и якутским языками.

5. Категория падежа:

Винительный падеж: -*iğ* // -*ī*: др. тюрк. *atığ* // як. *atī* (коня);

Дательный падеж: *-kä // -ka*: др. тюрк. *atqa* // як. *akka* (коню);

Местный-исходный падеж: *-tan // -tan*: др. тюрк. *attan* // як. *attan* (от коня);

Родительный падеж: *-iŋ // -iŋ*: др. тюрк. *buduniŋ* // як. *noruotun* (народ[его]). Таким образом, данный аффикс обозначает принадлежность, которая реализуется как приименное определение в определительной группе имен существительных.

Например, *Bilgä qağanin buduni* // *Bilge qağanin noruota* (Народ мудрого кагана).

О наличии родительного падежа в древнеякутском языке было подробно написано в работе академика С.В. Ястремского. В нашем случае данное явление четко фиксируется в якутском варианте: *Bilgä qağanin noruota*, где аффикс *-in* является омертвелым аффиксом родительного падежа.

В притяжательном склонении идентичные аффиксы наблюдаются во винительном падеже: Например: 1 л. *-min* // *-bin*: др. тюрк. *atmin* // як. *appin* (моего коня), 2 л. *-ŋin* // *-kin*: др. тюрк. *atiŋin* // як. *akkın*; 3 л. – *in* // *-in* (твоего коня): др. тюрк. *atın* // як. *atın* (его коня).

Türk budun ilin-törüsün tuta birmis // *Tüür noruotun ilin-törütün tutan biärbüt* (Они поддерживали и устраивали племенной союз тюркского народа) [КТб. 10] [3].

Сравнительный анализ существительных древнетюркского и якутского языков выявил, что в якутском языке окончательное формирование существительного (словообразование и система падежной категории) произошло до V-VIII вв. В этой связи нужно отметить, что якутский и древнетюркский языки в своем историческом развитии восходят к общему тюркскому праязыку. Наличие идентичных форм в словообразовании и падежной системе, а также специфическая поздняя трансформация других формантов падежной системы обоих языков показывают, что, морфологическая структура якутского языка была сформирована под влиянием именно огузского праязыка.

Литература

1. Антонов Н.К. Былыргы тюрк тыла (VI-VIII). Якутск, 1970.
2. Левин Г.Г. Былыргы тюрк тыла (морфология). Якутск, 2000.
3. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л., 1980.

Концепт «Родина» в языковом сознании корейцев и якутов

Сыроватская Диана Александровна

Якутский государственный университет им. М.К. Амосова

В центре внимания современной лингвистики находятся проблемы, связанные с отражением национальной культуры и истории в языках. Роль языка в накоплении культуры очевидна и очень велика. При этом язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нём говорит, т.е. творит национальную культуру. Современный антропоцентрический подход к языку требует изучать не только сам язык, но и влияние человека на язык и культуру, а, следовательно, позволяет изучать народ и его менталитет.

В последние десятилетия понятие концепта и концептосферы активно вошло в научный обиход.

Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка.

Нами был проведен опрос среди 100 человек, для того чтобы сравнить понятие концепта «Родина» в языковом сознании корейцев и якутов.

Опрашиваемым была предложена анкета, в которой нужно было указать пол, возраст, род деятельности и написать по одной ассоциации к приведенным в анкете словам. Информантами в свободном ассоциативном эксперименте выступили мужчины и женщины в возрасте от 15 до 80 лет.

Концепт «Родина» в сознании корейцев и якутов во многом отличается, но есть и схожие ответы. Такие как: деревня, дом.

В ответах якутов преимущественно преобладают ассоциаты мать и дом. В ответах корейцев же – воспоминание, друзья, легенда.

Эта работа позволила увидеть, как когнитивная деятельность человека влияет на формирование концептосферы.

Литература

1. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. // Русская словесность. М., 1997.
2. *Степанов Ю.А.* Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
3. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1997.
4. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997.
5. *Фрумкина Р.М.* Психоллингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
6. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. М., 2004.

К проблеме изучения аспектуальности в китайском и бурятском языках

Шахаева Александра Альбертовна

Бурятский государственный университет

Как отмечает А.В. Бондарко, в каждом языке есть поле аспектуальности, а центром поля аспектуальности является грамматическая категория вида. Согласно А.В. Бондарко, вид является категорией с семантической доминантой (то есть основанной на понятийном, концептуальном содержании) наряду с такими категориями, как наклонение, время, лицо и залог. В отличие от категории времени, категория вида носит в основном интерпретационный характер, то есть реализует зафиксированный и объективированный в языковой системе взгляд говорящего на действие.

Большинство лингвистов-китаеведов считает возможным говорить о наличии в китайском языке категории аспекта, а функционально-семантическое единство – языковые поле аспектуальности, формируют средства, выражающие характер протекания действия во времени. К таким средствам относятся такие суффиксы как, *le*, *guo*, *zai* и *zhe*, которые вносят особое видовое (аспектуальное) значение в глагол, к которому они присоединяются. Как отмечают авторы статьи «Aspect and assertion in mandarin Chinese» Вольфган Клейн, Пин Ли и Генриетта Хендрикс. Эти суффиксы служат для маркировки описательного содержания той части предложения, которая доказывается, и чья аспектуальность является следствием этой функции. Значения суффиксов *le*, *guo*, *zai* и *zhe*, должны быть разграничены в рамках отношений между временем разговора и временем ситуации, говорят о важности их взаимодействий с различными глагольными высказываниями.

В бурятском языке в речи аспектуальные значения выражаются набором средств, составляющих функционально-семантическое поле аспектуальности: морфологическими, лексическими, лексико-грамматическими, синтаксическими (сочетаниями), контекстуальными средствами (неглагольные показатели характера протекания действия). Грамматическим (морфологическим) ядром аспектуальности в бурятском языке является категория вида глагола. Семантическим стержнем категории вида бурятских глаголов является выражение завершенности/незавершенности действия. В бурятском языке категория вида представлена противопоставлением глаголов неопределенного и определенного видов. Глаголы, составляющие видовую оппозицию, обладают одним и тем же лексическим значением, но разными грамматиче-

скими видовыми формами. Глагол неопределенного вида представляет собой исходный глагол, например: *зүйхэ* – бегать, *ябаха* – ходить, *гараха* – выходить. Глаголы определенного вида образуются при помощи сочетания деепричастных и причастной (многократного) форм глаголов со служебным грамматикализированным глаголом *байха*.

Литература:

1. Бондарко А.В. Принципы функционально грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
3. Егодурова В.М. Бурятский глагол. Улан-Удэ, 2003.
4. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка (грамматическая природа слова). М., 1968.
5. Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя на примере китайского языка. М., 2002.
6. Zhang Zhijun. Сопоставительное исследование русского языка с китайским в аспекте аспектуальности. // 语言 – 文化 – 交际: 国际学术会议论文集. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2007.2, с. 106-116.
7. Wolfgang Klein, Ping Li, Henriette Hendriks. Aspect and assertion in mandarin Chinese. // Journal of East Asian Linguistics, №13 (2004), pp. 723-770.

ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай»: экономические аспекты

Афанасьева Мария Александровна

Московский государственный институт
международных отношений (У) МИД РФ

В отечественной литературе стратегическому партнерству России, Индии и Китая посвящено множество работ. Не вызывает сомнения тот факт, что на сегодняшний день экономические отношения в треугольнике «РФ-Индия-Китай» уступают политическому партнерству трех стран. До сих пор не найдены сферы трехстороннего экономического партнерства, а подходы к двустороннему порой остаются инерционными, и это определяет актуальность данной работы. Научная новизна работы состоит в том, что ее автор делает попытку провести комплексный анализ экономического сотрудничества трех стран, выделить те его сферы, которые смогут укрепить стратегическое партнерство России, Индии и Китая в ближайшей и долгосрочной перспективе.

Мы выделяем традиционные сферы сотрудничества России и Индии, России и Китая, Китая и Индии. Объем взаимной торговли между Россией и Индией невелик, почти в три раза меньше объема взаимной торговли России и Китая. Россия и Индия не просто не являются основными торговыми партнерами: доля России в индийском товарообороте составляет приблизительно 2-3%, а Индии в российском – 1-2%. Основные статьи индийского экспорта весьма примитивны и ограничиваются продуктами питания (чай, кофе), техническими культурами (хлопок и табак), предметами одежды и аксессуарами, причем импорт в Россию из Индии на 53% состоит из товаров неэластичного спроса, так что вряд ли следует ожидать его скачкообразного роста. Если не учитывать военные контракты, основными статьями российского экспорта в Индию являются поставки продукции добывающей промышленности (металлы, древесина) или товаров в стадии первичной обработки (сталь). Часто среди «новых перспективных» направлений российско-индийской торговли выделяется сотрудничество в области поставок из РФ необработанных алмазов, соглашение о которых было достигнуто в 2000-м г. после длительных переговоров, но мы полагаем, что для России она традиционна и, следовательно, не принесет никаких качественных изменений в современную внешнеэкономическую модель РФ.

Гораздо более эффективным является экономическое партнерство России и Китая. Для России Китай составляет 7% импорта (5-е место) и 2% экспорта (6-е место), в 2008 г. товарооборот России и КНР без учёта челночной торговли составлял 23 млрд. долл. К сожалению, структура нашей внешней торговли с Китаем все так же недиверсифицирована в обоих направлениях. Российский экспорт на 65% состоит из товаров до стадии первичной переработки, а в китайском экспорте в Россию такой же процент ширпотреба. Однако при общем падении доли машин и оборудования в российском экспорте из Китая, аналогичный показатель в российском экспорте в Китай стабильно составляет 8%. В данном контексте России необходимо очень внимательно отнестись к идее создания в приграничных районах Китая и России ЗСТ (например, ЗСТ Суйфэньхэ-Гродеково). И осторожность в данном случае должна быть вызвана не постоянно озвучиваемыми в СМИ угрозами о возможной дезинтеграции РФ и «китайской экспансии», а учетом того, что китайская экономика намного мощнее российской, не говоря уж об экономике Дальнего Востока и Сибири, и подобные ЗСТ при недостаточном внимании к их законодательной и экономической базе со стороны Правительства РФ могут способствовать увеличению зависимости не только этих регионов, но и всей страны от китайской экономики.

Выделяя краткосрочные и долгосрочные перспективы трехстороннего экономического сотрудничества России, Индии и Китая, мы полагаем, что общие проекты в энергетике могут удержать страны в экономическом треугольнике достаточно долго. Нефть действительно необходима бурно развивающимся экономикам Китая и Индии, а Россия является для них оптимальным поставщиком, близким, выгодным, предсказуемым. Строительство транспортных коридоров и прокладка нефтегазовых труб, непосредственно соединяющих российские нефть- и газодобывающие бассейны и определенные пункты в Китае и Индии, должны стать приоритетным направлением энергетического сотрудничества. Подчеркнем, что только после строительства такого рода сетей, а еще желательнее соединения всех трех стран одной крупной нефтегазовой сетью, сотрудничество в нефтяной сфере станет в полной мере выгодным и привлекательным. России как поставщику следует привлекать Индию и Китай к трехстороннему сотрудничеству в этой области. Это не только способствует большей транспарентности, но и усилит партнерско-конкурентные отношения, что для РФ, являющейся единственным поставщиком в треугольнике, чрезвычайно выгодно. Однако правительству страны следует трезво оценивать перспективы сотрудничества в нефтегазовой отрасли. Даже при осуществлении крупномасштабных проектов, имеющих коммерческий успех и удов-

летворяющих задаче стратегического сближения трех стран, данная сфера является краткосрочной и очень изменчивой. Уже сейчас происходят радикальные изменения мировой экономической конъюнктуры данного рынка, в ближайшем будущем могут произойти такие геополитические или научные изменения, что российские нефть и газ перестанут пользоваться спросом, а следовательно, – и служить основой для укрепления сотрудничества.

Анализ мировых экономических тенденций, экономических интересов и научно-технического потенциала трех стран позволяют нам выделить и долгосрочные стратегии трехстороннего экономического сотрудничества: 1) информационные и нанотехнологии; 2) сотрудничество в области гражданской авиации; 3) сотрудничество в сфере освоения космоса. Сотрудничество в финансовой сфере не попало в этот список по следующим причинам. Во-первых, несмотря на общий рост инвестиционной привлекательности каждой из стран треугольника, объем перекрестных инвестиций между ними ничтожен. Во-вторых, во всех трех странах существуют значительные внутренние ограничения на приложение инвестиций в определенные сферы экономики. В-третьих, пока нет видимых намерений со стороны правительств этих стран изменять инвестиционное законодательство для привлечения инвестиций именно из оставшихся двух стран треугольника. В-четвертых, несмотря на то, что финансовый сектор экономики продолжает доминировать, экономика будущего будет экономикой наукоемкой сферы услуг.

В заключение, необходимо отметить, что развивать стратегические сферы экономического сотрудничества трехсторонней основе – сложная задача. Она потребует определенного планирования, учета комплементарности экономик и даже оптимизации, допущения издержек в одной сфере для сокращения валовых издержек. И, если эта задача будет решена, то в будущем можно будет говорить о реальном существовании стратегического тетраэдра «Россия-Индия-Китай», основание и грани которого будут представлять собой равнобедренные треугольники.

Литература:

1. *Портяков В.* О возможности сотрудничества России, Индии и Китая. // Проблемы Дальнего Востока, 2007, №1, с. 21-24.
2. *Яковлев А.* Треугольник Россия-Индия-Китай: нужны ли стратегические рубежи. Проблемы Дальнего Востока. 2002, №5, с. 45-61.

Экономика просвещения КНР в условиях кризиса

Гулева Мария Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В условиях бушующего мирового кризиса китайские власти начали предпринимать активные меры для развития образовательной сферы, подчеркивая ее стратегическое и приоритетное значение для развития государства в долгосрочной перспективе.

С чем связан столь пристальный интерес к проблемам образования?

1) Добиваясь максимальных темпов роста экспортной продукции, государство было долгие годы заинтересовано в низкой стоимости рабочей силы. Поэтому в стране не уделялось должного внимания развитию образования.

2) Несмотря на тот факт, что в 2007 г. процент поступлений в начальную школу среди мальчиков и девочек школьного возраста достиг 99,46% и 99,52% соответственно, такие показатели как качество обучения, доступность средней и высшей ступени образования различаются в разы между самыми развитыми и самыми отсталыми районами страны.⁸ Программу обязательного бесплатного образования в полном объеме выполнить не удалось. Многие сельские школы находятся в ужасном и совершенно негодном для обучения состоянии, все больше ощущается нехватка квалифицированных учителей (*Сейчас на одного учителя в экономически развитых районах страны в среднем приходится 15-17 учеников, в деревне соотношение намного выше, и может достигать 25 человек*⁹).

3) С начала 1990-х гг. Китай постепенно создавал трехстороннее многоканальное финансирование образования с участием правительства (чьи ассигнования являлись основным каналом), общества и потребителей образовательных услуг.

Целый ряд проблем связан с недостаточным финансированием образовательной сферы. Государство так и не смогло довести долю вложений в образование до 4% от ВВП. Это повлекло за собой распространение коммерциализации образования и увеличение зависимости учебных заведений от внешних источников финансирования.

4) Китайское руководство подчеркивает, насколько важно для страны качество профессиональных ресурсов. С тех пор как власти перешли к политике постепенной отмены прописки, выяснилось, что сельская рабочая сила, ринувшаяся в города на заработки, обладает слиш-

⁸ DFID China Briefing Paper 2008.

⁹ Ли Цинфэн, Се Вэйхэ «Современная ситуация регионального развития образования в КНР и коррекция курса».

ком низким культурным уровнем. Она сыграла важную роль в трудоёмком производстве экспортной продукции. Однако кризис быстро превратил 20 млн. рабочих-крестьян в безработных, неспособных к быстрой профессиональной подготовке. Стало ясно, что только с помощью сборочного, трудоёмкого производства удержать серьёзные позиции на мировом рынке не удастся. Страна нуждается в квалифицированных кадрах, а значит – в качественном образовании нового типа. Одновременно с этим все более обострилась проблема с трудоустройством выпускников высших учебных заведений, число которых растёт с каждым годом. Только по официальным оценкам число выпускников высших учебных заведений в 2009 г. превысит 6 миллионов, а общее число нуждающихся в трудоустройстве людей достигнет в 2009 году 25 млн.¹⁰

5) Госсовет КНР объявил о выделении масштабной финансово-экономической помощи отечественной экономике в условиях финансового кризиса. В первую очередь ставка делается на развитие внутреннего рынка, а значит необходимо повышать доходы населения (в особенности сельского, чьи подушевые доходы в 3 раза более низкие, чем у горожан) и уменьшать разрыв между развитыми и отсталыми регионами. Рынок можно развить, занявшись разного рода масштабными проектами, в частности, развитием инфраструктуры, строительством и переоборудованием школ, школьных общежитий и т.д. Таким образом, можно будет обеспечить рабочими местами не только местных жителей, но и создать условия для повышения заработной платы и трудоустройства безработных выпускников. Именно на такие проекты Госсовет выделил почти 4 трлн. юаней с целью купирования негативных последствий глобального экономического кризиса.

Сейчас, в момент, когда в мире бушует финансовый кризис, Китай должен обратить еще большее внимание на факторы, которые позволят стране сохранить стабильный рост в долгосрочной перспективе. Важнейшим таким фактором как раз и является укрепление и развитие образовательной системы.

Литература:

1. Блестящее тридцатилетие: новый этап развития образования в Китае. // Газета Жэньминь Жибао: www.people.com.cn.
2. Department For International Development (DFID) China Briefing Paper 2008.
3. Ли Цинфэн, Се Вэйхэ. Современная ситуация регионального развития образования в КНР и коррекция курса. // Боровская Н.Е., В.П. Бо-

¹⁰ «Rising unemployment becomes China's top challenge», www.chinaview.cn

рисенков, Чжу Сяомань. Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX – XXI вв. М., 2007.

4. Доклад премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао «Образование в основе всего» от 04.01.2009.
5. Rising unemployment becomes China's top challenge. // www.chinaview.cn.

Современное состояние и перспективы развития сферы энергоносителей в странах Юго-Восточной Азии

Кузнецов Егор Алексеевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Сфера энергоносителей играет ключевую роль в экономике любого государства, в том числе, и в динамично развивающихся странах ЮВА. Мы предприняли попытку определить современные тенденции в развитии нефтегазовой и угольной промышленности ЮВА, а также выявить их особенности и возможные влияния на международные экономические отношения рассматриваемых государств в ближайшем будущем.

На экспортно-импортном рынке энергоносителей ЮВА сегодня происходят изменения, способные повлиять на их мирохозяйственные позиции.

Сделанные выводы можно свести к следующим:

1) Страны ЮВА имеют большой природный потенциал не столько в мировом масштабе, сколько в АТР. Несмотря на богатую историю освоения нефтегазовых и угольных месторождений в регионе, по-прежнему не все из них разведаны, вследствие технологических и экономических причин.

2) Роль ведущих инвесторов в сферу энергоносителей государств ЮВА продолжают играть развитые страны Западной Европы и Северной Америки.

3) Государства региона с их природным и производственным потенциалом играют ключевую роль в энергетической безопасности АТР, что обуславливает появление новых инвесторов. Основными торговыми партнёрами ЮВА в сфере энергоносителей являются Япония, Ю.Корея, Китай, Ближний восток. В перспективе вероятно увеличение товарооборота с ЕС и Индией.

4) На экспортно-импортном рынке энергоносителей ЮВА происходят определённые изменения, связанные с потерей традиционными поставщиками своих лидирующих позиций. Основываясь на проведённых расчётах, мы считаем, что это происходит вследствие развития производства и добычи энергоносителей в нетто-импортёрах рассмат-

риваемой продукции и роста внутреннего спроса в странах-экспортёрах.

5) Проблемы некоторых традиционных поставщиков внутри региона, например, скорая истощаемость запасов, недостаточный объём капиталовложений в разработку месторождений, высокий внутренний спрос, обусловили необходимость внутрирегиональной кооперации в целях устойчивого развития.

6) Нефтегазовые корпорации стран ЮВА активно инвестируют в разработку месторождений не только внутри региона, но и за его пределами.

7) Освоение новых, в особенности, альтернативных источников энергии способны обеспечить ЮВА выход на новые мирохозяйственные позиции, превратив регион в один из ведущих мировых поставщиков энергоносителей.

8) Важную роль в сфере энергоносителей ЮВА уже в ближайшем будущем может сыграть Россия. Текущий уровень экономических связей между Россией и ЮВА в рассматриваемой сфере находится на невысоком уровне и имеет большой потенциал для роста. Перспективными являются как обмен технологическим опытом по использованию атомной энергии и освоению шельфовых месторождений, так и инвестиционное сотрудничество в добыче и переработке. Россия имеет большой потенциал как поставщик энергоносителей в динамично развивающиеся государства АСЕАН-10.

Литература

1. China and Southeast Asia: global changes and regional challenges, Institute of Southeast Asian studies, Singapore, 2005
2. Christof Rühl, An Update: the Long Term and the Short Term, BP Statistical Review of World Energy, Brussels, September, 2008
3. Energy Supply Infrastructure Development in the APEC Region, Asia Pacific Energy Research Center, March 2001
4. Мировая экономика и международные отношения.
5. Far Eastern Economic Review.
6. Oil&Gas journal
7. The Wall Street Journal
8. www.iea.org (Международное Энергетическое Агентство)

Некоторые структурные особенности ВВП КНР в контексте возможных угроз макроэкономической стабильности

Овчинников Федор Вадимович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Представляя почти пятую часть населения Земли, производя около 6% мирового ВВП, Китай активно наращивает свою интеграцию в мировое хозяйство, оказывая колоссальное влияние на всю систему международных экономических отношений. В этих условиях становиться особенно актуальным исследование структурных особенностей экономики Китая с целью выявления позитивных и негативных тенденция, способных обеспечить или подорвать его экономическую стабильность.

В данной работе нами были проанализированы изменения долей Китая в мировом ВВП, произведенном в каждом из трех секторов экономики, доли Китая в мировых капиталовложениях и в мировом потреблении с 2000 по 2005 гг., а также вклад в эти изменения регионов Китая, сгруппированных по квинтелям на основе ВРП в расчете на душу населения (здесь удалось проследить тенденции вплоть до 2007 г.). Основным источником статистических данных послужили онлайн-версия «Индикаторов мирового развития», публикуемых и регулярно обновляемых Всемирным банком (мы использовали данные на 1 февраля 2009 года), и «Китайские статистические ежегодники» 2001 и 2008 гг.. Результаты такого анализа, на наш взгляд, могут успешно применяться для оценки перспектив развития китайской экономики и вызовов, с которыми она может столкнуться в среднесрочной перспективе.

Проведенное исследование показало, что рост доли Китая в мировом ВВП сопровождался рядом структурных «перекосов». В частности, к 2005 г. подушевой ВВП Китая был еще ниже среднего по странам со средними доходами, хотя и приблизился к нему, тогда как добавленная стоимость в промышленности Китая в расчете на душу населения превысила соответствующий показатель по странам со средними доходами. Среди других значительных «перекосов» следует назвать резкое наращивание инвестиций в основные фонды в ущерб конечному потреблению (главным образом, конечному потреблению домохозяйств).

В результате анализа региональных моделей развития было выявлено, что «перекос» развития Китая в сторону развития промышленности происходит, главным образом, за счет третьего квинтиля, в то вре-

мя как первый квинтиль в период 2000-2007 гг. активно наращивал свою долю в сфере услуг. При этом абсолютные показатели по промышленности и сфере услуг первого квинтиля росли относительно равномерно, в то время как в случае других квинтилей промышленность явно опережала сферу услуг (особенно в случае второго и третьего квинтилей).

Что касается инвестиций в основные фонды, то здесь также наблюдается значительное снижение доли первого квинтиля, прежде всего, за счет второго и четвертого. Доля же первого квинтиля в конечном потреблении, напротив, сильно возросла, главным образом, за счет второго, третьего и пятого квинтилей. При этом по абсолютным показателям рост конечного потребления в первом квинтиле рос пропорционально инвестициям в основные фонды, и, даже, немного обгонял их. Обратная ситуация наблюдалась в остальных квинтилях, причем чем ниже подушевой ВРП, тем значительнее рост капитализации обгонял рост конечного потребления. С одной стороны, это может свидетельствовать об ухудшении качества жизни населения бедных регионов, что приводит к сокращению расходов, однако на наш взгляд, причиной данного явления скорее является стремительное наращивание инвестиций в слаборазвитые регионы.

В целом, можно заключить, что перекосы в структуре ВВП Китая происходят не равномерно, а главным образом за счет слабо (или не очень сильно) развитых регионов. Поскольку эти регионы находятся на ранней стадии развития, наращивание нормы капиталовложений и опережающее развитие промышленности в них можно считать нормальным. Что касается «локомотива» китайской экономики – регионов, в которых проживает пятая часть населения, но производится более 36% китайского ВВП, то они сохраняют свою модель развития, в которой развитие промышленности и сферы услуг идет параллельно, а наращивание капиталовложений не обгоняет рост конечного потребления.

Литература

1. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949-2007. Курс лекций. Ч. 1. М. : Гуманитарий, 2007.
2. Bergsten F. China's Rise. Challenges And Opportunities. / F. Bergsten, Ch. Freeman, N. Lardy, D. Mitchell / – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, September 2008.

3. Naughton B. The Chinese Economy. Transitions And Growth. Cambridge, Massachusetts; London, England: Massachusetts Institute of Technology, 2006.
4. Report on China's Economic Development and Institutional Reform No 1. China: 30 Years of Reform and Opening-Up (1978-2008) / Blue Book of Development and Reform / Beijing: Social Sciences Academic Press (China), 2008.
5. Guojia jingji anquan / Zhongguo xiandai guoji guanxi yanjiuyuan, Jingji anquan yanjiu zhongxin // Beijing: Shishi chubanshe, 2005.
6. Shijie jingji nianjian / Zhongguo shehui kexueyuan, Shijie jingji nianjian bianzhu weiyuanhui // Beijing, 2006.
7. World Development Indicators Online / World Bank, February 1, 2009.
8. China Statistical Yearbook. Beijing: National Bureau of Statistics, 2001-2008.

Меры по поддержке частного предпринимательства в Китае в условиях экономического кризиса

Портнова Полина Павловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Частный сектор представляет собой важную часть китайской экономики. На частные предприятия приходится 40% ВВП, 40% занятых в городах, 1/6 экспорта. В последние годы (2002-2008 гг.) частный сектор бурно развивался: значительно увеличилась численность предприятий, их активы, прибыль.

2. Мировой экономический кризис оказал негативное влияние и на частный сектор экономики. Значительное уменьшение количества зарубежных заказов сильно ударило по многим предприятиям в Китае, особенно средним и мелким (к которым относится основная часть частных предприятий). Массовые банкротства таких предприятий в районах экспортных производств начались уже в 1 половине 2008 г. Многие предприятия закрываются, не оформляя банкротства; приостанавливают работу. Так как экономическое положение основных торговых партнеров Китая вряд ли улучшится в ближайшее время, этот процесс будет продолжаться.

Экономический кризис может иметь неоднозначные последствия для частного сектора.

3. С одной стороны, закрытие ряда предприятий в связи с падением спроса привело бы к уменьшению числа мелких, неэффективных, потребляющих избыточный объем ресурсов предприятий, сокращению избыточных мощностей, консолидации в ряде отраслей.

4. С другой стороны, активное закрытие предприятий приведет к резкому росту безработицы, увеличению социальной нестабильности, что беспокоит власти больше проблем эффективности. О массовых сокращениях не сообщается, однако упоминается о массовом возвращении рабочих-мигрантов обратно в деревни (до 30 млн., $\frac{1}{4}$ от общего количества).

5. Допустить ухудшения ситуации китайское руководство не может, поэтому был выработан ряд мер по поддержке частного сектора. Принимаемые меры имеют различный характер: стимулирующие внутренний спрос (субсидии на покупку домашней бытовой техники), выход на внешний рынок (возврат части НДС на ряд экспортных товаров-3770 видов, отмена экспортных пошлин на некоторые товары), меры по увеличению финансирования (разрешение создание мелких кредитных обществ, расширение финансирования от госбанков). Предлагается также расширить доступ частного бизнеса в нефтяную, электроэнергетическую отрасли, телеграфную связь.

6. Эффект от данных мер может быть неоднозначным: расширить внутренний спрос на большую часть производимых частными предприятиями товаров довольно затруднительно, равно как и поддержать экспорт. Меры по увеличению финансирования, снятию административных барьеров представляются более эффективными. Они могут заложить основу для успешного развития частного предпринимательства в будущем.

7. Работа по реализации плана поддержки частного бизнеса ведется недостаточно эффективно. Несмотря на увеличение объема выдаваемых кредитов, ситуация с финансированием мелкого и среднего бизнеса не улучшилась.

Литература

1. 2008 нянь чжунго дуйвай маои синши фэньши юй цюйши пайдуань (Анализ внешней торговли Китая и тенденций ее развития в 2008 г.) www.china.com.cn
2. 2009 нянь чжунго чикюу бухуэй дафу сяхуа. Цзинци цзэнчжан хуо 9% цзою. (В 2009 экспорт из Китая сократится незначительно. Экономический рост составит около 9%). http://www.china.com.cn/economic/txt/2009-02/24/content_17326847_3.htm
3. Гоцзя гунсиньбу чутай кота нэйсю, цуцзинь цзинци цзэнчжан ши сян цоши (Государственное министерство промышленности информационных технологий предложило 10 мер по расширению внутреннего спроса и стимулированию экономического роста). http://www.china.com.cn/news/txt/2008-11/21/content_16800931.htm

Автомобильная промышленность РФ и КНР в период мирового экономического кризиса

Родионов Андрей Андреевич, Вильнер Роман Михайлович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В современном мире, где взаимосвязь и взаимозависимость национальных экономик достигла невероятно высокого уровня, нельзя рассматривать тенденции развития отдельно взятого государства или рынка, не прослеживая ситуацию в других крупных экономиках и рынках. Именно поэтому сейчас многие специалисты рассматривают перспективы развития автомобильной промышленности КНР и РФ на фоне мирового экономического кризиса, а точнее говоря, на фоне серьезных трудноразрешимых проблем у признанных мировых лидеров в области автомобилестроения, в первую очередь речь идет о легковых автомобилях.

Существует две диаметрально противоположные точки зрения: одни считают, что мировой экономический кризис для производителей автомобилей РФ и КНР может стать хорошей возможностью для улучшения их позиций на мировом рынке. Другие же, напротив, считают, что мировой экономический кризис лишь усугубит ситуацию¹¹, и, возможно, приведет к полному краху автомобильной промышленности РФ и КНР. Обе точки зрения имеют под собой достаточно серьезные аргументы. Но, какая же точка зрения окажется ближе к истине¹²? Что необходимо сделать российским и китайским производителям, чтобы оправдался оптимистичный прогноз¹³?

Последние десятилетия российская автомобильная промышленность переживает не лучшие времена, а с началом кризиса оказалась практически парализованной. Пока что даже такие серьезные действия правительства, как ослабление конкуренции путем увеличения ввозных пошлин на иномарки, не помогли. Уже в январе 2009 года у «АвтоВА-

¹¹ «2009年 中国汽车业压力增大» («В 2009 году возрастет давление на автомобильную промышленность Китая»), статья в «第一财经日报» («Первая финансово-экономическая газета») от 13 февраля 2009 г; адрес сайта газеты: <http://www.china-cbn.com>

¹² Предполагается использование материалов Ассоциации автопроизводителей Китая. Адрес интернет-сайта этой ассоциации: <http://xiehui.anews.cn/>

¹³ Предполагается использовать материалы ведущего автомобильного издания «За рулем». Адрес интернет-сайта данного издания: <http://www.zr.ru>

За» наблюдался 40% спад продаж. Если бы не своевременная помощь государства, то работа на заводе уже была бы приостановлена.

Правительство РФ распоряжением от 9 февраля 2009 года № 139-р предложило дополнительно выделить федеральными органами исполнительной власти в 2009 г. 12,5 млрд. рублей на закупку автомобилей отечественного производства для органов власти и спонсировать 8% стоимости кредита на покупку машин стоимостью до 350 тыс. рублей¹⁴.

Но качество и комфорт отечественного автомобиля, даже при частичном погашении процентной ставки, никак не изменится, поэтому покупатель, скорее всего, будет отдавать предпочтение иномаркам.

Датировать отечественное автомобилестроение нужно, по крайней мере, потому, что это крупная промышленная отрасль, и в ней заняты большая часть населения крупных городов таких, как Нижний Новгород или Тольятти. Поэтому, важно правильно выбрать объект финансирования, чтобы инвестиции не просто поддерживали автопром на нынешнем убыточном уровне с одной только целью не дать ему развалиться, но, напротив, послужили залогом дальнейшего развития отечественного автомобилестроения, как конкурентоспособной отрасли.

Для этого мировой финансовый кризис предоставляет определённые возможности.

Существует расхожее мнение, которое, между прочим, подтверждается владельцами китайских автомобилей, что качество китайских автозапчастей находится на низком и среднем уровнях, то есть, максимально близком к отечественным запчастям.

В то же время, по словам отечественных предпринимателей, работающих в Китае, – если раньше китайские заводы, производящие продукцию более высокого качества, ориентировались на рынки Европы и США, то теперь, при резком снижении заказов, они готовы заключать договора по ещё более низким ценам, чем раньше. К тому же, в условиях кризиса, расширять масштабы производства в Китае – бессмысленно; местным производителям имеет смысл повышать качество своей продукции, чтобы остаться востребованными.

В этих условиях, чтобы сохранить отечественный автопром, кажется разумным направить государственную помощь в производство более узкого круга комплектующих для отечественных автомобилей, но с упором на внедрение новых технологий в их производстве. В то же

¹⁴ «На льготных авто сэкономить не получится», статья от 25 февраля 2009 г. на интернет-сайте www.autonews.ru (<http://www.autonews.ru/autobusiness/news.shtml?2009/02/25/1452158>)

время, самые устаревшие или невыгодные для производства комплектующие можно ввозить из Китая.

Литература

1. Для населения стоимость газа в 2009 г. увеличится на 25%. // (Интернет-портал сообщества ТЭК), 07.11.08, Energyland.info
2. Эра дешевого газа подходит к концу – Путин. // Риа-Новости, 23.12.08, www.rian.ru
3. ПРОЕКТ «АНТИКРИЗИС»: биогаз и удобрения из навоза. // RBC Daily, (Аналитический портал химической промышленности) newchemistry.ru
4. «2009年 中国汽车业压力增大» («В 2009 году возрастет давление на автомобильную промышленность Китая»), статья в «第一财经日报» («Первая финансово-экономическая газета»). // <http://www.chinacbn.com> 13.02.09
5. Ассоциация автопроизводителей Китая. // <http://xiehui.anews.cn/>
6. «За рулём». // <http://www.zr.ru>
7. Интернет-сайт «Autonews». // <http://www.autonews.ru>

Проблемы развития фондов национального благосостояния арабских стран Персидского Залива

Рыбалкин Роман Сергеевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Фонды национального благосостояния (ФНБ) арабских монархий являются важными институциональными инвесторами на международной арене. ФНБ представляют собой государственные инвестиционные учреждения, которые управляют иностранными активами с большей терпимостью к риску и большей ожидаемой доходностью, чем у резервов иностранной валюты центрального банка. [2].

2. Хотя совокупный объем активов арабских ФНБ, по различным оценкам, составлял на конец 2007 года от 1 до 1,5 трлн. долларов, в отличие от большинства институциональных инвесторов, их инвестиционный горизонт практически бесконечен, а механизмы принятия решений достаточно просты, что позволяет им быстрее пользоваться открывающимися инвестиционными возможностями. Кроме этого, низкая прозрачность ФНБ в большей степени подходит для инвестиционной деятельности.

3. Стратегии инвестирования арабских ФНБ различны: в то время как Инвестиционное управление Абу Даби и Инвестиционное управление Кувейта диверсифицируют свои активы между различными

классами инвестиций (акции, инструменты с фиксированной доходностью, альтернативные инструменты), менее крупные фонды предпочитают концентрировать свои вложения в предприятиях, которые будут способствовать экономическому развитию национальных экономик.

4. Все большая доля инвестиций арабских ФНБ возвращается на Ближний Восток, прежде всего в национальную экономику. Кроме этого, ФНБ стран Залива совершают инвестиции и в другие арабские страны: в частности, в Египте на долю инвесторов и стран Залива приходится более 25% всех прямых иностранных инвестиций, при этом большая часть приходится на фонды национального благосостояния [4].

5. Вопрос об эффективности ФНБ как инвесторов остается открытым: в среднесрочном периоде, как правило, приобретенные ими акции показывают меньшую доходность, чем рынок [1]. Более того, снижение доходности, как правило, не компенсируется в достаточной мере снижением рисков [3]. В то же время, сопоставление ФНБ с традиционными инвестиционными фондами с использованием стандартных показателей, вероятно, не вполне оправданно вследствие существования различий в их задачах и обязательствах.

6. Наиболее сильно значение арабских ФНБ проявилось во время кризиса системы ипотечного кредитования в США. В частности, на их долю пришлось 27% финансовых вливаний в крупнейшие финансовые институты в 2007 – первом квартале 2008 года.

7. Большой вклад арабские ФНБ внесли и в борьбу с финансовым кризисом в рамках своих национальных экономик. В частности, в конце 2008 года было объявлено о покупке 10% акций компаний, имеющих котировки на фондовом рынке Кувейта, а также о возможности покупки 10-20% акций банков Катара «для поддержания уверенности на рынке».

8. По мере восстановления уровня цен на нефть до 50-70 долларов США за баррель, объемы активов под управлением арабских ФНБ вырастут, а сами фонды по мере роста опыта проведения крупных сделок станут конкурентами фондов прямых инвестиций на рынке слияний и поглощений.

Литература

1. *Chhaochharia V., Laeven, L.A.* Sovereign Wealth Funds: Their Investment Strategies and Performance, 2008.
2. *Sir John Gieve.* Sovereign wealth funds and global imbalances, Speech to Sovereign Wealth Management Conference London, Friday 14 March 2008.

3. Knill, April M., Lee, Bong-Soo and Mauck, Nathan. "Sleeping with the Enemy" or "An Ounce of Prevention": Sovereign Wealth Fund Investments and Market Instability (January 14, 2009). <http://ssrn.com/abstract=1328045>
4. Mohieldin M. Neighborly Investments, Finance and Development, December 2008.

Роль прямых иностранных инвестиций в экономическом развитии Индии

Удалова Яна Евгеньевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В современных условиях глобализации Индия становится все более активным участником международной миграции капитала. Наиболее эффективной формой международного движения капитала являются прямые иностранные инвестиции (ПИИ), которые предусматривают установление долговременных отношений между страной-донором и страной-реципиентом и, как правило, оказывают значительное влияние на экономику обоих участников. В данном исследовании анализируются результаты функционирования ПИИ в хозяйственном комплексе Индии с целью выявления их роли в экономическом развитии страны.

Принимая во внимание мировой опыт, индийское правительство проводит постепенную либерализацию инвестиционного законодательства страны. Следует признать, что эта государственная политика, которая начала реализовываться с провозглашением в 1991 г. экономической реформы, даёт действенные результаты. Так, кумулятивная сумма ПИИ в экономику Индии в 1990 г. составляла 1,657 млрд. долл., а в 2007 г. – уже 76,226 млрд. долл., то есть за 17 лет она увеличилась примерно в 46 раз [1]. Приток ПИИ в страну в 2007 г. достиг рекордного уровня – 22,95 млрд. долл. Последние 15 лет этот показатель характеризовался общей тенденцией к постоянному росту. Положительная динамика притока ПИИ сменялась отрицательной лишь дважды. Первый раз это наблюдалось с 1998 г. по 2000 г. в связи с финансовым кризисом в Восточной и Юго-Восточной Азии, в частности, в Японии, доля которой в общем объёме ПИИ в Индии значительна. Второй раз – в 2002 г. по причине снижения общемировой финансовой активности, которое явилось следствием, прежде всего, завершения самого длительного в экономической истории США подъёма, а также резкой рыночной коррекцией завышенных ожиданий финансовой доходности "новой экономики. Но, несмотря на эти частные колебания, экономисты прогнозируют устойчивый рост ПИИ в хозяйственный комплекс

Индии. Хотя в условиях современного кризиса мировой экономической системы, вполне реалистичным выглядит снижение темпов прироста ПИИ в экономику Индии, но средне- и долгосрочный тренд останется положительным. Согласно мировому отчёту об инвестициях ЮНКТАД, самыми благоприятными местами для инвестирования в 2009-2010 гг. будут страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Причём Индия будет занимать вторую позицию после Китая среди стран наиболее благоприятных для иностранных капиталовложений [2].

Основные потоки ПИИ, согласно политике индийского правительства, направляются в технологически сложные и наукоёмкие отрасли современного производства (машиностроение, электронная промышленность и сектор информационных технологий, химическая и фармацевтическая промышленность и др.) а также в сектора сферы услуг (гостиничный бизнес, телекоммуникации и др.). ПИИ имеют ряд положительных результатов для данных отраслей экономики: обмен технологическим и управленческим опытом, рост экспортного потенциала страны, а соответственно и рост валютных поступлений, повышение качества и конкурентоспособности, а также ассортимента индийских товаров на мировом рынке, обновление технического оснащения, увеличение занятости, рост доверия мировой общественности к индийским компаниям, развитие инфраструктуры, повышение общей экономической активности и конкуренции в стране. Но, в то же время во всех секторах существуют и отрицательные последствия деятельности ПИИ. Так, в секторе телекоммуникаций среди телефонных компаний с иностранным участием в последнее время всё чаще наблюдается лоббирование, которое выражается в повышении платы за услуги сотовой связи, от чего страдают рядовые индийцы. А, например, в секторе автомобилестроения нередко иностранные инвесторы создают не предприятия по выпуску автомобилей совместного производства, а предприятия по сборке собственно иностранных автомобилей. На таких предприятиях не происходит обмена опытом, а производимые на них иностранные автомобили, продаваясь на индийском рынке, создают труднопреодолимую конкуренцию местным производителям.

Очевидно, что растущие иностранные капиталовложения в форме прямых иностранных инвестиций оказывают существенное влияние на отдельные сектора хозяйственного комплекса Индии, но результаты функционирования ПИИ в разных отраслях носят амбивалентный характер. Вопрос же о влиянии ПИИ в целом на экономическое развитие страны остаётся открытым.

Нередко экономическое развитие отождествляют с экономическим ростом. Но индийские специалисты выработали особую формулу эко-

номического развития, которая выглядит как совокупность трёх взаимосвязанных факторов: экономического роста, относительно равномерного распределения национального дохода и наиболее полной занятости в данных условиях. При рассмотрении каждого из этих компонентов с точки зрения влияния на них ПИИ, были сделаны следующие выводы.

Индийская экономика характеризуется в последние годы устойчивыми и высокими темпами роста. Так, в 2006/07 г. среднегодовой темп прироста ВВП Индии достиг рекордного уровня – 9,2% [3]. Но, в то же время, импорт прямых иностранных инвестиций по отношению к ВВП составил лишь 1% [4]. Процентное соотношение кумулятивной суммы ПИИ к ВВП страны также не отличается большими значениями (2007 г. – 6,7%). ПИИ оказывают влияние в основном на наукоёмкие сектора промышленности и сферу услуг. Именно эти отрасли и лежат в основе экономического роста, но развитие, которое влечёт за собой этот рост, не является равномерным, т. к. аграрный сектор, на который приходится 20% ВВП, оставшиеся отрасли промышленности и сектор традиционных услуг остаются не вовлечёнными в процесс развития.

Хотя в целом иностранные предприятия увеличивают занятость в стране, но это касается преимущественно высококвалифицированных работников, относящихся к среднему классу, и не затрагивает так называемых «остальных» (в индийской терминологии “*other backward classes*”), которые вовлечены в неорганизованное предпринимательство, сферу традиционных мелких услуг (около 500 млн. чел.). Так, положительные результаты деятельности ПИИ в стране на себе может испытывать лишь население, относящееся к научно-техническим и индустриально-производительным силам, которые составляют немногим больше трети населения Индии.

Таким образом, можно говорить лишь о частичном влиянии прямых иностранных инвестиций на экономическое развитие страны на данном этапе. Хотя теоретически в долгосрочной перспективе роль ПИИ в контексте индийского хозяйственного комплекса может иметь тенденцию к росту, иностранные инвестиции не станут фактором, определяющим экономическое развитие страны.

Литература

1. World Investment Report 2007: Transnational Corporations, Extractive Industries and Development. UNCTAD, 2007, p. 290.
2. World Investment Report 2008: Transnational Corporations and the Infrastructure Challenge. UNCTAD, 2008, p. 33.
3. Economic Survey 2007-08. Government of India, New Delhi, 2008, p.3.
4. www.finmin.nic.in

Сравнительная характеристика инвестиционного климата в арабских странах

Успенский Евгений Эдуардович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

По определению экспертов Всемирного банка, инвестиционный климат представляет собой совокупность факторов, стимулирующих коммерческие предприятия к принятию наиболее эффективных инвестиционных решений, созданию новых рабочих мест и расширению бизнеса. Инвестиционный климат можно считать развитым в том случае, когда наравне с увеличением количества инвестиций повышается и их качество. Только эффективные инвестиции оказывают реальное воздействие на экономический рост, а также способствуют борьбе с бедностью [4, с. 19, 31].

Инвестиционный климат достаточно сложно квантифицировать. Однако многие его составляющие входят в Индекс Конкурентоспособности Всемирного Экономического Форума [2]. Речь идёт, прежде всего, об инфраструктуре, качестве институтов, макроэкономической стабильности, эффективности финансового рынка и рынка труда, а также о ёмкости внутреннего рынка. Следовательно, оценки ВЭФа можно использовать для изучения инвестиционного климата в той или иной стране. Кроме того, при оценке инвестиционной привлекательности той или иной страны необходимо учитывать фактор политической стабильности. Чем менее политически стабильной является страна, тем при прочих равных условиях её экономика менее привлекательна для инвесторов.

С точки зрения автора, по качеству инвестиционного климата арабские страны с определённой долей условности можно разделить на пять групп: инвестиционно привлекательные страны первой и второй категории, инвестиционно малопривлекательные страны первой и второй категории и страны, оценка инвестиционной привлекательности которых в настоящее время затруднена.

К группе стран, оценка инвестиционной привлекательности которых в настоящее время затруднена, относятся Ирак, Ливан, Мавритания и Судан. Общей чертой этих стран является отсутствие политической стабильности. В то же время они обладают значительным потенциалом для успешного экономического развития. Например, положение Ирака на мировых рынках серьёзно пошатнуло иностранная оккупация. Однако Ирак по-прежнему занимает третье место в мире по запасам нефти (15 млрд. 753 млн. т. или 9% от мировых запасов) [6], а, следовательно, представляет интерес для инвесторов. На сегодняшний

день вложение средств в экономику данной группы стран представляется неразумным, но в случае стабилизации политической обстановки они вполне могут претендовать на переход в группу инвестиционно привлекательных стран.

Палестинская автономия, Йемен и Оман составляют группу инвестиционно малопривлекательных стран второй категории. При этом в отличие от Йемена и Омана Палестинская автономия не обладает политической стабильностью, но не может быть включена в группу стран, оценка инвестиционной привлекательности которых затруднена, так как не обладает перспективами для успешного экономического развития. Экономики Йемена и Омана, несмотря на значительные различия, сталкиваются с похожими проблемами. Главной проблемой является истощение нефтяных ресурсов в этих странах. В частности ещё в 1995 году в Маскате была созвана международная конференция, посвящённая перспективам развития оманской экономики к 2020 году, т.е. к тому моменту, когда предположительно должны быть исчерпаны углеводородные ресурсы страны [1, с. 143]. Если не считать Палестинской автономии и Сирии, можно сказать, что группа инвестиционно малопривлекательных стран второй категории отличается от группы инвестиционно малопривлекательных стран первой категории, прежде всего, отсутствием значительных запасов углеводородного сырья.

К группе инвестиционно малопривлекательных стран первой категории относятся Алжир, Катар, Кувейт, Ливия и Сирия. Как уже было сказано Алжир, Катар, Кувейт и Ливия попали в данную группу стран благодаря наличию крупных запасов нефти и газа. Что касается Сирии, то её место в данной группе стран обусловлено наличием мощного сельскохозяйственного потенциала, что играет немаловажную роль в арабском мире.

Бахрейн, Египет и Иордания входят в группу инвестиционно привлекательных стран второй категории. Это связано с тем, что данные страны получают значительное количество иностранных инвестиций и обладают достаточной политической стабильностью. Кроме того, Бахрейн претендует на роль регионального и международного финансового центра. Финансовый сектор Бахрейна уже сейчас является одним из локомотивов экономического роста в регионе и крупным региональным работодателем [5, с. 3]. Египет представляет собой крупнейшую экономику среди арабских стран Северной Африки, а экономическое развитие Иордании можно считать наиболее успешным среди арабских стран Юго-Западной Азии (не считая стран ССАГПЗ).

К группе инвестиционно привлекательных стран первой категории относятся Марокко, ОАЭ, Саудовская Аравия и Тунис. Эти страны отличаются наиболее высокой степенью политической стабильности, а

также являются региональными лидерами по количеству получаемых инвестиций [3].

По мнению автора, предложенная классификация полностью отражает современное состояние инвестиционного климата в арабских странах. Однако не исключено, что в связи с Мировым финансовым кризисом положение ряда арабских стран в рамках данной классификации изменится.

Литература.

1. *Исаев В.А., Филоник А.О.* Султанат Оман (очерк общественно-политического и социально-экономического развития), М., 2001.
2. The Global Competitiveness Report 2008-2009, by World Economic Forum.
3. UNCTAD Handbook of Statistics 2008.
4. World Development Report 2005, Washington DC, 2004.
5. *David Grigorian, Vlad Manole.* A Cross-Country Nonparametric Analysis of Bahrain's Banking System, IMF Working Paper, June 2005
6. Oil and Gas Journal, 20.12.2004.

ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Роль денежных трансфертов мигрантов в обеспечении экономического роста стран Центральной Азии и Закавказья

Алиев Тимур Мамедович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Стремительно возрастающие за последние несколько лет объемы денежных переводов предопределили их как самый важный и крупный источник внешнего финансирования для многих развивающихся стран, причем данное экономическое и социальное явление стало приобретать ярко выраженный характер и на постсоветском пространстве, где сформировался один из крупнейших в мире центров трудовой миграции и трансфертных потоков.

Информационной основой данной работы послужили недавние исследования группы экспертов Всемирного Банка по вопросам миграции и денежных переводов мигрантов в мире и по отдельным аспектам данной проблематики¹⁵. Необходимо отметить, что опубликованные в справочных изданиях и аналитических обзорах фактические данные базируются на официально зарегистрированных материалах по миграционной динамике и трансфертам мигрантов, реальные же величины, касающиеся количества перемещающихся в пространстве легальных и нелегальных мигрантов и переводимых ими финансовых средств по оценкам большинства исследователей превышают приводимые ниже цифры как минимум на 50%, а в некоторых случаях и более.

Центром притяжения и основным «работодателем» для мигрантов из стран Центральной Азии и Закавказья, а также для европейских стран СНГ, является Российская Федерация, на территории которой образовались крупнейшие мировые миграционные коридоры, общей разноразмерной «пропускной способностью» 8 млн. человек (в РФ) и 6,6 млн. человек (из РФ). И именно Россия является основным донором финансовых средств, поступающих от мигрантов в соседние страны. Так, с начала текущего десятилетия из РФ было переведено в общей сложности около 50 млрд. долл., из них 29 млрд. только за 2006 и 2007 гг. По данному показателю она занимала второе место в мире в 2007 году (17,7 млрд. \$ или 1,37% ВВП, рассчитанного по обменному курсу).

¹⁵ В этих исследованиях данные по Узбекистану и Туркменистану отсутствуют.

Несколько выше, более чем в 3 раза по сравнению с российским показателем, удельный вес вывезенных денежных переводов в масштабе всей экономики Казахстана – субрегионального центра притяжения трудовых ресурсов. В 2005 году сумма переведенных мигрантами из Казахстана денежных средств составила 2,0 млрд. долл. или 3,5% ВВП, в 2006 году – 3,0 млрд. долл. (3,74% ВВП), в 2007 году – 4,3 млрд. долл. (4,14% ВВП).

Чтобы оценить вклад денежных переводов в экономику принимающих стран, проведем следующие сопоставления. Так, например, в Таджикистане, в котором отмечено максимальное в мире соотношение денежных переводов к ВВП за последние два года, по которым имеются данные, удельный вес этих переводов в 2007 году превышал вклад промышленности и сельского хозяйства в валовую добавленную стоимость (40%), а доходы консолидированного бюджета – на 16,5%. В Киргизии их доля превышала долю в ВВП промышленности и строительства (18,9%), немногим уступая доходной части бюджета страны. Денежные переводы мигрантов из Киргизии превысили доходы основной статьи экспорта этой крайне малообеспеченной какими-либо ресурсами небольшой республики – золота – в 3 раза.

Самый высокий показатель удельного веса денежных переводов в ВВП среди закавказских республик наблюдается в Армении, причем стоит отметить несколько снизившееся за последние годы его значение с максимального в 2003 году (24,4%). Несмотря на это, вклад сумм денежных переводов мигрантов в экономику страны остается еще очень значительным, практически сопоставимый с долевым участием промышленности или сельского хозяйства в создании всей добавленной стоимости ВВП страны.

Из рассматриваемых стран по степени соотношения трансграничных денежных переводов физических лиц с самыми значимыми экономическими индикаторами (их незначительными величинами) несколько обособляются Азербайджан и Грузия. Однако проведенные ранее исследования позволяют как минимум в 1,5-2 раза повысить величину денежных потоков и реальное влияние поступающих извне (т.е. из России) финансовых средств мигрантов на их экономику. При таких оценках денежные поступления мигрантов могут достигать 10-15% ВВП, половины доходной части бюджета, соответствовать величине инвестиционных потоков в данные страны.

По общей величине финансовых потоков переводы занимают второе место в мире после прямых иностранных инвестиций и намного обгоняют объемы правительственной зарубежной помощи. Если посмотреть на изучаемый нами регион, то картина становится еще более интересной. В этих странах, за исключением Азербайджана и Грузии,

где более динамично развивается инвестиционная деятельность, сумма денежных переводов превышала совокупный объем зарубежных инвестиций и поступающей от правительственных и международных организаций финансовой помощи в среднем почти в два раза.

Подавляющая часть денежных средств мигрантов поступает близким родственникам, остающимся на родине, которая используется прежде всего для покрытия большей части потребительских расходов. Они также обеспечивают более значительные инвестиции домохозяйств в образование и здоровье, откладываются как сбережения, способствуют росту предпринимательской активности, таким образом положительно влияя на краткосрочный экономический рост и снижение уровня бедности через повышение внутреннего спроса. Хотя следует признать, что пока их роль в долгосрочном экономическом развитии стран-реципиентов через инвестиции в производство и другие секторы экономики пока незначительна и ограничена низким уровнем доходов, слабым уровнем личной инициативы вернувшихся на родину мигрантов в связи с неблагоприятным деловым климатом и др.

Можно резюмировать, что с учетом той роли, которую играют денежные переводы мигрантов в принимающих странах ЦАР и Закавказья, можно классифицировать их как страны типично миграционной (и лишь Азербайджан – ресурсно-миграционной) модели развития экономики.

Литература

1. Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира. М., 2008.
2. Содружество Независимых Государств в 2007 году: Статистический ежегодник. М., 2008.
3. Global Economic Prospects. Economic Implications of Remittances and Migration. World Bank 2006.
4. Migration and Remittances: Eastern Europe and the Former Soviet Union. Edited by Ali Mansoor and Bryce Quillin. World Bank 2006.
5. Migration and Remittances Factbook 2008. World Bank.
6. Statistical Yearbook of Georgia: 2008/Department of Statistics under Ministry of Economic Development of Georgia. Tbilisi, 2008.
7. World Development Indicators 2007; World Development Report 2009. World Bank.
8. World Development Indicators database, World Bank, revised 10 September 2008.
9. World Investment Report 2008. UNCTAD.
10. <http://data.un.org/> - Commodity Trade Statistics Database.
11. <http://econ.worldbank.org> – раздел Prospects > Remittances Data.

Основные этапы экономического развития Республики Казахстан (1991-2007 гг.)

Алиев Тимур Мамедович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Колоссальное изменение в геополитическом мироустройстве в конце XX века придало огромный импульс развитию дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, проявившемся в форме суверенизации и появлении новых независимых государств. Еще недавно Казахстан был одним из государств переходной экономики, пережившим все тяготы столь сложной трансформации экономической системы и общественного уклада, который по сути своей, также как и остальные центральноазиатские республики бывшей великой социалистической державы, перешел в разряд развивающихся стран. Хотя приведенный выше тезис подлежит некоторым, возможно и спорным, противопоставлениям на основе объективных количественных и качественных социально-экономических характеристик.

До последнего времени (здесь имеется в виду переломный для всего глобализирующегося мира этап начала экономической рецессии, глубина и масштабы которой еще не определены для Казахстана, в частности, и мировой экономики, в целом) эта страна входила в число наиболее быстро растущих экономик Азии, занимала одну из лидирующих позиций в странах СНГ и бесспорно являлась экономическим и политическим «тяжеловесом», центром тяжести всего центральноазиатского региона.

18 лет независимого существования Казахстана – достаточный срок для предварительных выводов экономических преобразований и отслеживания периодизации в экономическом развитии. Приведенные в таблице данные позволяют выделить основные этапы реформирования переходной экономики республики и дальнейшего ее развития в качестве сформировавшейся рыночной экономики.

Здесь следует сделать небольшую оговорку. Дело в том, что в таблице и в целом, в контексте данной статьи, охвачен временной ряд с 1991 года, непосредственно предшествовавшего независимому развитию Республики Казахстан и он же рассматривается как базовый для соотносительного сравнения важнейших социально-экономических индикаторов, хотя статистические данные, не вошедшие во временные рамки рассматриваемого периода указывают на то, что наиболее успешным предкризисным годом развития советской экономики в целом и ее составных частей в лице входящих в нее республик, и в частности

Казахстана, является 1989 г., и такое соотношение выглядело бы более целесообразным и объективным.

Как мы видим, независимый Казахстан начал свое существование при уже stagnирующих стартовых условиях экономического развития. Хотя следует признать несколько завышенную оценку масштабов снижения экономических показателей по причине недоучета или игнорирования разраставшегося в эти переломные годы неформального, «теневое» сектора экономики.

Начало экономических реформ в Казахстане, как впрочем и во всех остальных вновь образованных странах постсоветского пространства, характеризуется затяжной рецессией. Объем валовой продукции в промышленности и сельском хозяйстве (которое помимо прочего зависело и от изменчивости физико-географических, в частности климатических, условий) снижался весьма высокими темпами, ухудшалось социально-экономическое положение республики. Как показывают материалы таблицы максимальное падение уровня производства ВВП (около 31%) приходится на 1995 г., в котором подушевой показатель валового продукта снизился на 28,2%, промышленного производства – более чем в половину (52%). Только высокий урожай 1992 г. несколько сгладил последствия кризисного спада в сельском хозяйстве республики и «сдвинул» нижнюю точку масштабности кризиса в отрасли на 1998 г., совпавший со второй фазой экономической рецессии. Наибольший спад, более чем в 3 раза, наблюдался в сфере розничного товарооборота.

Но все же следует признать, что данный период был этапом весомых рыночных преобразований и формирования фундамента смешанной экономики, основанной на концепции радикального перехода, предполагающей быстрое, широкое и параллельное проведение системных экономических реформ – демонтаж централизованного планирования и дерегулирование финансовой сферы, либерализацию цен, внутренней торговли и внешнеэкономической деятельности, проведение широкомасштабной программы приватизации и разгосударствления. Качественно новый этап экономических преобразований в Казахстане начался с введения в ноябре 1993 г. национальной валюты – тенге, а также привлечения помощи международных финансовых организаций в рамках программ системных преобразований и стабилизационных кредитов.

Стабилизация экономического развития, наметившаяся во второй половине 1990-х гг. была приостановлена в 1998 г. финансовым кризисом. Тем не менее, к концу 90-х гг. Казахстану удалось преодолеть кризисную ситуацию, о чем ярко свидетельствуют приведенные в таблице индикаторы макроэкономического развития, и создать предпо-

сылки для начавшегося после 2000 г. оживления экономики. В этот этап развития происходил переход от тенденции постоянного снижения практически всех экономических показателей к стабильному экономическому росту.

Уровень базисного подушевого ВВП был «восстановлен» в 2002 г., а в 2003 г. ВВП Казахстана достиг и превысил показатель 1991 г. на 6,3%. Средний прирост ВВП в восстановительный период (1999-2002 гг.) составил 9,0%, уровня ВВП на душу населения – 9,3%, промышленного производства – 10,6%, а в поствосстановительный (2003-2007 гг.) данные показатели равнялись значениям в 9,6%, 8,7% и 7,3%, соответственно.

В 2007 г. ВВП Казахстана превышал аналогичный показатель 1991 г. более чем в полтора раза, а уровень экономического развития по сравнению с наиболее кризисным 1995 г. вырос почти в 2,3 раза. По последним опубликованным данным Всемирного Банка размер казахстанской экономики, рассчитанный по более точной методике с учетом паритетов покупательской способности и итогов предыдущего раунда сопоставлений, оценивался в 167,7 млрд. долл. (на 63,8 млрд. \$ больше, чем рассчитанный по обменному курсу), немногим уступая Финляндии и Израилю и занимая 55-е место в мировом ранжировании по данному показателю.

Мы наблюдаем ярко выраженный положительный тренд экономического развития Казахстана за рассматриваемый период. Но, очевидно, его окончание (если быть точнее – вторая половина 2008-го г.) будет отправной точкой новой периодизации экономической истории Республики Казахстан.

Литература

1. 15 лет Содружества Независимых Государств (1991-2005): Статистический сборник/Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2006.
2. Казахстан за годы независимости (1991-2007): Статистический сборник. // Агентство Республики Казахстан по статистике. Астана, 2008.
3. Содружество Независимых Государств в 2007 году: Статистический ежегодник. // Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2008.
4. 2005 International Comparison Program. Tables of final results. World Bank, 2008.
5. World Development Indicators 2008. World Bank.
6. World Development Indicators database, World Bank, revised 10 September 2008.

7. <http://www.akorda.kz/> – официальный сайт Президента Республики Казахстан.
8. База данных Всемирного Банка (1960-2005 гг.), предоставленная Информационным центром ВБ в Москве (www.worldbank.org.ru).

Разумность активного внедрения биогаза в качестве дополнительного источника энергии в условиях экономического кризиса в России

Вильнер Роман Михайлович, Смирнов Александр Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Политика повышения цен на газ имеет долгосрочный характер, что подтверждается выступлением Владимира Путина на 7-й министерской встрече Форума стран-экспортеров газа. В.В.Путин отметил, что действующие газовые месторождения близки к истощению, а перспективные газовые ресурсы залегают преимущественно вдали от ведущих центров потребления. По его информации «затраты на разведку, добычу и транспортировку продукта неизбежно повышаются», «все это означает, что резко растут затраты, необходимые для развития отрасли, и это означает, что, несмотря на известные проблемы в финансах, эпоха дешевых энергоресурсов, дешевого газа, конечно, заканчивается».

Уже утверждён план, по которому оптовые цены на газ в 2009 году вырастут на 19,6%. Для населения стоимость газа увеличится на 25%. Причём, ранее, для населения рост цен на газ был запланирован на 13% в 2009 г.

В соответствии с российской спецификой, в условиях мирового кризиса цены на бензин и дизель почти не меняются, так как они позволяют компенсировать налоговую нагрузку нефтяным компаниям.

В этих условиях в качестве разумного дополнения основных источников энергии с увеличением доли в энергобалансе в будущем, может стать биогаз. Этот источник энергии обладает рядом преимуществ особенно в условиях текущего кризиса. Например, независимость от тарифов на электроэнергию и газ, а также сбоев поставок Центральной сети в снабжении газом и электричеством; резкое снижение расходов на утилизацию отходов; окупаемость затрат на крупномасштабные проекты в течение 7 лет при низких ценах на газ, существовавших на российском рынке до недавнего времени (без учёта их запланированного повышения, а, как следствие, ещё более быстрой окупаемости).

Для оценки возможности внедрения биогазовых технологий во время мирового кризиса, авторы, помимо рассмотрения современной

экономической ситуации, прибегли к историческому анализу изучаемой темы.

Существует версия, что одним из первых в истории биогазовые установки начал использовать Китай. Первая волна использования биогаза относится к 1920-м гг. Создатель первой установки Ло Гожуй основал компанию по использованию биогаза в промышленных масштабах. Вторая волна использования биогаза относится к 1958 г., когда развернулась кампания по широкому использованию всех функциональных возможностей биогаза. Третья волна распространения биогаза приходится на рубеж 1970-80 гг. 20 столетия, когда китайское правительство объявило биогаз эффективным и рациональным способом использования природных ресурсов. Использование биогаза считалось важной составляющей процесса модернизации сельского хозяйства. В 2003 г. был провозглашен Национальный план биогазового строительства в сельских районах. Задачей ставилось распространение использования биогазовых технологий на 20 млн. хозяйств.

Из приведенных исторических данных видна тенденция к использованию альтернативных технологий производства энергии и удобрений именно в периоды экономической нестабильности. 1920-е гг. стали для Китая эпохой экономического хаоса. Постепенно использование биогаза становится одной из доминант государственной сельскохозяйственной политики, и получает все большее распространение в условиях повышающихся потребностей в энергоносителях.

На примере других развивающихся стран, таких как Индия, Вьетнам, Коста-Рика видно, что сельскохозяйственные субъекты прибегают к использованию биогазовых технологий в экономически неблагоприятных условиях. Мы предполагаем, что и переживаемый нами мировой экономический кризис подтолкнет немалое количество стран к внедрению биогазовых технологий.

Литература

1. Для населения стоимость газа в 2009 году увеличится на 25%. // (Интернет-портал сообщества ТЭК) Energyland.info (07.11.08).
2. Эра дешевого газа подходит к концу – Путин. // Риа-новости, rian.ru (23.12.08)
3. ПРОЕКТ «АНТИКРИЗИС»: биогаз и удобрения из навоза. // RBC Daily, (Аналитический портал химической промышленности) newchemistry.ru (2008)
4. The Institute of Science in society, article Biogas China. // i-sis.org.uk (02.10.06)
5. Agricultural Biogas Production in China. // anaerobic-digestion.com (2007)

Социально-политические аспекты внутренней миграции в КНР

Весновская Наталия Альбертовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Труд рабочих-мигрантов давно стал двигающей силой экономического роста Китая. Таких работников считают дешевой рабочей силой. Состояние китайских деревень плачевно настолько, что люди не могут прокормить себя и свою семью, не могут найти работу, поэтому трудоспособные жители покидают свои дома и отправляются в города. С каждым годом их количество увеличивается, превышая сегодня 200 млн. Рабочих-мигрантов и их семьи называют «дрейфующим населением». С формированием новой социальной группы в КНР вырисовывается и целый ряд сопутствующих социально-политических проблем.

Одним из важнейших вопросов является жилищный вопрос. Компании, принимающие на работу рабочих-мигрантов, а иногда их доля составляет около 70% всех работников предприятий, часто предоставляет общежитие. Обычно такое общежитие не может предоставить условия, достаточные для более или менее комфортной жизни. Не все предприятия могут обеспечить своих работников общежитием, а плата за аренду квартир высока.

Нерешенным остается вопрос с социальным обеспечением. В соответствии с нынешним законодательством, работник может рассчитывать на пенсионное обеспечение лишь после того, как он будет выплачивать социальную страховку в определенной провинции в течение как минимум 15 лет. Но это невозможно, так как рабочие-мигранты, часто меняя место работы, переезжают из одной провинции в другую.

Рабочих-мигрантов можно условно разделить на два поколения: рожденные до 1980 г. и позже. Первые обычно едут в город лишь в поисках заработка, они не пытаются свыкнуться с жизнью в городе, влиться в городскую среду. Их цель – заработать деньги и вернуться на родину. Молодое же поколение все чаще и чаще стремится остаться в городе, у них уже нет той крепкой связи с землей, которая присуща предыдущим поколениям деревенских жителей. Приезжая в город, они быстро адаптируются, у них появляются новые цели в жизни, другие ценности. Их уже не устраивает «не возвышающий их достоинства» физический труд, они хотят стать более квалифицированными работниками. Для этого все свое свободное время они посвящают учебе. Самообразование становится все более и более распространено среди молодого поколения рабочих-мигрантов.

С каждым годом среди мигрантов возрастает доля молодежи. По статистике, доля желающих получить больше знаний и добиться больших высот среди «дрейфующего населения» равна примерно 74%¹⁶. Однако, несмотря на их молодой возраст и значительные карьерные успехи, схожесть ценностей и интересов с их городскими сверстниками, статус молодых мигрантов в городе не равнозначен городским жителям. Пока между ними сохраняется труднопреодолимая грань.

Из 200 млн. дрейфующего населения 20 млн. – дети. В городе для них не хватает мест в детских садах и школах, оплата, которую взимают с родителей-мигрантов, далеко не всем по карману (среднее образование в Китае считается бесплатным, однако родители вынуждены покрывать часть расходов школ часть расходов на коммунальные услуги и пр.) Так, многие родители оказываются не способными воспитывать своих детей, и тогда они отправляют их к себе на родину на воспитание к родственникам. Дети, которые все же остаются в городе, часто, не достигнув совершеннолетия, вынуждены бросить учебу и идти на работу, чтобы помочь своим родителям. Дети, родители которых могут обеспечить им образование, с детства знакомятся с городской культурой и образом жизни, для них возвращение в деревню было бы особенно трудным.

Какова дальнейшая судьба «дрейфующего населения»? К началу июля 2007 г. задолженность по заработным выплатам рабочим-мигрантам составила около 433,2 млрд. юаней¹⁷. В 2008 г. в связи с финансовым кризисом эта сумма многократно увеличилась, так как большинство компаний, которые вынуждены увольнять своих работников, не в состоянии выплатить им выходное пособие в размере двух месячных зарплат. На многих предприятиях заработная плата уже не выплачивалась в течение нескольких месяцев. Митинги и протесты против сложившейся ситуации сейчас можно наблюдать по всему Китаю. Довольно активно действуют и юристы, оказывающие правовую помощь мигрантам. Правительство Китая выделяет деньги на создание новых рабочих мест. Но, даже учитывая указанные факторы, в сложных экономических условиях количество мигрантов, вынужденных вернуться на родину, будет продолжать расти. Останутся ли эти люди в деревнях и смогут ли найти работу там? Недавно правительство Китая объявило о проведении земельной реформы, которая открывает новые возможности для расширения деятельности в деревнях. Но вопрос о будущем «дрейфующего населения» остается открытым.

¹⁶ http://www.beijingreview.com.cn/zhuant/80/txt/2008-06/24/content_129023.htm

¹⁷ См.: <http://cnmg.cc333.com/83/899027/page3.asp?webid=cc333&userid=899027&menu=2&articleid=820>.

Литература

1. Beijing Review//www.bjreview.com
2. cnmg.cc333.com
3. New York Times//www.nytimes.com
4. russian.people.com.cn
5. southcn.com
6. Сайт агентства «Синьхуа»//www.xinhuanet.com
7. zgnmg.org

Трансграничные экологические проблемы Израиля, Палестины, Иордании

Корцеништейн Маргарита Наумовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Как природные ресурсы, так и экологические проблемы часто пересекают границы государств. Трансграничное загрязнение общих источников воды является наиболее острой экологической проблемой, которая стоит перед Израилем и Палестинской Автономией. Израиль черпает две трети пресной воды из подземных резервуаров, самый лучший из которых - Горный водоносный горизонт. Для палестинцев Западного берега реки Иордан это единственный источник воды. В основном, он загрязняется проникающими сквозь почву необработанными сточными водами, большей частью, в областях, подконтрольных ПНА, но также и стоками израильских поселений на ЗБРИ. Данные различных исследований показывают, что следы загрязнений уже обнаруживаются в подпочвенных водах и колодцах.

Сточные воды также загрязняют ручьи, которые текут с ЗБРИ на территорию Израиля – Кишон, Александр, Яркон, Сорек, Модииин, Хеврон. Наиболее серьёзную опасность представляют промышленные стоки.

Большая часть решений, которые предлагались для сбора и переработки палестинских стоков (строительство различных очистных сооружений), осталась нереализованной, несмотря на выделенные странами-донорами миллионы долларов. Нынешнее плачевное состояние палестинской канализационной инфраструктуры стало результатом событий Интифады и недостаточного внимания палестинского руководства к данной проблеме. Однако и до начала Интифады палестинцы отказывались от предложений по совместному решению этого вопроса с Израилем.

Серьёзную проблему также представляет утилизация отходов на ЗБРИ. Несанитарные способы утилизации загрязняют подземные воды, воздух и отрицательно влияют на ландшафт.

Помимо проблем загрязнения подземных источников воды, требуют немедленного решения вопросы, связанные с состоянием р. Иордан и Мёртвого моря.

Река Иордан в нижнем течении является общей для Израиля, Иордании и, частично, ПНА. Нижний Иордан страдает от недостаточного притока воды из-за большой эксплуатации в верхнем течении и в бассейне озера Кинерет. Течение Иордана содержит стоки, солёную воду и возвращённую воду от ирригации с двух берегов. В мирном договоре с Иорданией содержатся статьи, оговаривающие опреснение вод Нижнего Иордана и создание заповедника вдоль его берегов, но ни один из этих проектов не находится в стадии планирования или реализации. Более того, долина р. Иордан с израильской стороны превращена в закрытую военную зону, и доступ туда людей ограничен.

Восстановление реки Иордан может способствовать реализации туристического потенциала этих мест, который на данный момент практически игнорируется. Кроме того, состояние реки имеет прямое влияние на положение Мёртвого моря. Точнее, нынешний кризис Мёртвого моря коренится в проблемах р. Иордан. Экологически разумное преодоление данного кризиса должно включать ликвидацию вызвавших его причин.

Конфликтная политическая ситуация, безусловно, осложняет и делает почти невозможным полноценное сотрудничество Израиля, Палестины и Иордании. Однако у сторон подчас просто нет другого выхода, кроме как организовать взаимодействие, пусть и не на постоянной основе и не на самом высоком уровне. Одна из немногих общественных организаций, занимающихся рассматриваемой проблемой - «Friends of the Earth Middle East». Она является членом крупнейшей международной экологической организации «Друзья Земли». Цель организации FOEME – продвижение мира в регионе с помощью сотрудничества в области решения общих экологических проблем. У FOEME есть офисы в Тель-Авиве, Вифлееме и Аммане. Она осуществляет ряд экологических проектов в пограничных населённых пунктах Израиля и ПНА.

Что касается Средиземного моря (выход к нему имеют Израиль и Сектор Газа) и Красного моря (выход к нему имеют Израиль, Иордания, Египет), в целом их загрязнение невелико. Существуют программы сотрудничества Израиля, Иордании, Египта по экстренному реагированию в случае крупных загрязнений. Основные источники загрязнения Средиземного моря находятся на израильской части побережья.

Однако в последнее время всё большую тревогу вызывают сточные воды из Сектора Газа.

Трансграничные экологические проблемы необходимо учитывать для построения долгосрочных прогнозов развития ситуации в регионе.

Литература

1. FOEME (Friends of the Earth Middle East) (2004), *"A seeping time bomb: pollution of Mountain Aquifer by sewage"*, www.foeme.org
2. Протокол заседания Комиссии по внутренним делам и окружающей среде Кнессета (21.06.2006) (иврит)
3. FOEME (Friends of the Earth Middle East) (2006), *"A seeping time bomb: pollution of Mountain Aquifer by solid waste"*, www.foeme.org
4. Клиот Н. Трансграничное загрязнение: Израиль, арабские страны и ПНА (иврит), Иерусалимский институт израильских исследований, 2003.
5. www.haarez.co.il (16.12.07)
6. Feitelson E., Haddad M. (Eds). Management of Shared Groundwater Resources: The Israeli–Palestinian Case with an International Perspective, Dordrecht: Kluwer, 2001.
7. geography.huji.ac.il/emppp/courses/Itay/Transboundary/2007/mazagot2007/Mountain%20aquifer.ppt
8. www.maof.ru (25.05.2008)
9. FOEME, Требования к Всемирному банку относительно проекта «Долина мира» (иврит), 2007.

Программы ЕС для Турции в области регионального развития

Кузнецова Анастасия Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В 2003 г. Турция официально стала кандидатом в члены Европейского союза. Статус кандидата налагает на страну целый ряд обязательств по выполнению требований ЕС в различных областях социально-экономической и политической жизни. В то же время на предвступительной стадии для стран-кандидатов предусмотрена всевозможная помощь, направленная на то, чтобы облегчить им процесс подготовки к вступлению. Эта помощь предусматривает финансовую поддержку в различных формах и включает 5 направлений: институциональное строительство, трансграничное сотрудничество, развитие регионов, человеческих ресурсов, сельских районов. По объемам выделяемых средств региональное развитие является одним из самых крупных направлений в программе финансовой помощи Турции на 2007-2012 гг.:

на него приходится от 32,3% до 39% общего объема финансовой помощи стране.

В настоящее время в Турции при финансовой поддержке ЕС реализуются различные виды проектов, нацеленных на развитие отсталых регионов и выравнивание региональных диспропорций, а также приобретение опыта разработки и реализации региональной политики как на общенациональном уровне, так и в масштабах отдельных регионов. Они могут быть сгруппированы по следующим направлениям: развитие регионов NUTS 2; повышение конкурентоспособности регионов; трансграничное сотрудничество с Болгарией и Грецией; укрепление институциональной структуры региональной политики; политика в области урбанизации; создание кластеров и поддержка малого и среднего бизнеса; развитие транспортной инфраструктуры; охрана окружающей среды и использование природных ресурсов; развитие сельских районов.

Эти проекты являются неотъемлемой составной частью программ «предвступительной помощи» ЕС Турции. Поэтому методические основы их разработки и порядок реализации заложены в документах общего характера, определяющих условия помощи Турции со стороны Евросоюза на предвступительной стадии.

Вместе с тем эти проекты тесно коррелируют с задачами национальных проектов и программ регионального развития Турции, а также вписываются в перечень целей и приоритетов в данной области, обозначенных в 8-м (2001-2005 гг.) и 9-м (2007-2013 гг.) Планах национального развития Турции и состоящих в:

- сокращении межрегионального дисбаланса на основе устойчивого развития регионов, межрегиональной интеграции, улучшения качества жизни, предоставления равных возможностей регионам в целом и их жителям,
- гармонизации региональной политики Турции с региональной политикой ЕС,
- учете социально-экономической структуры и потенциала регионов при принятии решений о финансовой помощи.

Гармонизация и координация регионального планирования Турции с программами «предвступительной помощи» и планами национального развития усиливает синергетический потенциал планов регионального развития Турции, финансируемых ЕС.

Конкретные итоги реализации программ регионального развития Турции, разрабатываемых и осуществляемых при поддержке фондов Евросоюза, подводить пока преждевременно. На данной стадии включения Турции в систему европейской региональной политики главным результатом стало начало становления комплексной региональной по-

литики в стране, создание институциональной структуры этой политики, освоение методологии и практики планирования в сфере регионального развития, механизмов получения и использования грантов Евросоюза, а также технической помощи со стороны ЕС.

Становление и развитие законодательных, организационных и административных основ региональной политики как системы происходит в Турции в условиях подготовки страны к вступлению в ЕС. Это обстоятельство оказывает многообразное влияние на процесс. С одной стороны, Турция имеет перед собой проверенную временем модель региональной политики: вполне очевидно, что основные рекомендации, проекты и программы ЕС являются в целом стандартными и основываются на опыте европейских стран. Кроме того, Турции уже на предвступительной стадии оказывается значительная финансовая помощь. С другой стороны, встает вопрос о том, насколько Турция подготовлена к восприятию европейского опыта в данной сфере, ведь масштабы и характер территориальной неравномерности в этой стране совершенно иные не только по сравнению со «старыми» членами общества, но и по сравнению с «новичками».

Литература

1. *Ульченко Н.Ю.* Экономическая география Турции. М., 2008.
2. Establishing a national pre-accession financial assistance programme for the Republic of Turkey in 2006 – http://ec.europa.eu/enlargement/fiche_projet/document/2006_018_079%20Turkey%20NP%20part%201-FA%20.pdf
3. Financing Memorandum – http://ec.europa.eu/enlargement/fiche_projet/document/2002-002-555.01%20to%20555.05%20Turkey%20national%20programme.pdf
4. First, Second, Third, Fourth Progress Report on Economic and Social cohesion, January 2002, 2003, 2004, 2005 – www.europa.eu.int/comm/regional_policy/index_en.htm
5. Issues Arising from Turkey's Membership Perspective. Commission Staff Working Document. {COM(2004)656final}, Brussels, 6.10.2004 SEC(2004)1202
6. Long-Term Strategy and Eight five-year Development Plan 2001 – 2005 – <http://ekutup.dtp.gov.tr/plan/viii/plan8i.pdf>
7. Ninth Development Plan 2007-2013 – <http://ekutup.dtp.gov.tr/plan/ix/9developmentplan.pdf>
8. Pre -accession Financial Assistance: 2002 National Programme for Turkey. // http://ec.europa.eu/enlargement/fiche_projet/document/2002-002-555.01%20to%20555.05%20Turkey%20national%20programme.pdf
9. Preliminary National Development Plan (2004 - 2006) –

- <http://ekutup.dpt.gov.tr/plan/p-ndp.pdf>
10. Regional Competitiveness Operational Programme (CCI No. 2007 TR 16 I PO 003) –
http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/turkey/ipa/tk3_regionalcompetitivenessop_2007_en.pdf
11. Turkey – Financial Assistance –
http://ec.europa.eu/enlargement/candidate-countries/turkey/financial_en.htm
12. Turkey. Multi-annual Indicative Planning Document (MIPD) 2008 – 2010 –
http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/mipd_turkey_2008_2010_en.pdf

Социальные диспропорции как мера хрупкости экономики КНР

Овчинников Федор Вадимович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Межрегиональная социальная дифференциация, а также разрыв в уровне жизни городских и сельских жителей являются широко известными проблемами развития Китая. На сегодняшний день существует множество различных оценок данных диспропорций, однако сохраняется потребность в подробном комплексном исследовании среднесрочных тенденций, связанных с эволюцией указанных противоречий, в контексте угроз, которые они могут представлять для социально-экономической стабильности КНР.

В данной работе нами был проведен анализ количественных и качественных (географических) изменений в межрегиональной дифференциации номинальных и реальных доходов населения КНР, а также разница в номинальных и реальных доходах городских и сельских жителей в различных регионах с 2000 по 2007 гг.. Статистической базой исследования стали данные официальных китайских статистических ежегодников 2001-2008 гг. Наши оценки реальных доходов населения для сопоставления регионов внутри страны были основаны на «законе Энгеля» об обратной зависимости доли расходов на продукты питания в потребительских расходах и общим благосостоянием. Для выявления изменений в межрегиональном распределении доходов мы отслеживали изменение межрегиональной медианы подушевых доходов и отношения среднего душевого располагаемого дохода десятой части населения страны, проживающей в «самых богатых» (с самым высоким душевым располагаемым доходом) регионах к аналогичному показателю для десятой части жителей Китая, проживающей в «самых бедных» регионах. Разрыв в доходах горожан и сельских жителей был

рассчитан нами для каждого региона отдельно, а затем к полученным результатам также была применена описанная выше методика. Такой подход представляется целесообразным для оценки межрегиональных социальных диспропорций и выявления негативных процессов, способных создать угрозу для устойчивого развития экономики КНР.

Проведенное исследование показало, что одновременно с наличием колоссального (до 3,5 раз) разрыва между средним номинальным подушевым располагаемым доходом «самых богатых» и «самых бедных» регионов, наблюдается значительно более равномерное (до 1,5 раз) межрегиональное распределение дохода, рассчитанного в продуктовых корзинах. Кроме того, если межрегиональная дифференциация номинальных доходов населения усиливалась в 2000-2007 гг., то неравенство реальных доходов демонстрировало в этот период устойчивую тенденцию к сокращению. При этом из-за беспрецедентного межрегионального ценового дисбаланса существенно различается география распределения номинальных и реальных доходов. Так, если в первом случае имеет смысл говорить о «классическом» разделении Китая на «бедный запад» и «богатый восток» – причем к последнему относятся практически исключительно приморские регионы, – то в случае реальных доходов уместнее говорить о делении страны на «богатый север» и «бедный юг». Это происходит из-за непропорционально высоких цен в провинциях Южного приморского района (за исключением о. Хайнань), которые, лидируя по уровню номинальных доходов, имеют реальные доходы ниже среднего по стране. В то же время во многих регионах Большого Северо-западного района, Среднего течения Хуанхэ, и в северной приморской провинции Хэбэй наблюдается противоположная ситуация.

В целом, межрегиональная дифференциация качества жизни населения в Китае постепенно сглаживается, но стремительный рост цен в «богатых» регионах во многом нивелирует эффект от этой гармонизации, создавая серьезные стимулы для активизации миграционных процессов. В свете экологических и демографических проблем Китая, связанных с неравномерным распределением населения по территории страны, эта тенденция может представлять угрозу ее экономической стабильности. Другая угроза создается в результате нарастающего разрыва в реальных и номинальных доходах горожан и сельских жителей практически во всех регионах страны. В условиях сохранения сельской прописки, «консервирующей» такое положение крестьян, накопление социальных противоречий, вызванных данным явлением, также может поставить под вопрос дальнейшее устойчивое развитие страны. На наш взгляд, стабильность социально-экономической системы КНР в сред-

несрочной перспективе будет во многом зависеть оттого, в какой степени китайское правительство сможет сгладить межрегиональные ценовые диспропорции и остановить нарастающее отставание реальных доходов сельских жителей от реальных доходов горожан.

Литература

1. *Гельбрас В.Г.* Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития 1949-2007. Курс лекций. Ч. 1. М. : Гуманитарий, 2007.
2. *Ганишин Г.А., Ушаков И.В.* Китай. Экономико-географический очерк. М. : Мысль, 2004.
3. *Бергстен, Фред.* Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве. / Ф. Бергстен, Б. Гилл, Н. Ларди, Д. Митчелл / Пер. с англ. – М. : Институт комплексных стратегических исследований, 2007.
4. *Bergsten F.* China's Rise. Challenges And Opportunities. / F. Bergsten, Ch. Freeman, N. Lardy, D. Mitchell / – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, September 2008.
5. *Naughton B.* The Chinese Economy. Transitions And Growth. Cambridge, Massachusetts; London, England: Massachusetts Institute of Technology, 2006.
6. Report on China's Economic Development and Institutional Reform No 1. China: 30 Years of Reform and Opening-Up (1978-2008) / Blue Book of Development and Reform / Beijing: Social Sciences Academic Press (China), 2008.
7. China Statistical Yearbook. Beijing: National Bureau of Statistics, 2001-2008.

Обменный курс юаня в условиях современного финансового кризиса

Ремыга Олег Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. В условиях современного финансового кризиса денежные единицы всех стран в той или иной степени испытали на себе его влияние. Многие из них девальвировались. Больше всех от кризиса пострадали: исландская крона, украинская гривна, австралийский доллар и российский рубль¹⁸.

2. На фоне нестабильности на валютных рынках юань сохраняет стабильность. Так, падение стоимости денежной единицы Китая по

¹⁸ Ведомости 02.02.2009, №17 (2287)

сравнению с максимальным значением 2008 г. составило лишь 0,6%¹⁹. Иначе говоря, его значение менялось мало, оставаясь в рамках 1%, определенного Народным банком Китая. Во время Азиатского финансового кризиса 1997 г., на фоне девальвирующихся денежных единиц «азиатских тигров» юань также смог сохранить стабильность.

3. В этом контексте анализ опыта реформирования и построения устойчивой валютной системы в Китае важен для других стран, в том числе и для России.

4. Экономики США и Китая являются крупнейшими в мире. Так, в 2007 г. совокупный ВВП США и Китая составлял 25% мирового ВВП²⁰. Очевидно, что столь мощные и тесно взаимосвязанные экономики не могут не играть заметную роль в развитии современного финансового кризиса. Не приуменьшая отрицательной роли США в создании условия для финансового кризиса, важно отметить, что Китай, а именно валютная политика Китая способствовала возникновению и развитию этого кризиса.

5. Одной из коренных причин кризиса стало нарастание избыточной ликвидности. Экономики США и Китая играли определенную роль в этом процессе, формируя дисбаланс глобальных платежей. Экономическая политика Китая, нацеленная на расширение экспорта, продвижение своей продукции по всему миру и ограничение потребления внутри страны, привела к тому, что Китай производил больше, чем потреблял. В результате возникло крупное положительное сальдо торгового баланса.

6. Благодаря положительному сальдо торгового баланса, Китай получал значительный объем финансовых ресурсов. Большая часть этих ресурсов направлялась Народным Банком Китая в США для приобретения долларовых активов. В свою очередь США направляли вырученные средства на закупку китайских товаров, тем самым способствуя финансированию китайского экспорта. Доходы от экспорта продолжали накапливаться, и цикл повторялся вновь. Не случайно Госсекретарь новой администрации США Хиллари Клинтон один из своих первых зарубежных визитов 20-22 февраля 2009 г. совершила в Китай. Наряду с политическими вопросами во время этого визита велись переговоры о дальнейшей закупке американских казначейских облигаций²¹. В на-

¹⁹ 中国外汇管理局, http://www.safe.gov.cn/model_safe/laws/law_list.jsp?ID=8060000000000000&id=4

²⁰ Worldbank, «Gross domestic product 2007, PPP», http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/GDP_PPP.pdf

²¹ Associated Press, 22.02.09

стоящее время Китай является крупнейшим в мире инвестором в гос-облигации США (696 млрд долларов²²).

7. Подобный механизм во многом сложился в результате проводимой в стране монетарной политики. Китай, ставящий своей целью поддержание заниженного курса юаня, ограничен в выборе других инструментов своей монетарной политики. Это означает, что до тех пор, пока Китай не либерализует свою систему валютного курса дисбаланс будет лишь нарастать.

8. Принятый в ноябре 2008 г. План Госсовета КНР «10 мер по дальнейшему расширению внутреннего спроса и стимулированию экономического роста²³» во многом призван ликвидировать данный дисбаланс путем расширения внутреннего спроса, увеличения объемов инфраструктурного строительства и развития инновационных технологий. Для решения этих задач запланирована налоговая реформа, которая ставит целью снижение давления на мелкий и средний бизнес. Кроме того, для стимуляции деловой активности были понижены ставки по кредитам и депозитам, и норма обязательного резервирования. В сложившихся условиях быстрая ревальвация юаня невозможна, ибо это заметно ослабит конкурентоспособность и без того сокращающегося экспорта (в январе 2009 г. экспорт Китая сократился на 17,5%²⁴). Кроме того, повышение курса юаня сократит золотовалютные резервы Китая, которые вложены в долларовые активы. Стратегия же расширения внутреннего спроса и поступательное снижение зависимости экономики Китая от экспорта, позволит создать благоприятные условия для проведения ревальвации юаня и перехода к системе свободного плавающего курса.

9. О результатах осуществления Плана Госсовета КНР и динамике обменного курса юаня можно будет судить уже в ближайшее время. Но, несмотря на выявленные в ходе исследования проблемы, китайская финансовая модель и, в частности, ее валютная система оказывается намного устойчивее в условиях финансового кризиса, по сравнению с развитой финансовой системой США.

Литература

1. Мэнкью Н.Г. Принципы макроэкономики. СПб., 2006.
2. Монтес М.Ф., Попов В.В. «Азиатский вирус» или «голландская болезнь». М., 1999.

²² 杨铮 张瑞杰 黎史翔, «购买美国国债中国继续当老大», 09/02/19, <http://fzwb.yinet.com/article.jsp?oid=48749934>

²³ Заседание ПК Госсовета КНР, <http://russian.people.com.cn/31521/6530066.html>, 10/11/2008

²⁴ 中国1月外贸数据表明最坏时期仍未过去

3. *George Soros*. The crisis of global capitalism, 1998.
4. *John Hicks*. IS-LM: An Explanation. // *Journal of Post Keynesian Economics*, 1980.
5. *Michael Pettis*. China: Is RMB Appreciation Slowing? // *Hot Money and Inflation Risks Still Being Downplayed in China*.
6. *Nickolas Lardy*. Debating China's exchange rate policy. // *Peterson Institute*, 2007.
7. 何小锋“东亚货币合作框架下人民币汇率制度的选择与实践”, 北京大学出版社, 2006
8. 李连发“中国金融体制改革”, 金融社, 2007
9. 吕随启
“金融开放进程中人民币汇率制度选择及其改革取向”, 北京大学出版社, 2004

Банковская система Китая в условиях мирового экономического кризиса

Тверская Дарья Васильевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В настоящее время в мире разворачивается жесточайший экономический кризис. В ноябре 2008 г. Госсовет Китая принял решение о выделении на стимулирование экономики 4 трлн. юаней (586 млрд. долл.), причем из госбюджета выделяются 1,18 трлн. юаней, остальная часть (примерно 2,8 трлн. юаней) должна формироваться местными бюджетами и дополнительными банковскими кредитами. Таким образом, банковская система страны должна будет принять на себя значительную часть инвестирования принятого пакета мер по стимулированию экономики.

На международном экономическом форуме в Давосе премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что для поддержания экономического роста в 2008 г. был принят ряд политических мер по отношению к финансовому сектору, включающий дополнительное увеличение кредитования, оптимизацию структуры выдаваемых кредитов и обеспечение большей финансовой поддержки сельскому хозяйству, а также малому и среднему бизнесу.

Банковский сектор Китая является основным каналом финансирования экономики. Поэтому эффективность его работы является залогом успешного экономического развития. Для облегчения положения китайских банков в 2008 г. норма обязательного резервирования снижалась 4 раза в общей сложности на 2% для крупных банков и на 4% –

для мелких и средних, что позволило повысить общую ликвидность банковской системы на 800 млрд. юаней. На эту же сумму возрос объем кредитования в январе 2009 г., увеличившись по сравнению с январем 2008 г. в два раза. Даже при условии сохранения темпов экономического роста, такое резкое увеличение выдаваемых кредитов неизбежно сопровождается снижением контроля за рисками и, как следствие, увеличением объема невозвратных кредитов. В сегодняшней же ситуации, когда экспортно-ориентированная экономика Китая страдает от уменьшения мирового спроса, снижение прибыли предприятий-заемщиков создает дополнительную угрозу увеличения «плохих» долгов банков.

По официальным данным, в настоящее время положение в банковской системе Китая выглядит благополучным. По данным Комиссии по банковскому регулированию и контролю (КБРК) доля «плохих» долгов в банковской системе Китая составляет 2,45% (снижение за 2008 год составило 3,71%, или 700,24 млрд. юаней). Однако, в действительности, столь резкое изменение ситуации вызвано единовременным списанием «плохих» долгов Сельскохозяйственного банка Китая на сумму около 700 млрд. юаней, а не улучшением качества кредитной политики банков. Однако, надёжность официальных сведений об объёмах «плохих» долгов вызывает сомнения. Это связано с тем, что установление правильно действующей международной системы классификации кредитов по 5 категориям в короткие сроки является сложной задачей в условиях работы китайской банковской системы по следующим причинам. Во-первых, при классификации кредитов используются субъективные оценки национальных экспертов. Во-вторых, гигантский размер филиальной сети государственных коммерческих банков препятствует соблюдению единого стандарта классификации. В-третьих, данные, предоставляемые заёмщиками о своём финансовом положении, часто оказываются ложными, поэтому банкам сложно правильно оценить степень риска для данных кредитов. Кроме того, по оценкам некоторых иностранных экспертов, количество «плохих» долгов в банковской системе Китая может начать возрастать. Например, оценки «Фитч инвесторз сервис» (крупнейшего финансового аналитического агентства США) показали, что в банковской системе Китая существует, помимо 206 млрд. долл. «плохих» кредитов, 271 млрд. долл. сомнительных кредитов, которые классифицируются в Китае как «кредиты, требующие повышенного внимания». Опасность состоит в том, что такие кредиты могут легко превратиться в «плохие» долги при ухудшении экономической ситуации в стране. Помимо этого, на балансах Компаний по управлению активами находится ещё около 200 млрд. долл. «плохих» долгов, и эта проблема может угрожать устойчивости

национального бюджета. Возможно, правительство будет в состоянии держать ситуацию под контролем в течение нескольких лет, учитывая большие золотовалютные резервы и сравнительно небольшой государственный долг страны. Однако, государственный долг может возрасти при увеличении расходов на социальную сферу и стимулирование экономического роста, а изменение внешнеторгового баланса страны требует осторожного расходования золотовалютных запасов. В условиях разрастания экономического кризиса проблема «плохих» долгов может угрожать финансовой безопасности государства.

Вероятность неблагоприятного для банковского сектора развития событий обусловлена следующими факторами.

Во-первых, отличительной чертой китайской банковской системы является высокая доля государственной собственности в банковском капитале и определяющее влияние правительства в распределении кредитов. Эти факторы обычно и становятся главными причинами принятия необоснованных кредитных решений, переполненности банковских штатов, чрезмерного числа филиалов и т.п., что является причиной серьезных банковских кризисов.

Во-вторых, Центральный Банк Китая – НБК до настоящего времени не является независимым и при осуществлении своей денежно-кредитной политики вынужден подчиняться директивным решениям китайского правительства и компартии.

В-третьих, в последние годы в Китае проводились кардинальные реформы, целью которых было создание эффективной, конкурентоспособной на мировом рынке банковской системы, работающей в соответствии с рыночными принципами. Однако, для этих преобразований были установлены слишком сжатые сроки. Очевидно, что правительство к моменту начала последнего этапа реформ недооценивало глубину имеющихся проблем, сводя их исключительно к финансовым затруднениям банков. Подход китайских властей к процессу реформирования банковской системы вызывает сомнения в понимании ими приоритетных причин возникновения проблем, а именно – роли правительственного вмешательства в накоплении банками огромного объема «плохих» долгов.

Масштаб проблем, стоящих перед Китаем, чрезвычайно велик. Экспортно ориентированная экономика Китая крайне уязвима в условиях глобального экономического кризиса, а ее переориентация в сторону внутреннего рынка является очень сложной задачей, решение которой требует длительного времени и огромных усилий. Проблемы, существующие в банковском секторе Китая, усугубляются не только необходимостью финансировать антикризисные экономические проек-

ты, но и отсутствием в настоящее время не только в Китае, но и в мире адекватной программы оздоровления финансовой системы.

Литература

1. “Liu Mingkan zai Yinjianhui 2009 nian di yi ci jingji jinrong xingshi tongbaohui shang qiangdiao: Bao zengzhang, fang fengxian, quebao yinhangye wenjian fazhan” [Лю Минкан на первой в 2009 году конференции КБРК по вопросам экономического и финансового развития подчеркнул: необходимо обеспечивать рост, предупреждать возникновение рисков и обеспечивать быстрый рост банковской отрасли] – cbrc.gov.cn
2. China Quarterly Update. December 2008. – www.worldbank.org
3. *Fan Gang*. Zhongguo zai quanqiu jinrong jubian zhong de jihui [Возможности Китая в условиях серьезных изменений на мировом финансовом рынке] – drcnet.com [19.11.2008]
4. Full Text of Chinese Premier’s Speech at World Economic Forum Annual Meeting 2009. – gov.cn [29.01.2009]

Влияние мирового финансового кризиса на рынок недвижимости Китая

Фролова Ирина Сергеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Мировой финансовый кризис, коснувшийся многих сфер экономики Китая, также затронул и сферу недвижимости, совсем недавно развивавшуюся стремительными темпами. Потери на фондовых рынках и падение цен на китайскую недвижимость удерживают инвесторов от вложения своего капитала в эту сферу, при этом ухудшение состояния мировой экономики удерживает и обычных людей, которые стараются не делать никаких крупных покупок, при этом ожидая еще большего снижения цен. В итоге получается замкнутый круг, что не способствует восстановлению рынка.

Пузырь недвижимости в Китае стал надуваться в связи с подготовкой к Олимпиаде-2008 в Пекине, притоком иностранных инвестиций и расслоением населения. Рынок недвижимости разделился на две зоны: столица и крупные города, где темп роста стоимости жилья был около 30% и остальная территория с ростом цен 10% в год. Подобная большая разница была вызвана различием в уровне доходов населения. Рост ажиотажа в первой зоне подкреплялся миграцией населения в города и ростом доходов городского населения. Пытаясь сдержать перегрев рынка, китайское правительство пошло на ряд мер, сдерживаю-

щих рост цен на жилье: первоначальный взнос не мог составлять менее 30%, если недвижимость продавалась раньше чем через 5 лет, продавец обязан был выплатить 2% от стоимости объекта и т.д. Одновременно с помощью этих мер предотвращались спекулятивные действия. После того, как из Китая начался отток спекулятивных денег, пузырь стал сдуваться. А снижение экспорта, привело к замедлению темпов роста всей экономики в целом, включая рынок недвижимости. Что и вызвало снижение цен на недвижимость.

Несмотря на интенсивность роста рынка недвижимости, ипотечная задолженность перед банками в Китае невелика. Она составляет всего 13% ВВП. Это объясняется жесткой политикой банков по отношению к заемщикам и малодоступность ипотеки. Поэтому, кризис в сфере недвижимости в основном коснется строительного рынка.

Снижение темпов роста на рынке недвижимости непременно скажется на строительной индустрии. Обрушение данной индустрии в свою очередь повлечет за собой спад в других отраслях, тесно связанных со строительством. Общий спад в этих отраслях вызовет разорение компаний и массовые увольнения.

Для предотвращения застоя на рынке недвижимости правительство Китая разработало ряд мер для борьбы с негативными процессами. Налог на заключение договора снижен до 1%, если размер недвижимости составляет менее 90 квадратных метров. Снизилась агентская комиссия. Отменили налог при продаже недвижимости менее чем через 5 лет после ее покупки и пошлину за регистрацию. Всего налоги и сборы стали составлять 3,1% общей стоимости объекта. Первоначальный взнос при покупке первого жилья снизился до 20%.

Хотя правительство и не может повлиять на ожидания потребителей дальнейшего снижения цен, однако, оно активно стимулирует внутреннее потребление, что является основным фактором выхода из застоя. По прогнозам рынок «оживет» только тогда, когда стабилизируется объем экспорта, который является основной статьёй дохода Китая.

Однако существует вероятность, что по сравнению с экономикой других стран, китайская экономика будет оставаться самой устойчивой. Тогда рынок недвижимости Китая вновь привлечет внимание инвесторов, что поможет ему выйти из кризиса.

Литература

1. Zhongguo fangdichan paomo yanjiu (Исследование мыльного пузыря китайской недвижимости)- Chongqing: Chongqing daxue chubanshe, 2009.08

2. Zhongguo chengshi fangdichan fazhan pingjia he yujing (Оценка и прогноз развития рынка городской недвижимости) – Shanghai: Shanghai shehui kexueyuan chubanshe, 2008
3. Китай имеет возможность смягчить глобальный спад – ИА «Российские финансовые коммуникации» - 10.10.2008
<http://rosfincom.ru/info/about.html>

Инновации в области использования альтернативных источников энергии в свете возможного сокращения запасов нефти в Китае

Ли Юйцзяо

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Технологии и мощности производства альтернативных источников нефти в Китае входят в новый период ускоренного развития, заменитель нефти играет важную роль в сфере поддержания структуры государственной энергетической отрасли и области экономического развития и обеспечения безопасности государства в данной сфере. Однако в долгосрочной перспективе будущего пути, внешняя зависимость от нефти не будет подвергаться основным изменениям.

1. В отрасли технологий замены угля на альтернативные источники нефти, Китай занимает первое место в мире, и масштабы в этой области растут очень быстрыми темпами. Объемы запасов угля в Китае являются очень значительными. По первоначальным расчетам общие разведанные запасы угля можно использовать не менее 100 лет. Это гораздо больший срок, установленного мировым сообществом 40-летнего срока полного истощения нефтяных запасов. Сейчас Китай является лидером в сфере добычи угля в мире. «Организация ресурсов и территории Китая» опубликовали 8 января 2009 г., что объем потребности угля в Китае превысит 3,5 млрд. тонн в год. Использование ресурсов угля и внедрение новых технологий ведущих к более экологически чистому использованию данного вида топлива, является основным направлением развития в данной сфере. Замена угля на альтернативные источники углеводородов, тоже составляет наиболее важное направление.

На сегодняшний день технологии замены угля на заменители, составляют всего 4 источника:

- 1) Технология смешивания угля с водой;
- 2) Газирование угля;
- 3) Косвенный способ разжижения угля;
- 4) Прямой способ разжижения угля.

Анализ направления планирования производства топлива в Китае из угля.

По расчетам средняя себестоимость производства топлива из угля составляет 25 долларов за 1 баррель. Эта стоимость является достаточно конкурентной на рынке углеводородов. По анализам распределения ресурсов возможное потребление топлива в Китае составит 50 миллионов тонн в 2020 г., необходимое потребление сырьевого угля для производства топлива составит 0,2 млрд. тонн. Это занимает лишь 7% от общего объема использования угля в Китае, поэтому это не может вызывать нестабильность в интенсивном использовании угля в этом направлении. В процессе производства топлива из угля необходимо употребление очень большое количество воды, а районы где производится добыча сырья, как правило, находятся в достаточно засушливых местах. Вопрос повторного употребления воды во время производства топлива является очень важным, и необходимо очень внимательно исследовать и анализировать эту проблему с научной точки зрения.

Однако мы считаем, что Китайское правительство прилагает большие усилия для использования чистого угля, так как ситуация с запасами нефти и угля являются противоположено диаметрально. Китай по внутренним запасам угля занимает 1-ое место в мире. На сегодняшний день 80% добываемого угля в Китае используется традиционным методом, и многие компоненты химического состава используются недостаточно эффективно, а также без соблюдения современных экологических требований. Решение этих задач является основной концепцией для цикличного развития экономики Китая. Это новый путь для китайской энергетики, который даст возможность найти выход из ситуации грядущего истощения нефтяных ресурсов.

2. Развитие производства различных видов биологического топлива и топлива на основе спирта для автомобильного транспорта.

Производство биотоплива для автотранспорта является новым направлением в XXI в. И ученые предполагают, что через 20 лет информационные технологии уступят место биотехнологиям, и будут занимать главное место в развитии мировой экономике. По причине непрерывного увеличения стоимости нефти на мировом рынке, все мировое сообщество прилагает большие усилия для развития биологических и химических технологий, чтобы найти достойные заменители нефти. Китайская сторона принимает очень активное участие в этой отрасли. В проекте этих видов топлива заложены средне- и долгосрочный план развития. Предполагается, что в 2020 г. масштаб производства биологического топлива будет составлять 300 млн. тонн каждый год. Основой будут являться, этиловый спирт и биологическое дизельное топливо.

3. Технологии аккумуляторной энергии.

По предполагаемым расчетам Международных организаций изучения использования энергии, в XXI в. будет широко использоваться энергия водорода, и этот вид энергии найдет большое применение в аккумуляторных батареях. Это способствует продвижению одного из видов энергии, исключающего загрязнения окружающей среды продуктами углеводорода.

В перспективе такие аккумуляторы представляются идеальной заменой имеющимся сейчас нефтяным видам топлива. Китайское правительство придает большое значение развитию данного вида топлива, и направляет значительную часть финансов на развитие технологий в этой сфере.

В долгосрочной перспективе нефть будет доминировать в качестве основного источника производства энергии, в тоже время она является невозпроизводимым ресурсом, и международные организации по использованию природных ресурсов предупреждают, что при современных темпах использования нефти запасы иссякнут через 40 лет. Поэтому в настоящее время ведущие государства направляют значительные финансовые ресурсы и в развитие новых технологий альтернативных источников энергии. Благодаря этому темпы развития в данной области очень динамичны. В Китае разведанные нефтяные ресурсы составляют всего 3% от мировых. По причине нехватки нефтяных запасов, пропорции зависимости от импорта нефти с каждым годом увеличиваются все сильнее. Более 50% нефтяного сырья используется в транспортной и производственной сфере. В сложившейся ситуации Китайское правительство обращает большое внимание на продвижение технологий по созданию альтернативных источников энергии. Предположительно через 10-15 лет Китай станет ведущей страной в данном направлении.

Материалы докладов XVI Международной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009».
Секция «Востоковедение, африканистика».

Научное издание

Издательская лицензия ИД №03821 от 25.01.2001

Издательский дом «Ключ-С»

Академии гуманитарных исследований

Подписано в печать 27.03.09. Формат 60х90¹/₁₆.

Гарнитура Times. Печать РИЗО. Усл. п. л. 5.85. Уч.-изд. л. 6.

Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано в Издательском центре ИСАА МГУ,
ул. Моховая, 11